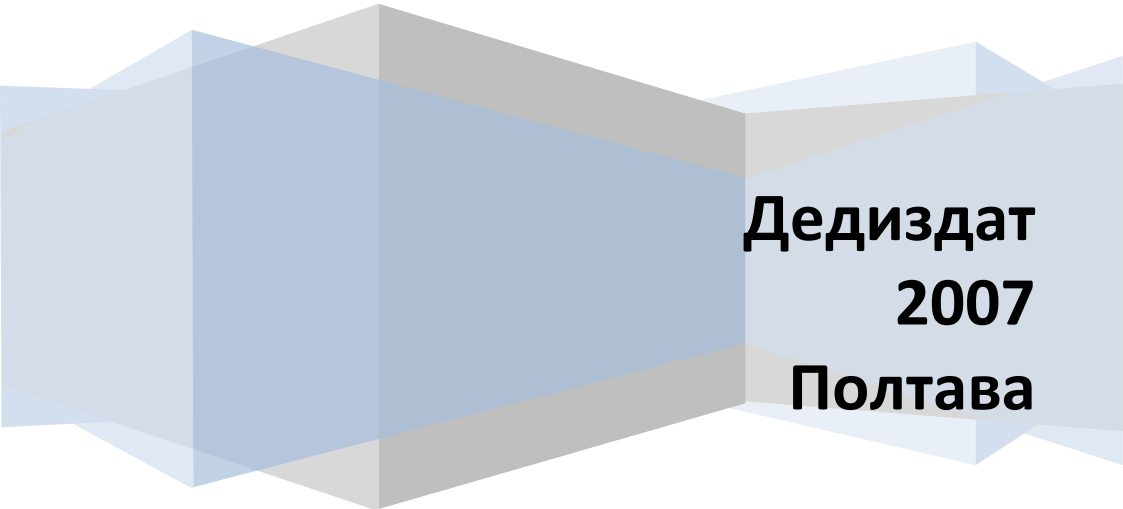

Борис Голов

**Детям,
внукам,
правнукам**

**Дедиздат
2007
Полтава**

Если, прочитав это повествование, ты подумаешь: «Как легко дедушке воевалось, он во время войны мог охотиться», ты серьёзно ошибёшься. Я просто не хочу рассказывать о тяготах войны. Первые полтора военных года я был рядовым солдатом. Это было самое тяжёлое для всех нас время. Было отступление, были огромные потери, были упорные бои... Надо ли рассказывать о том, как неприятно видеть падающие на тебя с пикирующих Юнкерсов бомбы. Или, как хочется, когда сидишь в открытом окопе под холодным дождём, в длинную ноябрьскую ночь, чтобы поскорее наступил рассвет, когда можно будет разжечь костёр и хотя бы немного обсохнуть и обогреться.... А ленинградская блокада, когда, после перевода полка с передовых позиций во второй эшелон, мы узнали, что такое настоящий голод. Пухли, болели цингой и боялись попасть в госпиталь, откуда, как правило, не выписывали, а выносили. Весной стало полегче – из-под снега вытаили убитые ещё осенью лошади. Мы их отыскивали, вырезали куски полуоттаявшего мяса, долго варили и крепко солили. Хотя конина изрядно отдавала тухлятиной, я почти уверен, что она помогла нам выжить.

Мне повезло, что пришлось служить на границе с Финляндией. Мы не воевали до начала августа 1941 года, тогда как на западе шли тяжелые бои с большими для нас потерями. Мой будущий однокурсник Андрей Трубецкой как раз там, уже в один из первых дней войны, был тяжело ранен. Остался жив только потому, что попал в немецкий госпиталь, располагавшийся в одном из литовских городов. К счастью, в этом городе жил его дядя, которому удалось взять его из госпиталя и спасти от плена.

Сколько было моментов, когда я чудом остался в живых... В начале войны, когда нас уже отвели с границы, немецкая мина угодила прямо в мой окоп, который я минуту назад оставил по приказу командира отделения, назначившего меня связным к командиру роты. В бою, где я был ранен, одна пуля сбила прицельную планку моего ручного пулемёта, вторая, поцарапав предплечье, пролетела под мышкой, прорвав гимнастёрку и нижнюю рубашку, а третья разорвала щёку. Искорёженную пулю нашли в суконной

петлице гимнастёрки, когда бинтовали щеку. Которая из них была «первой»? Можно бы ещё многое вспомнить, но что-то не хочется...

Мне захотелось рассказать моим внукам и правнукам о том, как интерес к природе, к животным, особенно к птицам, возникший ещё в раннем детстве, привёл к тому, что я выбрал специальность зоолога. Что же касается охоты, то и охотиться я стал с детских лет: ловил пчёл, шмелей, кузнечиков, позже стал ловить птиц. Это тоже охота. А охота с ружьём была моей страстью в продолжение нескольких десятилетий, начиная с 1939 года.

Не знаю, откуда появился у меня интерес ко всякой живности. Может быть, виноваты какие-то общие гены с тётей Шурой, маминой старшей сестрой. У неё, сколько я помню, всегда жили кошки, собаки, а в Горловке, где они с мужем дядей Васей жили в отдельном домике на краю большого больничного посёлка, у неё был настоящий птичий двор: куры, индейки, цесарки. И было их, как мне тогда казалось, очень и очень много. Жили у неё кошка Мурка и собака Маркиз, маленькая беспородная собачка. Он был общим любимцем и прожил у тёти Шуры, как я потом узнал, целых двадцать лет — рекорд собачьего долголетия.

В Горловку я попал на шестом году жизни, летом 1926 года. В это время мы жили в Кимрах, где я заболел малярией, и врачи посоветовали увезти меня куда-нибудь на юг. Так я оказался в Горловке, куда меня привёз отец и на целый год оставил на попечение тёти Шуры. И здесь у меня был только один приступ малярии, больше они не повторялись.

Свои ранние детские годы я помню смутно. По рассказам родителей знаю, что родился в Корчеве, небольшом городке на берегу Волги, в доме деда, которого уже не было. Мать отца, Татьяну Кононовну, высокую, стройную женщину, помню хорошо. Из этого периода ярко запечатлелись в памяти только отдельные картины. Помню большой кирпичный дом, кучу песка во дворе под одним из окон. Запомнился длинный большой сарай, где был хлев для коров, конюшня и ещё какие-то отделения. И ещё одна яркая картина осталась в памяти: мы с дядей Петей, папиным братом, едем на телеге с песком, а по тропинке вдоль опушки леса идут мама и несколько папиных сестёр с корзинками в руках. Они собирали в лесу то ли грибы, то ли ягоды. Дядя Петя, погоняя лошадь, приговаривал: «Ну,

Малышка, не бралась ба!». Именно «ба», а не «бы», так мне запомнилось.

Ещё помню масленицу и мчащиеся по набережной, куда выходили окна дома, тройки лошадей, разукрашенные лентами. Катание это, с бубенцами, музыкой и песнями, продолжалось несколько дней.

По рассказам родителей и маминой мамы, бабушки Елизаветы Петровны, в двух-трёхлетнем возрасте во время прогулок я почти каждый раз пытался поближе подойти к прыгавшему по земле воробышку или ходил за голубем, пока тот не перелетал куда-нибудь. Рассказывали, также, что я мог подолгу стоять и смотреть, запрокинув голову, на пролетающие на ночёвку стаи галок, грачей, ворон. Кончалось это обычно тем, что кто-то из сопровождавших брал меня за воротник полущубка или за руку и уводил домой.

Из Корчевы, где мне исполнилось три года, мы с моими родителями, бабушкой Лизой и старшей моей сестрой Зоей переехали в маленький городок Кимры, тоже, как и Корчева, на берегу Волги. Не пытайтесь найти Корчеву на современной карте. Всё, что от этого городка осталось, покоится на дне одного из рукотворных волжских «морей».

Дом, в котором мы жили в Кимрах, стоял на берегу маленькой речушки, впадающей в Волгу. Во дворе нашего дома у соседей была голубятня. Я мог часами стоять или сидеть на каком-нибудь чурбаке и смотреть на голубей. Меня часто оставляли там без присмотра, зная, что от голубей я никуда не уйду.

С Кимрами у меня связаны два очень ярких воспоминания. Первое относится к зимнему времени, когда на речке был уже довольно толстый лёд, но совершенно гладкий, снегу еще не было. Отец вывел нас с Зоей на лёд и мы сразу же на нём растянулись – так было скользко. Потребовалось несколько минут, чтобы мы научились сохранять равновесие и не падать.

И второе: в какой-то очень тёплый день (не знаю, апрель это был, или уже май, а, может быть и июнь) мы с бабушкой гуляли по берегу нашей речки и смотрели, как собравшийся здесь народ ловит какую-то крупную рыбу, кто корзиной, кто подлом юбки, кто просто руками; один мужчина то и дело закидывал удочку с какими-то крючками на конце лёски и вытягивал, за что попало, рыбину за

рыбиной. Как я теперь понимаю, это из Волги в нашу маленькую речушку шел на нерест лещ, и шел очень «густо».

В 1926-1929 годах наша семья жила в Кашине, районном городке Тверской области. Сюда меня привезли из Горловки и здесь я пошёл в школу. На улице, возле нашего дома, вдоль забора протянулись густые заросли репейника и чертополоха. Их яркие цветы привлекали много разных насекомых. Сюда прилетали пчёлы, шмели, бабочки, какие-то мухи, жуки. Появлялись здесь и осы. Я часто приходил сюда. Мне хотелось поподробнее рассмотреть этих букашек. Однажды, чтобы лучше рассмотреть, я решил попробовать поймать шмеля, сидевшего на большом цветке чертополоха. Мне удалось это сделать, схватив его двумя пальцами за крылья. Несколько раз я таким способом ловил и шмелей, и пчёл, а вот с осой не вышло: за крылья то я её схватил, но она, изогнув своё гибкое брюшко, больно ужалила меня в палец. Больше я на ос не охотился.

С Кашинем связаны и первые мои знакомства с птицами, если не считать воробьёв и голубей. В небольшом участке малины в нашем саду я как-то увидел маленькую птичку. Она была значительно меньше воробья. Я замер на месте и стоял неподвижно пока она, совсем недалеко от меня, перелетала с одного стебля малины на другой, что-то склёвывала и тихонько посвистывала. «Малиновка», решил я, поскольку увидел её в малине. Позже понял, что это была какая-нибудь славка или пеночка.

В соседнем саду был небольшой пруд с рябинами по берегам. К осени все эти деревья разукрасились яркими кистями ягод. Однажды ночью выпал снег. Выйдя утром во двор, я услышал какие-то трели и увидел на рябинах стайку птиц. Они обрывали и глотали ягоды, перекликаясь своими звонкими трелями. Видимо потому, что их появление совпало с прошедшим ночью снегопадом, я назвал этих птиц снегирями. Много позже, когда я узнал настоящих снегирей и успел познакомиться по книгам и в природе со многими другими птицами, понял, что это были свиристели. Тогда я ещё не знал, что снегيري никогда не глотают ягоду целиком, а раскусывают её и выбирают семена. Да и окраска у них другая, и хохолков, как у свиристелей, у снегирей нет.

В Кашине у меня впервые возник интерес к ужению рыбы, который и до сего времени меня не оставил. А тогда на очень

примитивные самодельные удочки мы с одноклассниками ловили в нашей речке Кашинке пескарей и уклеек. Речка протекала совсем недалеко от нашего дома. Часто я и один, накопав червей и наловив мух, бегал на речку. На муху хорошо клевали уклеи.

Иногда на перекатах, где глубина была меньше, чем по колено, а дно реки устлано обкатанными водой камешками (галька, как я потом узнал) мы охотились на миног, которых здесь было много. Эти змееподобные существа своими присосками прикреплялись к камешкам. Тела их всё время изгибались, колеблемые сильным течением. Надо было ухватить миногу поближе к голове и постараться удержать в руках её скользкое тело, что не всегда удавалось. Позже я узнал, что это были , самые мелкие наши, ручьевые миноги. На дне речки мы довольно часто находили какие-то странные камни, которые мы называли «бараньи рога» и окаменевшие небольшие стержни с заостренным концом, получившие у нас название «чёртов палец». Уже в университете из курса палеонтологии узнал, что это были окаменевшие остатки аммонитов и белемнитов, моллюсков, живших в Юрском периоде.

В Кашине я придумал себе игру. Вскоре после Нового года, когда с ёлки сняли игрушки и украшения и собрались ее сжечь в нашей большой русской печке, я отрезал одну или две ветки и решил сделать «лес». На небольшом куске фанеры шилом наделал дырочек и в эти дырочки вставил «вверх ногами» прямые еловые веточки с иглами, причем иголки «смотрели» вниз. Каждую такую веточку я считал елкой и натыкал их на фанерке несколько десятков. Получился настоящий еловый лес, и назвал я его «тайга». А раз тайга – должны быть и звери. Нарисовал на плотной бумаге зайцев, лисиц, волков, медведя. Кажется, срисовывал их с какой-то книжки, может быть со своего букваря. Аккуратно вырезав их маленькими мамиными ножницами, я разместил этих зверей в разных участках леса. А на одну из елок ухитрился, с помощью клея, посадить крошечную белку. И еще два оленя гуляли по лесу.

Несколько вечеров ушло у меня на изготовление этой игрушки. Но вскоре иголки стали дружно осыпаться и голые палочки уже не были похожи на лес. А позже я лепил разных зверей из глины, но лес уже не делал.

В Горловке, украинском шахтёрском городке, куда мы переехали из Кашина, мы жили в доме тёти Шуры. В школу, уже во второй класс, я ходил в этот городок за два с половиной километра. Дом тёти Шуры стоял на краю больничного посёлка, а через дорогу, ведущую в соседнее село, начинался обширный участок целинной степи, «бугор», как его здесь называли. Наверное потому, что он немного возвышался над окружающей территорией. Летом я часто ходил туда в надежде увидеть что-нибудь интересное. Здесь было много насекомых, особенно кузнечиков разной окраски и размеров, в траве нередко удавалось увидеть ящерицу. Но самым интересным для меня было понаблюдать сусликов, большое поселение которых располагалось недалеко от дороги. Эти симпатичные зверьки вели себя очень осторожно и при приближении моём прятались в норы. Чтобы поближе их рассмотреть, я, лёжа или сидя за кустиком полыни, ждал, когда они успокоятся и выйдут из своих нор. Терпения на это у меня хватало. Однажды с соседскими ребятами мы попытались «вылить» суслика из норы. Вылили в нору почти полное ведро воды, после чего показалась мокрая голова суслика и сейчас же исчезла в норе. Никто из нас не успел схватить суслика. Воды, оказалось, было мало. Идти же ещё раз по воду никто не захотел: стояла сильная жара и далеко было до колонки в больничном посёлке.

Отец работал в строительной организации, которая, закончив одну стройку, начинала другую, часто в другом городе, и нам приходилось переезжать вслед за строителями.

Из Горловки в Славянск, со всем нашим небогатым имуществом, мы ехали на двух подводах, запряжённых, каждая, парой лошадей. На первой, обыкновенной телеге, которую наши возчики называли «бричка», ехали все мы: бабушка, мама, Зоя, младший наш брат Николай и я. Вторая повозка, с высокими бортами из толстых, редко расположенных планок («гарба»), была загружена мебелью, какими-то узлами и ящиками. Отец с нами не ехал, он уже был в Славянске.

Было это в летнее время. Уж тут-то я на сусликов насмотрелся! По обочинам дороги и по склонам балок, по которым чаще всего пролегалa дорога, их поселения встречались очень часто. При приближении нашего «обоза» зверьки громко свистели и ныряли в

свои норы. А те, что были подальше от дороги, вставали на задние лапы, чтобы лучше нас рассмотреть, и тоже свистели.

В Славянске мы поселились в отдельном небольшом домике на территории хозяйственного двора строителей. «Зоологических» воспоминаний об этом периоде у меня почти не осталось, но осталось одно «ботаническое». В школе, где я учился уже в третьем классе, ребята узнали, что под окнами нашего домика я вскопал грядку и что-то там посадил. Помню только, что выросли несколько хороших подсолнечников, но прозвище «огородник» прилипло ко мне до конца этого учебного года.

Однажды вечером я поймал во дворе ёжика и принёс его домой. Прожил он у нас только два или три дня. Пришлось выпустить — уж больно громко он топал по ночам своими маленькими лапками и не давал спать родителям. За длинным сараем, где я ёжика выпустил, он нашёл несколько мёртвых, высохших дождевых червей и жадно на них набросился, съел всех до одного. Плохо я его кормил...

В Славянске я завёл кроликов. Самец был крупным, породы «Голубой венский», а самка поменьше, у неё была густая и длинная белая шерсть. Порода эта называется «Ангорская». Сначала они жили в клетке, а потом прямо в сарае, где выкопали глубокую нору, насыпав на земляном полу сарая большую кучу земли. Как-то, войдя в сарай, я заметил, как что-то чёрное юркнуло в нору. Крольчонок! Прикрыв изнутри дверь, я притаился в углу сарая. Вскоре из норы появились, один за другим, несколько крольчат. Стоило мне пошевелиться, как они снова исчезли в норе. Но вскоре они перестали меня бояться, а взрослые кролики, их родители, были совсем ручными. Всего в выводке оказалось пять крольчат, совершенно не похожих ни на одного из своих родителей: два совершенно чёрных и покрупнее остальных, а три поменьше, пегих, чёрно-белых. И все они были гладкошерстными.

Вот с этим семейством кроликов мы и переехали на новую стройку, в небольшой посёлок под Лисичанском. Кроликов моих в осеннюю пору кто-то украл, а зимой 1933 года мы переехали в Полтаву, где я продолжил учёбу в пятом классе, полгода проучившись в одной из лисичанских школ.

Поселились мы в Полтаве сначала на улице Чубаря (теперь Артёма). Почти напротив нашего дома, на углу улиц Чубаря и Уютной, жил Ярослав Мохначёв, с которым мы вскоре познакомились и подружились. Учились мы в одной школе, 10-й, только он был на один класс младше. В школу и домой мы почти всегда ходили вместе.

Мохначёвы жили в маленьком собственном домике, был у них небольшой земельный участок с молодым садом. Отец Ярослава, Яков Кузьмич, каждой осенью заказывал на Мельничном комбинате одну две подводы зерновых отходов и рассыпал их по всему участку. А в этих отходах было много разных семян: подсолнечника, проса, гречихи, конопли, каких-то сорных растений. Сколько же птиц здесь собиралось! Кроме галок, грачей, сорок и ворон, сюда слетались разные мелкие зерноядные птицы. Ярослав от отца уже знал их названия и знакомил с ними меня. Поодиночке и стайками сюда прилетали кормиться щеглы, чижи, зеленушки, толстоклювые и очень красивые дубоносы. Иногда появлялись зяблики, коноплянки. И, конечно, много было синиц и воробьёв, любимой добычей которых были семечки подсолнечника.

Ярослав

Вскоре после нашего знакомства, Ярослав сказал мне, что в нашей школе учиться мальчик, который тоже интересуется птицами, Юра Товкач. Он же меня с ним и познакомил. Юра был на год старше меня и учился в шестом классе. Действительно, он всерьёз интересовался птицами и уже знал некоторых наших птиц. Дома у него, в большой клетке, жил скворец. Очень скоро мы с ним подружились, чему способствовали общие интересы. В свободное от школы время мы почти всегда были вместе, то Юра приходил ко мне, то я к нему. Оказалось, что бо́льшую часть пути в школу и из школы мы могли идти вместе. Жил Юра немного дальше от школы, чем я, на улице Липовой.

Летом 1933 года нашу семью постигло большое горе: во время приступа малярии умер Коля, мой младший брат. Похоронили

его на городском кладбище, которое уже давно не существует. Осталась только могила Котляревского, а на территории бывшего кладбища вырос парк его имени.

С улицы Чубаря мы летом этого же 1933 года переехали на другую квартиру, в дом №108 по улице Шевченко. Две квартиры в этом доме арендовала строительная организация, в которой работал отец — Укрстройлегпром, так она называлась. Одну квартиру заняла семья Бочаровых, другую — наша. Владимир Илларионович Бочаров был начальником этой организации, отец работал главным бухгалтером. Укрстройлегпромом в Полтаве были построены хлебозавод, большой Прядильно-трикотажный комбинат (ПТК), большой многоквартирный дом для сотрудников ПТК, а также реконструирован завод «Металл», ныне Турбомеханический. По окончании работ Бочаров был назначен директором этого завода.

Дом, в который мы переехали, был совсем недалеко от дома Мохначёвых, так что с Ярославом мы продолжали часто встречаться. Мы с ним придумали сигнал, которым вызывали друг друга из дома — высвистывали весеннюю песенку синицы. Ярка иногда так громко свистел, что слышно было за целый квартал. В это время у нас появились ещё два товарища — Котька (Константин) Бочаров и Серёжа Холмогоров. Отец Сергея был главным инженером ПТК, а поселились они совсем недалеко от нас и от Мохначёвых, на улице Чубаря, как раз на полпути между нашими домами. Почему-то чаще всего мы собирались или в нашем дворе, или у нас дома. Ни Котька, ни Сергей птицами не интересовались. Зато все мы, кроме Юры, играли в индейцев, устраивали соревнования в стрельбе из самодельных луков, из каких-то перьев мастерили «индейские» головные уборы. Из лука я стрелял лучше всех, и мне было присвоено индейское имя Орлиный Глаз. Индейских имён Котьки и Сергея не запомнил. Однажды, в углу сада Мохначёвых, из стеблей подсолнечника, кукурузы и каких-то веток, мы соорудили «индейский вигвам» и раскуривали в нём «трубку мира». За этим занятием нас обнаружила Яркина мама Юлия Станиславовна. За курение нам попало, хотя мы просто пускали дым, а трубку, позаимствованную Ярославом у отца, набили сухими листьями яблони. В этом же «вигваме» мы читали вслух всеми нами любимую книгу С. Томпсона «Маленькие дикари».

И всё же, чаще всего мы общались с Юрой. В выходные дни мы стали выбираться на экскурсии в соседние с городом уголья. Вскоре побывали во всех окрестных лесах, а весной и осенью, когда шёл пролёт птиц, часто бывали на речке Коломак за Южным вокзалом, где можно было увидеть и уток, и куликов, и чаек, да и многих других перелётных птиц. Со временем эти экскурсии стали и более частыми, и более продолжительными. Если встречалась не знакомая нам птица, мы старались возможно подробнее её рассмотреть, в чём нам помогал Юрин бинокль, записывали её отличительные признаки, а дома по книжкам, по рисункам искали название этой птицы.

И у Юры, и у меня уже были какие-то книги о природе, о птицах и зверях и мы ими обменивались. Одна из Юриных книг мне очень понравилась, отдельные рассказы из неё помню до сих пор. Книга называлась «Лесной шум», автор — Лесник. Это был псевдоним автора, настоящую его фамилию я узнал много позже из журнала «Охота и охотничье хозяйство», где был помещён его рассказ «Мои собаки» и статья о нём, с указанием фамилии. Но я её не запомнил! Юра очень берёт эту книгу, это был подарок его отца с автографом. К сожалению, мне запомнилась только первая строчка этого автографа, вот она: «Полюби природу, милый Юрий, в ней ты найдёшь...».

Не знаю, от кого я узнал, что отец и старший брат Юры были арестованы, и судьба их не была известна. Может быть, от моей мамы, которая была знакома с мамой Юры, Ольгой Даниловной Тригуб, хорошо известным на Полтавщине врачом -терапевтом. Они иногда встречались. С Юрой об этом мы никогда не говорили. Я знал, что в школе друзей у него не было. То ли он сам сторонился одноклассников, то ли они сторонились его.

В этот период, в шестом или седьмом классе, я стал заниматься фотографией. У Юры была книжка профессора С.И.Огнёва «Фотография живой природы». Вскоре после её прочтения я смастерил очень примитивный фотоаппарат. Это был картонный ящик с маленькой дырочкой в передней стенке, а сзади вставлялись самодельные кассеты под фотопластинки 6х9 сантиметров. Объективом служило стекло от маминых очков. Но снимки получались! До сих пор сохранились у меня два или три снимка, сделанные этим «аппаратом». Позже фотографирование стало моим постоянным занятием на протяжении многих лет. И аппаратов разных было много, от «Фотокора» до

«Фотоснайпера» с телеобъективом и аппаратом — зеркалкой «Зенит-ЕС».

Однажды Юра откуда-то принёс каталог одного из книжных издательств, в котором были названия очень нужных нам книг. Их можно было выписать наложенным платежом, родители согласились оплатить их стоимость. Так у нас появился «Определитель птиц» С.А. Бутурлина и Г.П. Дементьева. Эта книга сразу же стала нашей настольной книгой. Здесь, кроме определительных статей, были подробные описания каждого вида наших птиц, сведения об их распространении. Выписал я, также, «Спутник следопыта» А.Н. Формозова. По-видимому, это было самое первое издание этой книги. После войны она переиздавалась ещё несколько раз.

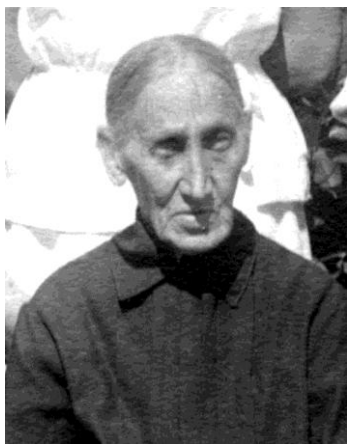
Александр Григорьевич
Голов, Елена Семеновна
Голова, Зоя и Боря.

Несколько позже, таким же путём, мы приобрели небольшую книжку С.А. Бутурлина «Что и как наблюдать в жизни птиц». Юра узнал как-то, что в нашем охотничьем магазине продаётся книга нашего полтавского зоолога Н.И. Гавриленко «Птицы Полтавщины» и мы купили, каждый себе, эту книгу.

В этой небольшой книжке были приведены краткие сведения о 322 видах птиц, которые гнездились, зимовали или встречались на пролёте на территории бывшей Полтавской губернии, занимавшей значительно большую площадь, чем область сегодняшняя. Все эти книги помогали нам ориентироваться в разнообразии птичьего населения.

Изучением птиц мы стали заниматься всерьёз, стараясь как можно подробнее записать всё, что удавалось увидеть, узнать на экскурсии. Во время одной нашей экскурсии, когда мы шли по Овражной улице, Юра мне показал дом, где жила семья Н.И. Гавриленко, и сказал, что Николай Иванович арестован и куда-то сослан.

С седьмого класса экскурсии наши стали регулярными. Почти в каждый выходной день, зимой и летом, мы отправлялись в поход в какое-нибудь из окрестных угодий. В каникулы совершали дальние экскурсии, часто за пределы Полтавского района. За три последних года моей учёбы в школе (Юра окончил её двумя годами раньше) нам удалось побывать в урочище Парасоцкое на территории Диканьского лесного массива, в сосняках Гетманщины, на Шедиевом лимане в долине реки Орели. Многие из этих походов — за десятки километров от Полтавы и, как правило, пешком. Только на Великое Болото, возле Малой Перещепины, где мы бывали неоднократно, можно было доехать поездом.

Бабушка Таня

Бабушка Лиза

Снимки самодельным аппаратом, 1937 год

Самым любимым нашим урочищем, где мы бывали чаще всего, было Рудное. Напрямую по карте до него было 8 километров, но нам приходилось преодолевать расстояние больше 12-ти. Только летом, когда против села Вакуленцы строили пешеходный мостик через реку Ворсклу (и то не каждое лето), путь наш значительно сокращался. А привлекало нас Рудное разнообразие угодий, что обуславливало разнообразие птичьего, и не только птичьего, населения. Здесь были и старые, и молодые участки сосняков, и разновозрастные участки лиственного леса, часто с густым подлеском, ольшаники, почти всегда стоящие в воде, участки тростников, старицы и озёра на лугах в долине Ворсклы между рекой и лесом.

Обычно я заходил за Юрой, что бывало очень рано, чаще всего ещё затемно. Стучал в окно, Юрина тётя, Софья Даниловна, будила его и, если это было в холодную пору, пускала меня в кухню. Юра собирался быстро, и мы отправлялись в поход. Если в Рудное, то приходилось идти через весь город до Южного вокзала, а потом по длиннющей (3 километра) улице Сакко и через большое стрельбище, граничащее с опушкой Руднянского леса. В летнее время нам удавалось попасть сюда к восходу солнца. А продолжалась экскурсия почти весь день. К вечеру мы выходили на опушку леса, на край стрельбища, и располагались на непродолжительный отдых. Это были очень приятные для нас минуты: отдыхали не только наши ноги, был отдых и от жары, и от комаров, которые в лесу не давали нам покоя, начиная с первых дней мая и до начала августа, позже их становилось поменьше. Здесь мы сверяли наши записи — не пропустил ли кто-нибудь из нас что-то интересное, планировали маршрут следующей экскурсии. Домой приходили уже в глубокие сумерки, когда солнышко давно зашло.

Время было довольно трудное: хлеб, да и многие другие продукты, продавали по карточкам, причем существовали нормы на одного человека. Не могу сказать, что голодали, но хотелось бы хлебushка побольше. Собираясь на очередную экскурсию, я отрезал два куска хлеба, намазывал их толстым слоем повидла и накладывал их один на другой. И это служило пропитанием на целый день. Иногда к хлебу добавлялись две варёные картофелины. Если у кого-

нибудь из нас оказывалось что-то другое, мы его делили пополам. Да и всё остальное делили.

В 1938 году хлеб стали продавать уже не по карточкам и без ограничений. Теперь мы с Юрой имели возможность брать на экскурсию по целой «Французской» булке (теперь у неё название - «Городская»).

К 1937 году мы уже хорошо знали многих наших птиц и узнавали их не только по внешним признакам, но и по голосам. Иногда соревновались: кто первым назовет птицу, чей голос или песню мы слышали. Ошибок почти не было.

Хочется рассказать об одной нашей экскурсии в Гетманщину в 1939 году. Из книги Н.И. Гавриленко мы знали, что на территории этого урочища гнездились орлы могильники. Правда, со времени её опубликования прошло десять лет, но вдруг они там ещё гнездятся?

На майские праздники у нас было три свободных дня (на демонстрации мы никогда не ходили), и мы решили использовать их для этого похода.

Мы знали, что путь предстоит дальний, больше 45-ти километров. Вышли 29 апреля. Заночевав в Михайловке у Юриных знакомых (его мама лечила кого-то из их семьи), на рассвете 30-го апреля отправились в Гетьманские боры, до которых оставалось всего около 15-ти километров. Как же мы обрадовались, когда, ещё не доходя до леса, увидели кружащихся над ним двух орлов. Прибавили шагу и через несколько минут были в лесу. Но орлов не было видно, куда-то они улетели. Мы надеялись, что где-то должно быть их гнездо. Гнездовой период уже начался, и держатся они парой.

Часа полтора ходили мы по соснякам в поисках гнезда. Вышли на большую поляну, а на противоположной её стороне, на самой опушке, возвышаются над остальным лесом две вековых сосны, и на вершине одной из них — огромное гнездо. Когда кто-то из нас стукнул топориком по стволу, с гнезда слетел орёл. Могильник! Мы сразу узнали его по длинным и широким крыльям и короткому хвосту. Значит, идёт насиживание и в гнезде должны быть яйца. Юра меня подсадил и я добрался до обломков когда-то бывших здесь толстых сучьев. Но дальше, сколько я ни пытался, залезть не удавалось. Ствол руками не обхватить, совершенно гладкая кора, до первых, нижних, сучьев не менее трёх метров. Пришлось слезть.

Стали думать, что делать дальше. Сначала решили сходить в Михайловку за верёвкой, чтобы по ней добраться до первых сучьев. Но на это мы потеряли бы весь день. Решили срубить тонкую сосенку и подставить её к старой сосне, чтобы по ней, как по шесту, добраться до нижних сучьев. Большого труда и времени стоило нам подставить эту длинную и очень тонкую сосенку к нашей сосне. Уж и тяжела она была! Но подставили, и я благополучно добрался до гнезда. Пришлось в него залезть, очень уж велико оно было. Сидя в гнезде, я уложил находившиеся в нём два яйца в специально для этого взятую коробку и на длинном шнуре спустил её Юре. Слезть с гнезда тоже оказалось непросто. Его широкие края не позволяли увидеть или нащупать достаточно надёжный сук, чтобы за него ухватиться. Решил разобрать середину гнезда, чтобы добраться до толстых веток. Это мне удалось. Выбрав самую толстую, я ухватился за неё левой рукой и, повиснув, перевесился через край гнезда и нащупал правой рукой толстую ветку. Ну, а дальше всё было просто. Юра сфотографировал сосну с гнездом орлов, и мы отправились в обратный путь. Он проходил по старым лиственным лесам, и нам удалось найти и осмотреть несколько гнёзд сарычей, гнёзда коршуна и ястреба тетереvyтника. А 1-го мая мы обследовали участок Диканьского заповедного леса и большую колонию серых цапель на левом берегу Ворсклы против Михайловки. Здесь я осмотрел шесть гнёзд цапель. Из двух мы взяли яйца для коллекций, мне и Юре.

Результатами этой экскурсии мы остались очень довольны. Долго потом вспоминали какие-то моменты этого нашего похода. И кто-то из нас сочинил лозунг: «Нет такого дерева, на которое мы не смогли бы залезть!».

Надо признаться, что нередко, особенно в старших классах, мне «приходилось» прогуливать уроки, вместо школы отправляясь на экскурсию. Чаще всего это случалось весной или осенью. Разве можно было усидеть в классе, когда появляются первые весенние гости или первые зимующие у нас птицы, когда идёт массовый прилёт или отлёт? Всё это должно было быть отмеченным в дневнике. Чтобы на экскурсии не таскать с собой портфель с учебниками и тетрадями, я прятал его под крышку одного из столбов наших ворот, где он свободно помещался. Учился я хорошо, вот только туго было с алгеброй. Азы пропустил и догнать ушедший вперёд класс не

удавалось. Больше, чем «три с минусом» у меня по алгебре не получалось.

Уже в десятом классе, перед самыми выпускными экзаменами, я ухитрился пропустить целую неделю. Придя однажды из леса («из школы») домой, я застал там классного руководителя, Якова Михайловича Дымшица, беседовавшего с мамой. Мне было сказано, что, если я не сдам первый экзамен, к следующим меня не допустят, со всеми, вытекающими из этого, последствиями. Но первый экзамен, химию, я сдал на «хорошо», а в аттестате у меня была только одна «тройка», конечно — по алгебре.

В 1980 году остатки двух наших десятых классов отметили 40-летие окончания школы. Набралось менее двадцати человек, в основном — «девчонки». Из Москвы приехал и бывший наш классный руководитель Яков Михайлович. В одной из классных комнат нашей 10-й школы состоялось «классное собрание», каждый из нас «отчитался» о своих успехах за прошедшие четыре десятилетия. После моего «отчёта» Яков Михайлович вспомнил мои прогулы и нашу случайную встречу в вагоне Московского метро, когда я уже учился на Биофаке МГУ.

Осенью 1939 года, очень рано, ещё в сентябре, появились, обычно зимующие у нас, снегири. В недалёком от нашего дома (три километра) Гришковом лесу стайка этих птиц держалась на начавшей зарастать небольшой лесосеке. Здесь были заросли лебеды, крапивы, щерицы и невысокая, но густая, поросль от пней.

Мне очень хотелось поймать снегиря. Я поставил там западню и в качестве приманки насыпал семян конопли, подсолнечника, ягод рябины. Несколько дней, каждое утро, а учились мы во вторую смену, я бегал в лес, но снегири не попадались. Только после того, как я замаскировал западню ветками лебеды, а её веточки с семенами, которыми и кормились здесь снегири, положил в качестве приманки, в очередное утреннее посещение обнаружил попавшуюся снегириху. Вот было радости! Однако, пересаживая в приманное отделение западни, я ухитрился её выпустить. Ох уж и обидно было! Какими только словами я себя не обзывал!

Но вскоре удалось поймать снегиря в нашем саду, где эти птички кормились семенами сирени. Много их всю зиму держалось и в городе, и в его окрестностях.

В 1936 году, в начале учебного года, я заболел. Полтавские врачи долго не могли понять, что со мной происходит и, в конце концов, отправили в одну из Харьковских больниц, где меня продержали больше двух недель. Вот тоска-то! Здесь одним из врачей было высказано предположение, что моё сердце не успевало за бурным ростом организма. А я, действительно, сильно вырос за прошедшие несколько месяцев. Мне пришлось заново начинать учёбу в восьмом классе, от прежних своих одноклассников я отстал. Болезнь эта прошла без последствий. В восьмом и девятом классах я посещал школьную спортивную группу, где мы работали на коне, брусьях, кольцах, перекладине. На экскурсиях я лазил на деревья, когда надо было осмотреть гнездо или взять яйца. Юра, при необходимости, меня подсаживал, а в лазании по деревьям он мне сильно уступал. Запомнился случай, когда Юра, будучи в Рудном без меня, не смог взять яйца из гнезда чеглоков, загнездившихся в старом гнезде вóронов на высокой сосне. Юра сказал мне, что оставалось около трёх метров до нижних сучьев, до которых он не смог добраться. Через несколько дней мы были там вместе и яйца чеглоков я достал.

Когда мы с Юрой познакомились, у него жил только один скворец. Позже мы стали ловить птиц и многих держали в клетках. Жили у нас щеглы, чижи, зяблики. У меня жила коноплянка, которую я держал ради её очень приятной песенки. Однажды мы с Юрой поймали клеста еловика, птицу, которую раньше нам и видеть не приходилось. Держали мы его по очереди. Птичка была совсем ручной, из клетки слетала на ладошку с семечками, и я носил её по всей квартире.

Я часто брал из гнезда каких-нибудь птенцов и выкармливал их, причём жили они, обычно, на свободе. Больше всего мне нравились представители семейства врановых — галки, сороки, вороны. Жил и маленький сокол пустельга. Все они, в конце концов улетали, отыскав своих сородичей. Правда, один грач, тоже свободно летавший, прожил шесть лет, но на седьмом всё же улетел.

Держал я и зверушек. Жила у меня совершенно ручная мышка. Поймал я её в живоловку и держал в большой стеклянной банке. Она очень быстро привыкла ко мне и совсем перестала бояться. Очень приятно было, когда этот малюсенький зверёк, сидя на моей ладони, умывался или что-то грыз.

Жила у меня одно время белая крыса, тоже совершенно ручная. Почему-то она боялась гулять во дворе, хотя по комнате бегала охотно. Когда я выпускал её во дворе на землю, она сейчас же забиралась по моим брюкам в карман, где, по-видимому, чувствовала себя в безопасности.

Однажды летом мы с Котькой спали в саду, в доме было очень жарко. Ночью нас разбудили какие-то странные звуки. Оказалось, что в саду появился выводок хорьков, и мать выводка подняла тревогу, издавая громкие и необычные для наших ушей звуки. Одного из её детёнышей мне удалось накрыть одеялом. До утра он просидел в пустой выварке для белья, а утром, с помощью кожаной перчатки (кусался!), я посадил его в клетку, в которой раньше жил скворец. Через несколько дней хорьчонок стал привыкать, брал из рук кусочки мяса и уже позволял себя погладить. Правда, на руку при этом была, на всякий случай, надета перчатка. А вдруг вздумает укусить?! Размерами он был около половины величины взрослого хорька. Однажды клетка, стоявшая во дворе, оказалась пустой. То ли сам хорёк сумел раздвинуть проволочные прутья клетки, то ли кто-то его выпустил, когда меня не было дома.

В 1937 году двух моих товарищей постигла беда. Были арестованы отец и мать Котьки Бочарова, а вскоре арестовали отца Сергея Холмогорова. Детей Бочаровых, мою ровесницу и одноклассницу Таню и Константина, который был на три года младше меня, из квартиры просто выгнали. Мои родители взяли их к себе, но на них так ополчились ближайшие соседи (как же, приютили у себя детей «врагов народа»), что родителям пришлось снять для них комнату где-то подальше от нашего дома. А в их квартире поселился следователь Векленко с семьёй, до этого «работавший» в Кишенъке. В ту пору это был районный центр самого захудалого района области. Этого следователя мы почти не видели, так как «работал» он по ночам, а днём отсыпался.

В 1938 году Юра окончил школу. Вскоре он мне рассказал, что познакомился с зоологом (не помню, киевским или харьковским), который предложил ему поработать в экспедиции, отправлявшейся в самый южный лесной массив Украины в Кировоградской области — «Чёрный лес», в качестве таксидермиста. Задачей экспедиции было изучение видового состава птиц этого леса и других исследований

птичьего населения. В Юрину задачу входило изготовление тушек птиц, которых будут добывать участники экспедиции. Почти два месяца, весь август и большую часть сентября Юра проработал в этой экспедиции. По возвращении он рассказал мне много интересного. Ему удалось узнать новые виды птиц, на Полтавщине нам не встречавшихся. Этот же зоолог (Компанеец или Компаниец, не запомнил точно его фамилию) помог Юре получить «Разрешение на право охоты на птиц в научных целях».

В конце 1938 года мне исполнилось 18 лет, и вскоре я получил в милиции разрешение на приобретение охотничьего ружья. Купить пришлось самое дешёвое из тех, что были в нашем охотничьем магазине. Была это одноствольная «Ижевка» 20-го калибра, без мушки, без верхней антабки (петли для крепления ремня) и с чужим цевьём. Стоила она всего 40 рублей. Эти деньги мне выделили родители из семейного бюджета. Как оказалось, бой у этого ружья был отличный, а без мушки я вполне обходился, целясь при стрельбе по стволу ружья. Немного позже и Юра купил себе такую же «Ижевку», только совсем новенькую. Юра заключил договор с Киевским Зоологическим музеем, и мы стали стрелять птиц для пополнения научных коллекций этого музея. Очень мелкой дробью и половинными зарядами мы стреляли разных мелких птиц. Не знакомых нам определяли, снимали шкурки и, обработав их раствором мышьяка, набивали ватой или паклей в виде лежащей мёртвой птицы. Каждая тушка снабжалась этикеткой с указанием латинского названия вида, даты и места добычи, как и положено по научным правилам. Хочется похвастать, что в изготовлении птичьих тушек мы так «набили руку», что тратили на это очень мало времени. Однажды Юра попросил, чтобы я засёк время, когда он будет снимать шкурку садовой славки. Оказалось, что для этого ему потребовалось всего три с половиной минуты!

За эти тушки нам хорошо платили. За галку-альбиноса, которую мне удалось подстрелить в соседнем саду, заплатили 75 рублей, а наша мечта — фотоаппарат “Фотокор” стоил тогда 150 рублей. Вскоре на заработанные деньги мы купили по такому фотоаппарату. Теперь мы имели возможность делать снимки птичьих гнёзд, да и самих птиц. Юре удалось в Рудном сфотографировать сидящую на гнезде чёрную крачку, сделал он снимок гнезда чибиса, где были три яйца и только-что

выклюнувшийся птенец. У меня получились хорошие снимки малых зуйков и их гнёзд, гнезда камышницы, гнезда и птенцов малой выпи.

Я попробовал делать чучела птиц. После нескольких проб на воробьях у меня что-то стало получаться, а вскоре я приобрёл книжку «Набивка чучел птиц и зверей» (автора не помню), из которой узнал много полезного. До ухода в армию я успел сделать чучела дубоноса, черношейной поганки, грача, камышницы, совы неясыти. Все эти чучела пропали во время войны.

В 1939 году охота на пернатую дичь открывалась 30-го июля. У меня ружьё уже было, а Юра только собирался его приобрести, разрешение для этого из милиции он уже получил. Мы решили всё же начать охотничий сезон и с одним ружьём, а стрелять по очереди.

Этим летом мама Юры, Ольга Даниловна, и её сестра, тётя Соня, часть отпуска проводили в селе Михайловке. Юра работал на Противомалырийной станции, а по выходным дням к ним присоединялся. Мы же с Котькой Бочаровым и Серёжкой Холмогоровым почти все каникулы жили в селе Гавронцах, которое расположено, как и Михайловка, по правому берегу Ворсклы, но в трёх километрах южнее, ниже по речке.

В Гавронцах в нашем распоряжении была небольшая хата, хозяйева которой, знакомые моих родителей, переехали в Полтаву. Продукты — овощи и фрукты мы покупали у соседей, что-то по выходным дням привозили мои родители.

Рано по утрам мы с Котькой бегали на Ворсклу, которая была совсем близко от нашей хаты, и ловили бубырей (речной бычок).

Гетманщина. Гнездо могильников

Юра возле Гришкова леса

Юра для масштаба рядом с сосной с гнездом могильника

Гнездо чибиса

Черная крачка

Их в речке было так много и они так резво клевали, что за каких-нибудь полчаса на длинном кукане уже не оставалось места. Вернувшись с уловом, будили Сергея, обязанностью которого было приготовление завтрака из этих бубырей.

Иногда у соседей мы брали сетку, которой можно было ловить рыбу на мелководье или у берега в заброд. Это были две дуги из толстых палок, на которых была натянута, в виде конуса, сетка с мелкими ячейками. По одной дуге был широкий вход в этот конус, а другая растягивала его хвостовую часть. Называлась эта сетка «бродак». Иногда этим бродаком нам с Котькой удавалось наловить два-три десятка окуньков, голавлей, плотичек. Попадались и те же бубыри. Изредка попадалось в сетку и что то покрупнее — голавль,

щучка или крупный окунь. Чаще всего эта рыба шла на уху, а Серёжка был мастер по её приготовлению. И ему было присвоено звание — шеф-повар.

Вечером 29-го из Михайловки пришел Юра и остался у нас ночевать. Охотиться мы решили в урочище «Зелёный Гай», северной части Руднянского лесничества. Здесь были обширные пустоши и луга, тростниковые болота, большое озеро «Терновое», по берегам заросшее тростником, камышом, рогозом, и окружали его густые и колючие заросли терновника, откуда и название. Ближе к Ворскле было много стариц, перелесков, небольших, заросших осокой, низинок с водой или уже высохших. Чтобы попасть туда к рассвету, нужно было выйти затемно, что мы и сделали. Поскольку ружьё было одно на двоих, мы еще дома разыграли, кому стрелять первым. Сергей зажал две спички между пальцами и длинная выпала мне.

Утро выдалось туманное, на траве — обильная роса. Как только вышли на луг, ноги наши сразу же стали мокрыми. На большой луговине, еще в тумане, мы неожиданно довольно близко подошли к, по-видимому, ночевавшим здесь, журавлям. Четыре эти великолепные птицы почти бесшумно и без единого крика взлетели в нескольких десятках метрах от нас. До сих пор видеть журавлей нам случалось только во время осеннего и весеннего перелётов высоко в небе. «Наверно, это выводок, два старых и два молодых. Видно где-то здесь и гнездились», — предположил Юра.

Понемногу туман рассеивался, к тому же, и рассветало. Не успели мы миновать место, с которого взлетели журавли, как из-под самых моих ног с шумом взлетел перепел. Я вскинул ружьё и, почти не целясь, нажал спусковой крючок. Но выстрела не было. Что такое!? Да, очень просто: впопыхах я забыл взвести курок. Посмеялись, но первый выстрел так и остался за мной.

Совсем рассвело, и туман разогнал слабый ветерок. Со стороны озера то и дело слышались выстрелы. И утки летали в разных направлениях, но высоко, вне выстрела. Подошли к озеру и решили здесь не охотиться, а пройти по мелким болотинкам и старицам. Много было здесь охотников. А мы с одним ружьём на двоих. Как-то не солидно... Дождавшись, когда вспугнутая охотниками большая выпь села в тростники на другой стороне озера, мы с Юрой

повернулись спиной к озеру и отправились искать счастья в других местах. Утки летать перестали, стрельба почти прекратилась.

Подходили к небольшой низинке с куртинкой камыша и рогоза и небольшой, не досохшей еще, лужицей. И вдруг туда сел чирок, скрывшись за этой куртинкой. Я взвёл курок и, пригнувшись, стал обходить эти «заросли». Чирок взлетел и камнем упал после моего выстрела. «Ура!! Мы с добычей!». Подбежал Юра и мы сразу определили, что это был взрослый селезень чирка трескунка, уже полностью перелинявший. У нас два вида чирков — трескунок и свистунок. Отличаются они окраской и размерами. Трескунок чуть-чуть покрупнее.

Мы обошли несколько болотинок и стариц – пусто! Утки куда-то попрятались. На одной старице, заросшей по берегам ивняком, Юра подстрелил водяную курочку — камышницу. Чтобы её достать, ему пришлось забрести по пояс. Камышница чуть поменьше чирка, но из всех наших многочисленных водяных курочек размерами уступает только лысухе.

Теперь мы оба были с добычей. Время шло к полудню. Мы поняли, что уток нам не найти, и решили хотя бы на дроздов поохотиться. Когда-то они считались «королевской дичью». Несколько дроздов мы добыли, стреляя по очереди. Стало очень жарко, мы уже были близко от Гавронцев. Решили на этом охоту закончить. Мост через Ворсклу был на другом конце села и, идти к нему по жаре нам очень не хотелось. Это еще три с лишним километра. Вышли к реке, а там – перекат, совсем мелко, нам удалось перейти на другой берег, чуть замочив колени. Через несколько минут мы были уже в нашей хате и её население приветствовало нас и поздравило с успехом.

Котья с Сергеем принялись ощипывать и готовить дичь, а мы с Юрой как-то дружно уснули. Пока мы спали, дичь была приготовлена, а кто-то из ребят сбегал в магазин, что на другом конце села, за четвертинкой водки. И не лень было идти по такой жаре! Водку разлили «на троих», трое и выпили. Я же давно дал себе слово не курить и не пить. В одной из книжек известного писателя и охотника Зворыкина я вычитал, что зверь чует курильщика на расстоянии в три раза большем, чем некурящего. А что не буду пить водку — решил еще в Кашине, где отец работал на спиртзаводе и

нередко приходил домой «на верблюдах», что очень не нравилось маме. Почему «на верблюдах»? Поднимаясь по лестнице на второй этаж, где мы жили, батя пел: «А вот идёт один верблюд, а вот идёт второй верблюд» и т.д., пока не пройдёт весь караван. «Ну вот, снова на верблюдах», – говорила мама.

Вечером Юра отправился в Михайловку, а из Полтавы приехали мои родители на выходной день. Охота, по-видимому, открывалась в субботу.

Хочу сказать, что водку я первый раз выпил уже во время войны, 1-го сентября 1941 года, когда стали выдавать так называемые «боевые сто граммов». Каждому солдату нашей роты досталось по стограммовой бутылочке, запечатанной сургучом и с заводской этикеткой. Было это в уже блокадном Ленинграде. А когда меня провожали в армию, вместе с друзьями и родителями мы пили чай, а о выпивке даже и речи не было. Курить же я начал в январе 1944 года, когда была прорвана блокада и мы за десять дней дошли до реки Нарвы, чуть южнее города с тем же названием.

В 1937 году мы стали собирать коллекцию птичьих яиц. Чтобы обеспечить научную ценность наших сборов, мы подробно записывали всё, относящееся к месту расположения гнезда, из чего оно сделано, его размеры, количество яиц в кладке и степень их насиженности. К концу лета 1940 года у меня в коллекции были яйца 72-х видов птиц, с указанием русского и латинского названий вида и подробными записями.

Во время войны мои дневники и коллекция яиц сохранились у тёти Шуры, которая оставалась в Полтаве. Пропал только дневник за 1940 год. Это была тетрадь большого формата, с отличной бумагой и в хорошей обложке. Записей было немного. Кому-то понадобилась... После возвращения в Полтаву коллекцию яиц со всеми записями я передал в наш Краеведческий музей.

Юра с 1939 года работал на Противомалерийной станции и попутно продолжал заниматься птицами. Работа его была связана с пребыванием на природе. В его обязанности входило обследование водоёмов — прудов и болот в окрестностях города и в некоторых районах области. Если он обнаруживал личинок малярийных комаров, сотрудники станции чем-то обрабатывали этот водоём. Конечно, Юра всё это время не забывал проводить орнитологические наблюдения и

частенько заходил ко мне, делился новостями. А я готовился к выпускным экзаменам, потом сдавал их. В конце сентября 1940 года я был призван на военную службу. Призывная комиссия удовлетворила мою просьбу о направлении в пограничные войска, а не во внутренние, куда меня сначала хотели определить. В пограничной служба была на целый год продолжительнее, но уж больно не хотелось идти во внутренние...

27 сентября всех призывников собрали у военкомата, откуда, построившись в длинную колонну, мы отправились по хорошо знакомому мне маршруту на Южный вокзал. И всю дорогу, до самого вокзала, нас сопровождала, идя по тротуарам, большая группа родителей, в основном - матерей, в том числе и моя мама.

Нас распределили по товарным вагонам, по 40 человек в вагон. На нашем вагоне я прочел надпись крупными белыми буквами: «40 человек, 8 лошадей». Наши вагоны служили для перевозки людей, по обеим сторонам от широкого проёма дверей были устроены двухэтажные нары. Они были жесткие, из досок. Приходилось подстилать под себя верхнюю одежду, благо было тепло. Ехали мы несколько суток. Сколько песен перепели! Много было таких, что я никогда и не слышал.

Выгружались на станции Хиитола, недалеко от новой границы с Финляндией. Здесь сохранился финский посёлок с большими казармами, где нас, новобранцев, и разместили. Это был Учебный батальон 102-го погранотряда, в котором нам предстояло служить. Нашего приезда уже ждали, раньше нас прибывшие сюда, только что окончившие военные училища, младшие командиры и лейтенанты – командиры взводов и рот.

Очень не повезло нашему командиру взвода. Над ним частенько подшучивали командиры других взводов: "Лейтенант Корнеев, бардак в вашем взводе!", или "Когда в вашем взводе бардак прекратится?" или что-нибудь еще в таком роде. А дело в том, что во взводе был солдат по фамилии Бардак. Был еще и Батрак, но к его фамилии шуток не придумали.

Незадолго до окончания Учбата были контрольные стрельбы, начальство проверяло, как нас научили стрелять. Меня и еще одного солдата посадили в блиндаж в трёхстах метрах от огневого рубежа. Мы должны были крутить барабан с телефонным проводом,

прикреплённым к подвижной мишени — фигуре бегущего солдата. Началась стрельба, мы крутили по очереди, так как мишень двигалась туго. Вдруг провод оборвался. Я взял конец провода и пополз, чтобы исправить обрыв. Стрельба сразу же прекратилась, и прибежавший командир нашего отделения привел меня на огневой рубеж, прямо к начальнику штаба батальона, присутствовавшему на стрельбах. Запомнил его звание и фамилию — капитан Шахрай. Да такую фамилию и запомнить нетрудно!

Выяснив, что я инструктаж прошел и знал, что не только ползти, но и высовываться из блиндажа нельзя, он объявил: "Пять суток гауптвахты!"

Если кто не знает — это находиться под арестом назначенный срок. Ремень с меня сняли и, под конвоем того же командира отделения, я оказался в нашей казарме. Обед мне принесли, до вечера меня никто не тревожил, после отбоя старшина роты приказал мне вымыть полы в казарме. Тем и закончилось. То ли моя инициатива понравилась, то ли уж очень хорошо я полз, но на "губу" меня так и не посадили.

После двух месяцев Учебного батальона, где нас пытались обучить некоторым премудростям военной науки, нас распределили по пограничным заставам. Я попал на 9-ю, где и прослужил до начала войны.

Ещё в Учебном батальоне, если занятия проходили не в казарме, я всегда подмечал что-нибудь для себя интересное: то сойка пролетела, то дятел перелетает с дерева на дерево, то вдоль недалёкой опушки леса над вершинами сосен пролетают какие-то довольно крупные птицы, похожие в полёте на уток. Уже на заставе мне удалось увидеть их поближе, а весной услышать их почти несмолкаемое бормотание и чуфыкание. Это были тетерева. И как же их здесь было много! Их никто не тревожил в пограничной зоне, охотиться здесь было нельзя. Здесь же я ближе познакомился с самыми крупными куликами — кроншнепом и веретенником. Здесь эти птицы чуть ли не над каждой поляной совершали свои токовые полёты, сопровождаемые громкими трелями. У нас на Полтавщине их можно было видеть только во время весеннего и осеннего пролётов.

Служба на заставе мне нравилась. Главное и, как говорил начальник заставы, младший лейтенант Усачев, "СВЯТОЕ дело

пограничников — охрана государственной границы". Каждый день во время вечерней поверки, нам объявляли наряд на следующие сутки. Наряд по охране границы не мог быть больше восьми часов, но это время обычно делили пополам, только дежурных по заставе и по кухне назначали на восемь часов. Составлял план наряда заместитель начальника заставы младший лейтенант Поросёнков. Никаких, очень неприятных, команд "подъём" или "отбой" здесь небыло и быть не могло. Охрана границы ведётся круглосуточно и, если ты был в наряде днём, то вторая его часть попадала на ночное время, причем каждый раз по-разному. Ночью дежурный по заставе шёпотом поднимал очередной наряд. Быстро и тихонько одевались и, после краткой инструкции кого-то из офицеров или старшины заставы, отправлялись в дозор, патруль или секрет, или же часовым у заставы. Был еще наряд — часовой у шлагбаума. На участке нашей заставы границу пересекали железная дорога и шоссе, был и шлагбаум. Ни передвижений по шоссе, ни поездов здесь никогда не бывало, но изредка или с нашей, или с финской стороны здесь передавали дипломатическую почту.

О строевой подготовке даже и речи не было. Ежедневно, зимой и летом, свободные от наряда пограничники под командой старшины час-полтора занимались спортом. Под большим навесом (раньше это был финский сарай) была оборудована спортивная площадка с перекладиной, брусьями, кольцами и конём. Зимой проводились лыжные кроссы или просто прогулки на лыжах.

В зимние морозы, а они нередко бывали за 40 градусов, мы одевались настолько тепло, что трудно было передвигаться: толстые ватные брюки и ватная куртка, поверх которой овчинный полушубок; на голове шерстяной подшлемник и меховая шапка-ушанка, на ногах огромные валенки, позволявшие обмотать ноги тремя парами шерстяных портянок. Куда там преследовать нарушителя! Добрести бы до конца левого фланга и обратно, что в сумме составляет 10 километров.

Однажды Поросёнков ошибся в плане наряда, и нам с напарником пришлось дежурить у шлагбаума восемь часов подряд. Мороз был очень сильный, то и дело трещали от мороза сосны. Мы пытались бегать, толкали друг друга, но согреться было трудно. В результате у меня подшлемник примёрз к носу, а нос мой вскоре

распух, почернел и стал похож на картофелину средней величины. К счастью, это прошло без последствий для носа. Младший лейтенант Поросёнков попросил у нас прощения за свою ошибку, и оба мы были освобождены от наряда на целых двое суток.

Конечно, в наряде я старался не пропустить что-то для себя интересное. Вот сойка перелетела с сосны на сосну, а потом спустилась на землю, а с тропинки вспорхнул рябчик. Что-то искал здесь, камешки, что ли? Много разных птиц иногда встречалось на маршруте. Здесь я неоднократно наблюдал, самого крупного нашего, черного дятла — желну и слышал его заунывный свист.

Иногда за нарядом увязывались две собачки, оставшиеся при заставе после ухода финнов. Обе маленькие, одна белая с рыжими пятнами, а вторая — настоящая лайка: вся черная, только на груди большое белое пятно и маленькая белая кисточка на кончике хвоста, а к её экстерьеру не смог бы придраться самый строгий судья. Я каждый раз любовался этой собачкой и мечтал такую же когда-нибудь завести. И вот, если эти собаки решили сопровождать наряд, отделаться от них было невозможно, а на всём протяжении маршрута стоял собачий лай. В лесу было много белок, собаки быстро находили зверька и начинали облаивать, а когда наряд удалялся, следовали за ним и находили другую белку. Заставское начальство ругало пограничников, но и оно любило собачек и понимало, что прогнать их с маршрута невозможно. Вскоре то же самое повторялось с другим нарядом. А финны по собачьим голосам могли определить, где, примерно, находится наш наряд.

Кухня и столовая располагались в отдельном небольшом домике. Повар, Коля-Николай, как все его называли, в том числе и командование заставы, был единственным и строгим начальником над этими заведениями. Это был солдат третьего года службы, высокий, голубоглазый, худой, с густой и почти белой шевелюрой. Он был не только поваром, но и пекарем, хлеб пёк на всю заставу. В помощь ему ежедневно выделяли наряд из двух человек. Столовая была открыта круглые сутки, поскольку круглые сутки и в разное время на охрану границы выходили наряды. Перед выходом в наряд или по возвращении на заставу можно было позавтракать, пообедать или поужинать. Круглые сутки в столовой были чай и хлеб, а положенную на сутки порцию сахара Коля-Николай выдавал к завтраку. В

столовой всегда был народ: отправляющиеся в наряд, возвратившиеся с границы, просто свободные от наряда любители попить чайку и поболтать. Иногда, при необходимости освободить помещение для уборки, повар или кто-то из дежурных по кухне на раскалённую плиту насыпали красного перца и выходили. Почти сразу же вслед за ними из столовой выскакивали все, кто там находился — настолько ядовитым был перечный чад.

Как-то в конце мая или начале июня, назначенные в дозор по левому флангу нашего участка, мы с напарником тихонько шли по протоптанной многочисленными нарядами тропинке. Неожиданно, из-за поворота нам навстречу выбежала лисица, изо рта которой свисали хвосты и лапы каких-то мелких грызунов, по-видимому — мышей и полёвок. Лисица замерла на месте, мы тоже. Две-три секунды, и лиса, прыгнув с тропинки, исчезла в густом кустарнике. Мне показалось, что во рту у неё было не менее шести - семи грызунов, таким густым веером свисали их лапы и хвосты.

Спустя несколько дней, кому-то из ребят удалось поймать лисёнка. Было это вечером, и его посадили в большой ящик, стоявший недалеко от вольёра с нашими служебными собаками. То ли собаки почуяли лисёнка, то ли лису, приходившую к нему, но своим лаем они не давали нам спать, и около полуночи старшина заставы лисёнка отпустил и собаки быстро успокоились.

С Юрой мы изредка переписывались. Перед самой войной я получил от него открытку с сообщением, что в каком-то зоологическом сборнике была опубликована его статья.

А потом — война... О том, что она вот-вот будет, мы знали уже с начала мая. Не знал только "вождь, учитель и отец всех народов" Сталин-Джугашвили. Или знал, но не верил многочисленным донесениям разведки. Только на участке нашей заставы в середине мая два перебежчика с финской стороны сообщили о том, что вблизи от границы сосредоточиваются немецкие и финские войска и что вот-вот начнётся война. Да мы и сами уже это понимали. На правом фланге участка нашей заставы, на высоком берегу небольшого озера, по середине которого проходила линия границы, сохранился финский домик. На его чердаке была установлена стереотруба, позволявшая видеть расположенный недалеко от противоположного берега финский пограничный кордон и часть проходящего здесь шоссе. На

этом наблюдательном пункте (НП) в светлое время суток ежедневно дежурил наряд из двух пограничников. Все, замеченные на финской стороне, передвижения заносились в специальный журнал. Обычно там появлялись только финские пограничные наряды, как и у нас, по два человека. Но в мае наши наблюдатели неоднократно отмечали появление каких-то автобусов, колонн солдат, велосипедистов, мотоциклистов. Вскоре весь этот участок финны загородили сплошным высоким частоколом. На НП наряд больше не посылали.

Конечно, все эти и многие другие сведения поступали в Москву и, если бы не "товарищ" Сталин, страна успела бы подготовиться к достойной встрече немецких войск. Из-за этого "товарища" начало войны было для нас таким тяжелым, с такими большими потерями.

В командовании пограничными войсками нашего Ленинградского военного округа оказались, к счастью, светлые головы. Вскоре после майских праздников на участке нашей заставы (думаю, и по всей границе с Финляндией) были построены оборонительные сооружения, ДОТы и ДЗОТы. В мае же застава была усилена ротой регулярной Красной Армии, и в наряд мы ходили уже не по два, а по шесть человек, два пограничника и четыре армейца.

В субботу, 21 июня 1941 года, нам объявили, что завтра для всех, кто не в наряде, будут проведены соревнования по плаванию. Но утром в воскресенье никаких разговоров о плавании не было, а в 12 часов мы услышали по радио сообщение Молотова о "внезапном и вероломном" нападении Германии. У меня вдруг задрожали колени, и ничего с этим не мог поделать. Было стыдно, боялся, не заметили бы товарищи. Но продолжалось это недолго. Всё время думал о родителях. Из переданной после выступления Молотова сводки Информбюро мы узнали, что ранним утром немецкие самолёты бомбили Киев и Полтаву. А в Полтаве в то время был большой военный аэродром.

В ночь на 23 июня по всему нашему участку (напомню, что здесь границу пересекают железная дорога и шоссе) всю ночь гоняли два больших гусеничных трактора. Утром пролетел финский самолёт-разведчик, но никаких танков обнаружить не смог — в густом лесу их легко замаскировать. Может быть всё это — и постройка оборонительных сооружений, и имитация подхода танков явилось причиной того, что мы не воевали до начала августа. Были отдельные

стычки с вражеской разведкой, две попытки нападения на наши заставы, легко отбитые. В самом конце июня на нашем левом фланге финнами или немцами был захвачен наряд соседней, 8-й, заставы из шести человек. Когда на место схватки прибыли тревожные группы обеих наших застав, там были обнаружены только следы борьбы. После этого случая мы получили приказ: при обнаружении нарушителей границы открывать огонь без предупреждения.

Через несколько дней почти на том же месте был наш наряд. Была вторая половина дня, время нашего дежурства подходило к концу, когда кто-то из нас заметил человека за забором из колючей проволоки. Старший наряда приказал мне и еще одному пограничнику продвинуться до поваленной сосны, поближе к проволоке, и выяснить, кто там. "Если с оружием — стрелять без предупреждения", — добавил он. Пробравшись по низинке до сосны, мы увидели человека в гражданской одежде и без головного убора, с автоматом в руках, стоящего во весь рост почти вплотную к проволочному забору. От нас до него было 60-70 метров. "Стреляй", — шепнул мне напарник. Вместо того, чтобы тихонько послать патрон из магазина в патронник, я сделал это очень громко. Ну, как стрелять в человека без предупреждения! Нарушитель, услышав, тут же присел на корточки. Я выстрелил, и в ответ раздалась автоматная очередь, пули просвистели над нашими головами. Выстрелил и напарник уже по убежавшему нарушителю границы. Очень быстро, как мне показалось, прибыла с заставы тревожная группа во главе с начальником, прочесали участок за колючей проволокой, но ничего не обнаружили. Только на месте, откуда стрелял нарушитель, я нашел 11 гильз с надписью на донце: "Suomi". Так финны называют свою страну. Оба мы "промазали", но огорчения по этому поводу я, почему-то, не испытывал. Одну гильзу я долго носил в кармане гимнастёрки, а куда она делась — я так и не знаю. Хочется сказать, что стрелял я хорошо. Ранней весной нашу заставу инспектировал начальник штаба Пограничных войск Ленинградского военного округа полковник Антонов. В его присутствии на контрольных стрельбах я тремя выстрелами поразил три мишени, находившиеся на расстоянии в 75, 150 и 300 метров от линии огня, и тут же получил благодарность от этого большого начальника.

До 3-го августа мы продолжали охранять участок своей заставы, но ночевали не в доме, а в ДОТах и ДЗОТах, построенных ещё в мае. Из этого времени мне запомнился один случай. Ночью, а ночь была совсем светлая, я стоял на посту у ДЗОТа, в котором отдыхало наше отделение. Не стоял, а ходил по тропинке, туда и обратно, в пределах 10-15 метров. И каждый раз, когда проходил возле одного кустика, из него вылетала каменка. Но, стоило мне отойти на несколько шагов, она возвращалась на то же место. Осмотрев этот куст, я убедился, что гнезда там нет. Да и гнездовой период уже кончился. Похоже было, что птичка просто привыкла спать на этом месте. Больше я её не тревожил.

3 августа нас сменили рота регулярных войск Красной Армии и рота Народного Ополчения, а нас с границы отвели в район станции Элисенвара, где находился штаб нашего погранотряда. Из погранотряда был сформирован стрелковый полк. До 12 августа мы, выкопав окопы, по приказу переходили на новый рубеж, снова копали, снова отходили. Копать же приходилось с киркой и ломом, очень « трудная» земля в Финляндии. Один только раз была небольшая стычка с разведкой немцев или финнов. 12 августа был первый настоящий бой. Несколько атак нам удалось отбить, но половина заставы (теперь она называлась ротой) вышла из строя убитыми или ранеными. Был ранен и я. Мне пулей разорвало щеку, а другая царапнула предплечье. К вечеру на нескольких грузовиках — полуторках всех раненых доставили в полевой медсанбат. Вместе с нами ехал и политрук заставы, раненый пулей в живот. Рану мою зашили без всякого наркоза, но почему-то было совсем не больно. Когда женщина, зашивавшая рану, уже заканчивала эту операцию, подошел, по-видимому, начальник медсанбата, капитан медслужбы, и стал ей выговаривать: "Что Вы возитесь, видите сколько тяжело раненых, а Вы зашиваете! Так заживёт!" Думаю, что он был прав, но эту женщину я до сих пор вспоминаю с благодарностью. Шрам, после окончательного заживления, оказался не так уж и страшен.

Уже на следующий день я оказался в одном из ленинградских госпиталей. Пытался найти политрука заставы, но его здесь не было.

Из госпиталя я написал письмо в Москву, где жили тётки, сёстры отца, с просьбой сообщить о судьбе моих родителей, о которых ничего не знал с начала войны, и успел получить ответ ещё в

госпитале, а то где бы меня искало письмо тёти Маруси... Она сообщила, что моим родителям удалось эвакуироваться на Урал, где они сейчас живут, и сообщила их адрес.

Уже после войны я узнал, что в самом её начале мои родители вместе с Татьяной и Котькой Бочаровыми эвакуировались на Северный Кавказ, где Константина взяли в армию, а родителям с Таней пришлось снова эвакуироваться — и туда подходили немцы. В Полтаву родители вернулись вскоре после её освобождения. Тане удалось поступить в медицинский институт ещё в эвакуации и она благополучно его окончила. А Юру, как сына «врага народа» в армию не призвали, и он погиб в Полтаве, вскоре после прихода туда немцев.

Из госпиталя, уже в начале сентября 1941 года, я был направлен в запасной, а оттуда — в стрелковый полк, державший оборону в районе Пулковских высот. Было не до наблюдений. Война, всё-таки, тяжёлая блокада, голод. Однажды, когда нас отвели с передовой во второй эшелон, я стоял на посту возле штабной землянки, а по большой луговине, протянувшейся вдоль железнодорожной насыпи, перелетала большая стая скворцов. Среди них мелькало что-то белое. Когда птицы подлетели поближе, я хорошо рассмотрел совершенно белого скворца-альбиноса.

Осенью 1942 года меня и ещё двух солдат нашего взвода со средним, как и у меня, образованием отправили на Курсы Младших Лейтенантов 42-й армии, где за два месяца нас сделали офицерами. Из запасного полка мы попали в разные части нашей армии. Меня определили в 381 стрелковый полк заместителем командира роты, а через полгода командир полка, полковник Кузьма Фёдорович Чижик, взял меня адъютантом. Это был кадровый офицер, хороший командир и хороший человек, что не так уж и редко бывает. Уже в самом начале войны он командовал батальоном здесь же, на Ленинградском фронте.

Летом 1943 года наш полк перебросили на правый фланг, в район Лигово. Полковой штаб разместился в подвалах больницы Фореля и частично — в землянках. Правый фланг полка упирался в небольшой выступ Финского залива - Угольную Гавань.

Между нашими и немецкими окопами расстояние здесь было более полутора километров, расстилалась сильно заболоченная низина. А двумя километрами левее нас и немцев разделяла только Чёрная речка, и расстояние между окопами было всего 70-80 метров.

В амбразуры окопов здесь можно было видеть стаи уток, спокойно плавающих в этой узенькой речке и совершенно не реагирующих на почти не прекращающуюся стрельбу с обеих сторон. Кто-то спросит: что за "амбразуры окопов"? На брустверах были установлены стальные толстые щитки с амбразурой, куда свободно можно было вставить винтовку.

Рота, стоявшая на правом фланге, по существу отдыхала. Никакой стрельбы здесь не было, даже из миномётов этот участок немцы не обстреливали. Чтобы попасть в самый правый взвод, надо было переплыть на лодке неширокую протоку. Для этого здесь было несколько небольших лодок.

Когда в первый раз мы с командиром полка побывали здесь, я увидел, что на заросшем ситником мелководье плавают и кормятся много уток. Вот бы где поохотиться! Сказал об этом Кузьме Фёдоровичу. «Что же, попробуй», — ответил он. На следующий день я отправился туда с обыкновенной винтовкой. Это, конечно, не оружие для охоты на уток, стрелять приходилось только в сидящих на воде птиц, когда они поближе подплывали. Стрелял я хорошо, и мне удалось добыть в этот раз то ли трёх, то ли четырёх уток.

Я стал охотиться здесь почти каждый день. «Дополнительный паёк» в виде жареных или варёных уток основательно обогащал наш рацион, и командир охотно отпускал меня. Иногда ко мне присоединялся начальник связи полка капитан Медведев, оказавшийся заядлым охотником. Он был коренным ленинградцем, и у него было хорошее охотничье ружьё. Я всегда удивлялся, когда он, согнувшись в три погибели в зарослях камыша и рогоза, с гудящей вокруг него тучей комаров, очень медленно и очень долго подкрадывался к плавающим на чистоводе какого-нибудь озёрца уткам. Кончалось это, как правило, удачным выстрелом. Обычно командир полка по моей просьбе звонил начальнику штаба и просил его отпустить Медведева со мной на охоту. Без уток мы никогда не возвращались.

Вскоре командир привёз из Ленинграда охотничье ружьё и для меня, «реквизировав» его у своего брата. Это была «Тулка» 16 калибра с отличным боем. Охота наша стала куда как успешнее. Часто мы приносили штабному повару 10-15 уток. Иногда Кузьма Фёдорович сам спрашивал, не собираемся ли мы с Медведевым на

охоту. Да, поесть мы все любили, большинство из нас на всю жизнь запомнили тяжёлый голодный период ленинградской блокады. А «утиный паёк» получали все офицеры штаба, кухня была общая.

Наши охотничьи походы продолжались недолго. Подошла осень, сильно похолодало и на мелководьях стал появляться ледок, утки перестали прилетать сюда кормиться. И полк наш вскоре перевели на новые позиции, далеко от залива.

В начале моей охоты на заливе произошло "чудо", о котором хочется рассказать. Охотился я тогда ещё с винтовкой и патронов, идя на охоту, с собой не брал. Зачем нести, если их всегда можно было взять на месте, где я, кроме патронов, брал лёгкую байдарку, на которой выплывал в залив. Поэтому с собой у меня было только четыре патрона в магазине винтовки. Однажды, не дойдя с полкилометра до протоки с лодками, я увидел, как недалеко от берега села кряква. Я лёг на нанесённый прибоем сухой плавник за какое-то брёвнышко, прицелился и выстрелил. Утка перевернулась кверху брюхом и не шевелилась. Я пошёл вброд, чтобы взять её. Глубина здесь была такая, что можно, было пройти 100-150 метров, не замочив колен. А до утки было меньше пятидесяти. Не прошёл я и половины этого расстояния, как утка вернулась в нормальное положение и стала быстро уплывать. Я выстрелил ещё два раза, и оба мимо. Остался один патрон. Решил, для верности, стрелять с колена. Выстрелил «с колена», изрядно намочив при этом брюки, а утка взлетела и скрылась из вида на немецкой стороне. Всё же я убил в этот день несколько уток. Погода была хорошая и брюки мои быстро высохли.

Ещё раз поохотиться мне довелось, когда всю нашу дивизию, на отдых и пополнение перед предстоящим наступлением, перевели в район посёлка Ольгино, считавшийся здесь глубоким тылом. Уже стоял декабрь, погода настоящая зимняя, лежал снежок, но сильных морозов не было. Кругом леса с преобладанием ели и сосны, но довольно часто встречались берёза и осина. Водились здесь тетерева, несколько раз видел их, пролетавших недалеко от посёлка. И я решил поохотиться на них. Об этом у меня сохранилась запись в дневнике — записной книжке. Вот она:

« 23.12.43. Ольгино, Ленинград. Весь день провёл на охоте. Гонялся за тетеревами, но так и не удалось подойти на выстрел,

несмотря на то, что даже на животе подползал. Но, всё же, доволен экскурсией: понаблюдав тетеревов, природой полюбовался.

31.12.43. Ольгино. Сегодня лес нарядился по-новогоднему. Ели, берёзы и сосны оделись пушистой дымкой инея. Особенно красивы ели, такие густые, разлапистые. Вот стоят в обнимку ель и берёза. Только что они молчали, но дунул ветерок, и они зашкрипели, запели на весь лес. На земле свежий, выпавший ночью, снежный пух. И поэтому на нём очень чётко отпечатались следы бегавших ночью зайцев и горноста. А в тетерева я сегодня промазал самым досадным образом».

Запись в дневнике на этом закончилась, но я до сих пор отлично помню, как это было. В поисках тетеревов я обошёл большой участок леса, но их не обнаружил. И вдруг, выходя из густого молодого ельника, увидел сидящую на старой раскидистой берёзе стаю тетеревов. Я попятился и, укрывшись за ёлочками, снял с плеча винтовку (с оптическим прицелом, ружьё уже было возвращено брату командира) и лёг, используя для упора какой-то пенёк. После выстрела, увидев, что тетерев падает, а остальные не улетели, стал целиться ещё в одного, но выстрелить не успел, вся стая с шумом взлетела. «Ну, и то хорошо», — подумал я и пошёл подбирать убитого тетерева. Но под берёзой его не оказалось. Что такое? Я же хорошо видел, как, после выстрела, он кубарем летел вниз. Да под той ли берёзой я ищу? Вернулся к пеньку, с которого стрелял. Конечно, на этой самой берёзе сидели тетерева, других таких поблизости и нет. Ну, просто чудо! И никаких следов его падения на свежем снегу... Я думаю, что получилось, как с той уткой на Угольной Гавани. Тетерев был слегка контужен и, не долетев до земли, пришёл в себя и улетел низом, а я в это время собирался стрелять в другого и смотрел вверх.

Всегда, когда представлялась возможность, я не упускал случая побродить с винтовкой, понаблюдать природу. Иногда ко мне присоединялись полковые друзья — охотники, тот же капитан Медведев или Вася Черепеха, с которым мы и после войны встречались и переписывались.

В ночь на 21 января 1944 года было прорвано кольцо блокады Ленинграда. Наш полк потерял при этом больше половины личного состава. Направление главного удара (чего мы не знали) было левее и туда, по немецким укреплениям, были направлены удары и

артиллерии, и авиации. Наша же полковая артиллерия мало-что могла сделать против долговременных укреплений немцев. Только поднимались в атаку наши солдаты, как тут же их накрывал огонь немецких пулеметов и миномётов. А командир дивизии генерал Трушкин непрерывно орал по телефону: — "Наступать! Вперёд!" И когда командир полка пытался объяснить, что исчерпаны все резервы, а потери очень велики, генерал требовал послать в атаку всех тыловиков, обозников, но непрерывно атаковать. К нашему счастью, наступавшей слева гвардейской дивизией кольцо блокады было прорвано и остаткам полка было приказано войти в прорыв вслед за наступающими полками.

Не прошли и двух километров, как пришлось форсировать Черную речку. Она здесь разлилась после разрушения плотины где-то выше по течению. Не повезло только заместителю командира полка по политической части майору Фарафонову: он попал в воронку от снаряда или бомбы и вымок по самую шею, остальные сумели преодолеть это препятствие, набрав полные валенки воды или же замочив и колени. Хорошо, что вода из валенок быстро уходит и ноги при ходьбе согреваются. По пути попался подбитый немецкий танк. Когда к нему приблизились, неизвестно откуда прилетела мина и взорвалась прямо на танке. Пострадал только командир полка — один осколок попал ему в бедро. А в кармане был большой складной нож, в него и попал осколок. Ножик слегка прогнуло, а на ноге у командира возник огромный синяк.

Так мы и шли вслед за наступающими частями. В эту же ночь наткнулись в лесу на огромную дальнобойную немецкую пушку, при которой было три солдата. Видно, в спешке отступления их забыли предупредить. Они пытались бежать, но наши солдаты были так озлоблены, что тут же их застрелили.

Точно не помню, но в начале или в середине февраля, следуя за наступающими войсками, мы пришли к реке Нарве, немного южнее города с этим же названием. По пути дважды получали пополнение. Хотя шли во втором эшелоне и без боёв, но от усталости валились с ног, сутками не спали, да и спать зимой на снегу не очень-то уютно. Наламывали еловых веток, настилали их на снег и ложились вплотную друг к другу. Через 15-20 минут вскакивали и, побегав вокруг какого-нибудь дерева, укладывались уже на другой бок. И

кухни где-то отстали, питались сухим пайком. Несколько раз ночевали в оставленных немцами землянках.

Через неделю после прорыва блокады или чуть позже ночью вошли в небольшой поселок из нескольких барачков и домиков. Жителей не было. Командир полка, К.Ф.Чижик, приказал комбатам выставить охрану и дать солдатам отдохнуть. Не прошло и получаса, как в бараке, где остановился штаб полка, появился лейтенант — офицер связи из штаба дивизии с приказом комдива продолжать движение. Лейтенант ушел, а командир всё же дал солдатам поспать несколько часов. На рассвете полк продолжил движение, а на следующий день появился новый командир полка, майор Николай Борисович Марченко, а Кузьме Фёдоровичу он принёс письменное распоряжение явиться в штаб дивизии. Больше я о нём ничего не слышал. Надеюсь, что назначили командиром полка какой-нибудь другой дивизии. Всё-таки, опытный боевой командир.

Нам повезло с погодой. Почти всё время было пасмурно и сильных морозов не было. Когда мы были уже всего в двух-трёх километрах от р. Нарвы, тучи разошлись, выглянуло солнышко. Очень приятное утро! На ведущем в Нарву шоссе за колонной пехоты на километр растянулись хозяйственные обозы всех трёх полков нашей 109-й дивизии. И вдруг послышался гул самолётов, и по всей колонне и линии обозов прокатилась команда: "Воздух!!!" Шоссе проходило по лесу и, хотя он, безлистый, и не был хорошим укрытием, пехота и весь обоз за несколько секунд освободили шоссе, рассредоточившись по его сторонам под деревьями. Налетели "Юнкерсы", сбросили всего несколько бомб и пролетели дальше, а вскоре мы услышали целую серию взрывов. Как выяснилось, это немцы бомбили переправу через Нарву. Когда мы туда подошли, саперы заканчивали ремонт переправы после бомбёжки. Снова небо затянули тучи, посыпал, а потом и повалил снег и мы благополучно переправились на левый берег Нарвы, на захваченный шедшими впереди войсками "пятак" пять километров в глубину и около восьми в ширину, по берегу реки. Нашим трем полкам предстояло удерживать этот небольшой плацдарм, сменив тех, кто его отвоевал. Вся его территория — почти сплошной старый еловый лес на сильно заболоченной почве, так что окапываться было нельзя: траншею глубиной в 40-50 сантиметров очень быстро заполняла вода. Строили

укрытия из еловых стволов, из них же строили жильё — бревенчатый сруб и крыша в три наката. В трёх или четырёх таких срубах разместился и штаб полка.

Между нашими и немецкими позициями была безлесная полоса шириной 100-150 метров, сильно заболоченная. С нашей стороны попыток расширить плацдарм не было, а немцы неоднократно пытались сбить нас с этого "пяточка", но встречали отпор. Жили мы здесь довольно спокойно. Обычно днём и под вечер немцы обстреливали нас из миномётов, но с часа до двух дня они никогда не стреляли, у них был обед. Мы этим временем пользовались: выходили из укрытий, раздевались до пояса и вытряхивали вшей. А было их у нас изрядно. Пока были в обороне, их не было совсем. Следила санитарная служба, периодически в специальной палатке устраивалась баня и всё бельё подвергалось горячей обработке. А набрались мы этой гадости, переночевав в немецких землянках.

Как ни спокойно мы здесь жили, но без потерь не обошлось. Немецкими снайперами были ранены три наших солдата. Весь лес был разделён продольными и поперечными просеками. Некоторые из них, неизвестно откуда, простреливались снайперами противника. Просеки эти были известны и командир полка запретил передвижение по ним в светлое время суток. Но запрет этот не до всех доходил. Однажды с командиром полка и группой офицеров мы шли по "безопасной" просеке. И вдруг — выстрел из малокалиберной пушки! Мы все — в стороны. Снаряд никого не задел, только у Саши Мончара, начальника артиллерии полка, в поле его очень длинной шинели появилась совершенно круглая дыра диаметром около четырёх сантиметров. А через несколько дней на этой же просеке пуля немецкого снайпера оборвала жизнь моего друга Бориса Старкова. Мы с ним подружились вскоре после моего прихода в полк. Тогда он был начальником штаба одного из батальонов, а позже его назначили начальником разведки полка. Похоронили его на берегу Нарвы, взвод разведки отсалютовал тремя залпами.

У немцев где-то был наблюдательный пункт и, если они замечали передвижение на переправе, сразу же начинали обстрел из миномётов или пушек. Поэтому кухня приезжала к нам еще затемно рано утром и когда уже стемнело — вечером. В один из вечеров, только появилась наша кухня, мы услышали грозный гул летящего снаряда и

попрятались, кто куда успел. Раздались, один за другим, три мощных взрыва, и между нашими штабными избушками возникли три больших и глубоких воронки. И хорошо, что глубоких, осколки полетели вверх. Удивительно, что никто не был даже легко ранен. Один снаряд угодил под угол избушки, где жили комсорг и парторг полка. Угол бревенчатого пола их жилья оказался висящим над одной из воронок. Оба они были слегка контужены, что прошло без последствий. Выбросом одного из снарядов слегка привалило дверь нашей штабной избушки. А вот лошадь одним из снарядов была убита и почти весь её кишечник оказался висящим на ветвях старой ели. На следующий день ординарец замполита приготовил из конины удивительно вкусное варево.

С Василием Тёркиным Твардовского мы познакомились весной 1944 года, ближе концу войны, когда в дивизионной газете стали печатать, по главам, это замечательное произведение. С каким нетерпением ждали мы очередную газету! Обычно её привозили вечером, вместе с обедом-ужином и кто-нибудь вслух, при копилке, читал очередную главу. И я каждый раз представлял себе одного из наших пограничников — солдата третьего года службы Ивана Шипова. Будто прямо с него писал Твардовский! Столько у него было шуток-прибауток! Укладываясь в постель, он произносил: "Поспать бы минуток шестьсот, да на мягкой перине, да на тёплой печке", да что-нибудь еще ввернёт такое, что хохочут все, кто его слышал.

В конце марта или самом начале апреля немцам удалось потеснить наши передовые позиции и продвинуться на полкилометра или немного больше. На этом рубеже их удалось остановить, но на захваченной территории оказались штабы нашего полка и артиллерийского дивизиона. Там же было и знамя полка. А если знамя потеряно — полк расформируется, все его офицеры отправляются в штрафной батальон. Получилось так, что командир полка, я и Вася Черепеха (ПНШ-4 — помощник начальника штаба по кадрам) во время прорыва немцев были в штабе дивизии. Накануне вечером поступило распоряжение командирам полков и ПНШ-4 явиться к 8.00 в штаб дивизии. А я всё еще был адъютантом командира полка, и мне пришлось идти с ними. Попробуйте представить себе наше самочувствие, когда мы узнали, что штаб полка захвачен немцами. И душа болела за наших товарищей, и очень

не хотелось попасть в штрафной батальон. К счастью, на следующую ночь всем, кто находились в нашем штабном срубе-блиндаже и артиллеристам удалось прорваться через немецкие позиции и знамя полка вынесли. Немцам не удалось их захватить, они отстреливались, остались живы и в плен не попали. Но целый месяц их по очереди допрашивали в Особом отделе дивизии: "А вдруг их завербовали в шпионы и потому отпустили?" Такова была награда за подвиг...

В конце апреля нас сменили другие подразделения, а мы заняли оборону по правому берегу р. Нарвы. Здесь с капитаном Медведевым мы попытались поохотиться на тетеревов, о чем в дневнике сохранилась коротенькая запись. Было это 23 апреля 1944 года. Стоял солнечный день с тёплым весенним ветерком. Еще лежал глубокий снег, но Нарва уже пыталась выйти из берегов. Кое-где луга, по которым мы шли, потемнели от пропитанного водой снега, а в понижениях уже поблескивала вода. И, хотя охоту нашу нельзя назвать удачной, мне этот наш поход запомнился навсегда. Тетеревов нам удалось найти на широком лугу за впадающей в Нарву небольшой речушкой. Мы долго стояли и любовались открывшейся нам картиной. На ослепительно-белом снегу сверкало множество протаявших из-под снега ярко-красных кочек, усыпанных ягодами клюквы. И кормящиеся клюквой тетерева, силуэты которых чётко выделялись на фоне снега. Преградившая нам путь речка не позволяла подойти на выстрел. Вдоволь налюбовавшись, мы отправились в обратный путь. На залитой водой луговине с густой и высокой травой мне удалось руками поймать двух крупных щук, а Медведев двух таких же подстрелил из винтовки, причем одной из них пулей оторвало голову. В результате — около семи килограммов рыбы и мокрые ноги, хотя на ногах у нас были резиновые сапоги.

Вскоре полк получил приказ передислоцироваться южнее, в сторону Пскова. Уже на марше по радио был получен новый приказ: выйти к Чудскому озеру и ждать прихода катеров. Когда мы вернулись назад, и по пешеходной переправе весь полк перешел через Нарву и вышел к озеру, нас уже ждали два больших катера. Часа два или три плыли мы вдогонку за отступающими немцами. Не знали что нас ждёт, но пели "морские" песни, кто-то из нас их знал. Две я запомнил. Одна начинается словами "Когда море горит бирюзой, опасайся шального поступка...", а вторая — "Они стояли на корме у

борта..." и припев: "А море бурное ревело и стонало, и волны бешено гнались за валом вал, как-будто море жертвы ожидало, стальной гигант качался и дрожал". Вот с песнями и подошли к какому-то эстонскому посёлку на северо-западном берегу озера и получили приказ высаживаться. Слава Богу, немцев здесь уже не было, и мы благополучно выбрались на берег. Правда, до пояса, или чуть повыше, мокрые. Пришлось с борта катера прыгать в воду. Было мелко, и ближе катера подойти не могли.

Уже вечерело. Кое-как отжавши намокшее и слегка подсохнув, разместились в домиках, оставленных населением. Несколько человек, в том числе и мы с Васей Черепухой ночевали в доме эстонского ксёндза. Утром обнаружили в кладовке несколько полок с книгами. Хорошая библиотека была у этого священника! И Лев, и А.К. и А.Н. Толстые, и наши знаменитые поэты Пушкин и Лермонтов и, даже, Шолохов. Мы с Васей согрели и "позаимствовали" здесь две книги: "Князь Серебряный" А.К.Толстого и маленький томик Сергея Есенина. Хотя и маленький, но толстый и с мелким шрифтом, так что стихов было много. Томик этот был то у меня, то у Васи, а на марше почти всегда шли рядом и рассказывали друг другу, кто что запомнил. А на память оба мы не жаловались. Ни я, ни Вася раньше с Есениным знакомы не были. В ту пору, когда мы учились, в школе он был запрещен.

Из Эстонии дивизию, в первых числах мая 1944 года, перевели, теперь уже в глубокий тыл, в район деревень Красный Бор и Новый Бор, где-то юго-западнее Ленинграда. Здесь полки получили значительное пополнение и была организована усиленная боевая подготовка. Учили метко стрелять, а мне и еще нескольким офицерам была поручена пристрелка всего солдатского оружия, в основном винтовок. Мне эта работа нравилась, стрелять я любил, но правое плечо несколько дней побаливало — отдача! Учили солдат преодолевать проволочные заграждения, следовать почти вплотную за огненным валом, для создания которого использовали наши миномёты и немецкие мины, вполне подходившие к ним. А мин этих немцы оставили очень много.

Однажды мы с Васей выбрали время, чтобы поохотиться. В окрестных лесах водились тетерева, и мы решили попытаться их отыскать. Долго мы ходили по перемежающимся с полями

перелескам. И вот, выйдя на опушку очередного, пройденного нами, леска, увидели сидящего на дереве тетерева. Дерево стояло на открытом участке, метрах в двухстах-двухстах пятидесяти от опушки леса. Подойти ближе, не спугнув птицу, было невозможно. Решили стрелять отсюда. На палочках разыграли, кому стрелять. Выпало — Василию. После его выстрела тетерев только пошевелил головой и остался на месте. Потом стрелял я, потом снова Вася, а тетерев после каждого выстрела двигал головой вперед-назад и улетать не собирался. Всё же, после третьего, Васиного выстрела он упал. Довольные добычей, мы отправились домой. И только вошли в один из перелесков, как, совсем близко, "зачуфыкал" тетерев. Я умел "чуфыкать" не хуже и ответил ему. И вдруг, этот тетерев, в поисках противника, выбежал на маленькую полянку совсем близко от меня. Промаяхнуться было невозможно! И мы вернулись в расположение полка, гордые нашей добычей.

Здесь же, через несколько дней, у меня случилось еще одно охотничье "чудо". Я возвращался в Красный Бор после неудачной охоты. Шел вдоль опушки леса и вдруг увидел, что с поля, вдоль какой-то канавы, к лесу бежит заяц. Я лёг и приготовился к выстрелу, надеясь, что заяц подбежит поближе. Метрах в сорока-пятидесяти от меня он сел на задние лапы и стал прислушиваться, шевеля ушами. Я выстрелил, заяц упал, и я побежал, чтобы взять свою добычу. Но заяц вдруг вскочил и огромными прыжками умчался в поле. Я и не пытался стрелять. Попасть из винтовки в скачущего зайца едва ли кому-нибудь удавалось. Чего только не случается на охоте!

Верховным командованием было принято решение отодвинуть фронт финских войск на рубеж, установленный после войны с этой страной в 1940 году. В начале июня того же 1944 года дивизия, перед штурмом финских укреплений, заняла позиции западнее Сестрорецка, на левом фланге исходного рубежа наступления. Нашему полку достался левый фланг дивизии, а наш левый фланг был вплотную к берегу Финского залива. Между нашим передним краем и окопами финнов пролегал длинный овраг, почему-то называвшийся здесь Ржавой Канавой. Расстояние между окопами было 80-100 метров.

Штурм был назначен на 10-е июня, а целый день 9-го работали наши артиллеристы. Каждому командиру батареи было приказано

разбить определённые, заранее разведанные, укрепления и огневые точки противника. На каждую батарею был назначен офицер из пехоты, который должен был подтвердить выполнение задания, подписав соответствующий акт. К командиру одной из батарей направили и меня. Мы с ним сидели на наблюдательном пункте и в стереотрубы следили за результатами огня. Он давал команды, а я отмечал на своей карте разрушенные укрепления. Хорошо было видно, как взлетали в воздух камни, комья земли, брёвна и как бежали куда-то в тыл финны.

В 10 часов утра 10-го июня передний край финнов бомбила наша авиация, после чего взлетели по всему фронту красные ракеты — сигнал на штурм. Но штурма не было! Без единого выстрела наши бойцы перешли Ржавую Канаву и прошли через все финские позиции. По-видимому, финны еще ночью решили отступить. Нам пришлось их догонять, но безуспешно. За десять дней мы вышли на рубеж севернее Выборга, на южный берег одной из протоков озера Вуоксо. Вскоре с Финляндией было заключено перемирие.

Хочется сказать, что мне не приходилось ни читать, ни слышать о так хорошо подготовленной наступательной операции. Потери нашего полка составили всего шесть раненых. Шедший в авангарде полка батальон наткнулся на засаду. Но он так быстро развернулся в цепь и был открыт такой огонь, что несколько финнов были убиты, а уцелевшие спаслись бегством.

Не могу не упомянуть два запомнившихся мне случая, когда мы ещё пытались догнать финнов. Как-то в середине дня остановились на привал. Мы с командиром полка и солдатами взвода разведки расположились в тени старой, раскидистой сосны на опушке леса. Где-то недалеко стали взрываться мины — финны решили нас поугаать. Давно такого не было! И вдруг что-то зашумело в ветвях и сверху, чуть ли не на нас, упал глухарь и сразу же кинулся бежать. Несколько солдат и я бросились в погоню. Я оказался всех проворнее. В падении мне удалось схватить его за ноги. Большой был глухарь! По-видимому, его контузило во время этого миномётного налета. Не помню, кто и где его варили, но мясо оказалось очень жестким. То ли очень старый глухарь, то ли мало варили.

Очень хорошо запомнился мне еще один наш привал, всего несколько дней спустя после случая с глухарём. Эта яркая картина

запечатлелась в памяти на всю жизнь. Солнечный день, вторая его половина. Старый и очень редкий сосновый бор с негустым и невысоким подлеском и редко разбросанными, разной величины, валунами. И вдруг, наше внимание привлекли звуки гитары. На один из больших камней (подобный тому, что под "Медным всадником") взобрался какой-то солдат и, после нескольких аккордов, запел. Откуда ни возьмись, со всех сторон стали сходиться слушатели. А мы думали, что мы здесь одни. Спел он всего несколько песен, и шуточных, и патриотических, и был награждён дружными и продолжительными аплодисментами. Долго потом мы повторяли кусочки его песен, кто что запомнил.

В начале июля дивизию снова отвели в глубокий тыл, куда-то южнее Ленинграда. Почти по всей только-что освобождённой территории шли пешком, а от Ленинграда часть пути преодолели по железной дороге. Снова и пополнение, и боевая подготовка. В конце сентября, снова в товарных вагонах, нас доставили в городок Хаапсалу, что на берегу пролива Муху. Пролив этот отделяет материк от эстонских островов Даго (Хиума), и Эзель (Саарема).

10 октября к пирсу на берегу пролива подошли несколько торпедных катеров, принявших на борт подразделения соседнего, 602-го, полка, а вскоре они же вернулись и за нами. На берег были высажены несколько раненых солдат и вынесены три трупа. Мы погрузились на катера, и они стали выходить на фарватер довольно медленно, но, когда включили максимальную скорость, нам, кто стояли по краям обоих бортов, пришлось согнуться навстречу ветру, с головой укрывшись плащ-накидками. Расстояние от пирса в Хаапсалу до острова в 27 километров наш катер прошел за 27 минут, это я засёк по своим часам. Моряки, ещё при посадке, предупредили нас о плащ-накидках, а то бы мы вымокли от брызг морской воды и густой водяной пыли, которыми поливало нас на этой бешеной скорости. Мы выгрузились на остров без потерь и без стрельбы. Немцы оставили здесь небольшой заслон и, после атаки солдат 602-го полка, успели отойти и на каком-то судне уйти в море.

Два полка дивизии были оставлены на острове Даго, а нас ускоренным маршем отправили в городок Виртсу, на берегу того же пролива Муху. Я бы не поверил, если бы мне сказали, что полк сможет пройти за сутки 92 километра. Но мы прошли! С 12-ти дня до

12-ти следующего дня. Правда, шли налегке, всё оружие, даже винтовки, везли на повозках и автомобилях. Был только один привал, ночью, на час или полтора, где был то ли обед, то ли ужин. Из Виртсу нас в тот же день переправили на остров Эзель.

Полк занял оборону на перешейке полуострова Сырве. Мы заняли здесь кем-то вырытые окопы и просидели в них около месяца. Зачем было так торопиться? Немцы, освобождая остров под натиском наших войск, всю свою боевую технику сосредоточили на узком, всего в два километра, перешейке полуострова, длина которого составляла 20 километров. У нас же здесь не было ни артиллерии, ни боеприпасов. Вот за это время повнезли сюда столько, что на каждый метр фронта здесь стало чуть ли не по одному миномётному или орудийному стволу. Числа 18-го или 19-го ноября мы штурмовали оборону немцев и километров на пять продвинулись, отойдя затем на полтора-два километра после контратаки немцев. В результате таких наступлений и отходов, на пятый день этот полуостров мы освободили, а оборонявшиеся уцелевшие немцы ушли на каких-то судах, и было это поздно вечером. Ночи были длинные и очень темные. Здесь мы заночевали в каком-то домике, где обнаружили целый ящик немецких стеариновых свечек-плошек и большое количество пробирок с нитями для зашивания ран. Зажгли и расставили, где могли, множество плошек, отчего вскоре стало жарко, а спирт из пробирок употребили "по назначению". Ранним утром был получен приказ срочно отвести войска в район Куресаре (позже Кингисепп), столицы острова. На следующий день подошедшие немецкие крейсера из своих орудий измолотили весь полуостров. Но наших войск там уже не было.

Не помню, как, но в самом конце ноября мы снова были на острове Даго. Дивизия была оставлена там для его обороны. Обороняться не приходилось, высаживаться на остров снова немцы не пытались, а мы всю зиму и часть весны отдыхали на этом острове.

Штаб нашего полка и часть подразделений расположились в небольшом посёлке на южном берегу острова, у самого основания перешейка, соединявшего остров с полуостровом Дагерорт. Этот полуостров на 20 километров выдавался в море, а ширина перешейка в самом узком месте, как раз, где располагался этот посёлок, составляла менее четырёх километров.

Простояли мы на Даго всю зиму и почти всю весну. В дневнике сохранились записи о чудесной природе острова, об экскурсиях и охоте. Охотились мы здесь мало. Тетерева были малочисленны и очень осторожны, а утки во время весеннего пролёта держались далеко от берега и не летели над перешейком, а облетали вдоль берега выдающийся в море полуостров, удлиняя себе путь на сорок километров. Один раз мне удалось подстрелить утку морянку. Пришлось долго ждать, когда слабенький южный ветерок пригонит её к берегу.

Однажды на северной стороне перешейка я наблюдал, как ястреб тетереvятник пытался охотиться на уток. Примерно в двухстах пятидесяти метрах от берега плавали несколько каких-то нырков. Пролетавший ястреб заметил их и бросился на одну из уток, но та вовремя нырнула, и ястреб ни с чем взмыл вверх. Несколько раз он бросался на уток, но безрезультатно, они успевали нырнуть. Охота не удалась и, через несколько минут, ястреб улетел, а нырки продолжали спокойно плавать, часто ныряли. По-видимому, чем-то здесь кормились.

Сохранились записи о наблюдениях зимующих на острове птиц, о весеннем пролёте. И ещё о том, как я согрешил, убив лебедя. В этот день я долго ходил по лесу в надежде найти тетеревов. Выйдя на участок заболоченного мелколесья, увидел трёх белых птиц, высоко летящих над лесом прямо в мою сторону. Сначала я подумал, что это чайки, но вскоре стало ясно, что летят лебеди. Я и не надеялся, что смогу попасть из винтовки в высоко летящую птицу, но охотничий азарт оказался сильнее рассудка. После второго выстрела летевший впереди лебедь камнем упал в лес, далеко не долетев до места, откуда я стрелял. Три оставшихся в магазине патрона я выстрелил по пролетавшим уже надо мной двум лебедям, но, как и должно было быть, безрезультатно. До сих пор хранится у меня рисунок головы этого лебедя, сделанный в тот же день. Это было 21 декабря 1944 года.

В конце апреля дивизия была переброшена в Латвию, в район Либавы, где шли, как было известно из сводок Информбюро, упорнейшие бои.

В каком-то из портовых городков острова Даго дивизию погрузили на три финских шхуны, которые здесь назывались лайбами. На каждой такой лайбе разместился один из полков дивизии, со всем своим обозом, артиллерией и автомобилями. Лайбы буксировали какие-то не очень большие, но, по-видимому, очень мощные катера. Трос между

катером и нашей шхуной был очень длинный, мне казалось, что не меньше полукилометра. На этом расстоянии катер казался совсем маленьким и мы удивлялись, что он может тащить такую большую "посудину". Море было тихое, но очень большие отлогие волны то поднимали, то опускали наш "корабль", а тянувший нас катер то был виден где-то высоко на вершине волны, то эта волна поднимала нас, и катер оказывался далеко внизу. Была не очень сильная, но постоянная, килевая и бортовая качка (продольная и поперечная), и почти все мы узнали, что такое "морская болезнь". Многим пришлось не раз стремглав бежать к борту. Я спасся тем, что лёг на палубу и взгляд сосредоточил на вершине мачты. При этом качка ощущалась не так уж сильно.

В первых числах мая мы вышли на берег в латвийском местечке Павилоста и где-то между Павилостой и Либавой (Лиепая) ждали распоряжений штаба дивизии.

Мы уже чувствовали, что война вот-вот должна была кончиться. Очень не хотелось никому из нас погибнуть в самом конце войны... Но, слава Богу, воевать нам больше не пришлось. В ночь на 9 мая 1945 года полк был поднят по тревоге. На марше, по пути к линии фронта, от стоявших рядом с дорогой зенитчиков, мы узнали, что немцы капитулировали и война окончена. Командир остановил полк и дал команду: «Огонь!». И все мы палили в воздух из винтовок, автоматов, пистолетов — у кого что было. Я выстрелил все 14 патронов из своего трофейного девятимиллиметрового "Вальтера". Это был наш боевой салют в честь окончания войны, в честь Победы. И радости нашей не было предела! Обнимались, кричали ура. И война, такая длинная, кончилась, и живыми остались!

Пограничник. Февраль 1941

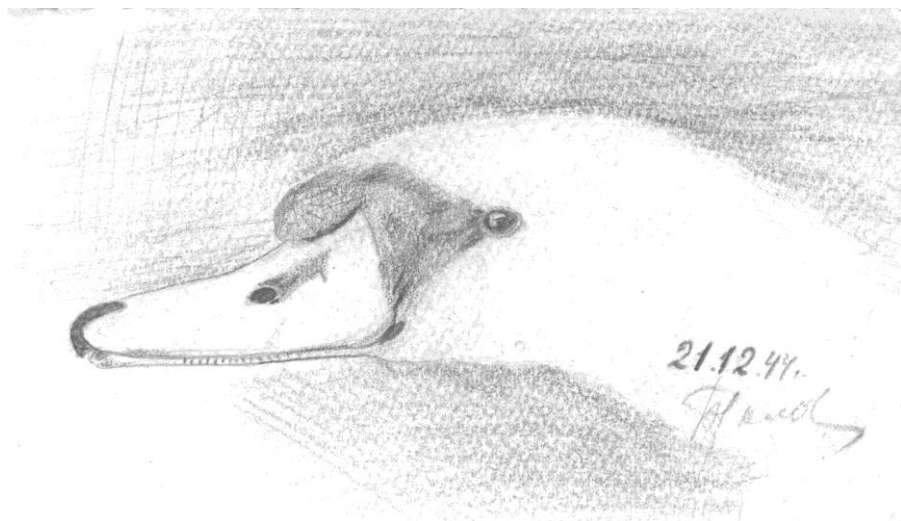
С тремя зайцами. Октябрь 1945

В Урюпинске. Январь 1946

Полтава. С Игорем

Портрет лебедя-шипунa

Ночь была тёмная, но уже недалёкая от нас линия фронта сверкала огнями ракет, трассирующих пуль, разрывов в вышине зенитных снарядов. И продолжалась эта пальба до самого рассвета. К этому времени мы подошли к участку шоссе, где по одну сторону были немецкие окопы, по другую — наши. Здесь уже работали сапёры, разминируя участок, а по ту сторону стояла длинная колонна немецких офицеров и солдат, спешивших сдаться в плен.

Большую часть лета мы простояли в Литве, в районе местечка и озера с одним названием — Бержорас. Чудесная природа! Леса, перемежающиеся с небольшими полями, местность холмистая, много озёр и озёрец с впадающими в них ручьями и небольшими речками. Но всё это уже мало радовало, всем нам хотелось скорее попасть домой. В конце июля я получил отпуск и уже в первых числах августа был в Полтаве, где жили родители и сестра.

Грустное, тяжёлое впечатление произвели на меня развалины города. Весь его центр, да и не только центр, немцы перед уходом сожгли. Стояли целые кварталы кирпичных коробок без окон, без дверей, одни только стены... Сколько же сил и времени потребуется, чтобы всё это восстановить?

Вскоре по приезде я навестил Ольгу Даниловну Тригуб, Юрину маму, жившую всё там же, на Липовой улице. Она рассказала мне печальную историю гибели Юры и подарила, на память о нём, две книги. От неё же я узнал, что освободили Николая Ивановича Гавриленко. В тот же день я отправился к Николаю Ивановичу, чтобы с ним познакомиться. Ещё до войны я знал, где жила его семья. А родители мои после войны жили на улице Фабрикантской (Балакина), в пяти минутах ходьбы от дома Гавриленко на Овражной улице.

Семья Гавриленко оказалась очень гостеприимной. Николай Иванович познакомил меня со своей женой, очень симпатичной женщиной, Анной Фёдоровной и сыном - подростком Олегом. В этот день мы с Николаем Ивановичем проговорили допоздна. Я ему рассказывал о наших с Юрой походах и «исследованиях», он задавал много вопросов об угодьях, в которых мы с Юрой бывали. Особенно его интересовали Гетманщина и Мало-Перещепинское Великое Болото. Узнав, что уцелели мои довоенные дневники, он попросил меня дать их ему посмотреть, что я и сделал. Некоторое время спустя Николай Иванович в сборнике «Орнитология» опубликовал наши с

Юрой сведения о гнездовании на Полтавщине нового вида — белобрового дрозда.

Узнав, что я собираюсь учиться в Московском университете, Николай Иванович одобрил мой выбор, сказав при этом, что там работают ведущие зоологи страны — Бутурлин, Дементьев, Огнёв, Формозов. А я ответил, что это и было причиной моего выбора, что ещё до войны мы пользовались книгами этих учёных. Сказал также, что и его книга «Птицы Полтавщины» была нашей настольной книгой. Узнав, что книга эта, вместе с другими книгами, пропала во время войны, Николай Иванович эту книжку тут же мне подарил.

Узнал я от родителей, что бывший следователь Векленко теперь стал начальником областного масштаба: то ли председателем Областного Совета, то ли Облисполкома, я не запомнил. Через год или два его перевели в Киев, на повышение. По-видимому, он был способным "популизатором".

В конце августа я получил извещение о том, что наша дивизия переведена в район Сталинграда. По окончании отпуска туда я и отправился. Здесь, под Сталинградом, на околицах села Ольшана, мы с товарищами по полку успели поохотиться на зайцев и куропаток, много их тут было после войны! На одной из этих охот мне удалось убить трёх зайцев, а Васе — двух зайцев и куропатку.

Вскоре нашу дивизию перевели в маленький городок Урюпинск, где она была расформирована. Я был демобилизован раньше всех офицеров полка, в чём мне помог Вася Черепах. Меня ещё на Даго назначили первым заместителем начальника штаба полка, (ПНШ-1) а здесь мне пришлось исполнять обязанности начальника штаба, которого отправили на какие-то курсы. Мы с Васей сочинили бумагу о том, что склонности к военному делу я не имею и хочу продолжить учёбу в Московском университете, (хотя я там ещё и не учился). Мои друзья по полку давно уже знали, что, если останусь жив, буду учиться в МГУ. Так оно и получилось.

Приказ из штаба Северокавказского Военного Округа о моей демобилизации пришёл в Урюпинск в первых числах марта. Через неделю я уже был дома и вскоре стал готовиться к вступительным экзаменам. За время войны многое из того, что учил в школе, из головы выветрилось.

Аттестата о среднем образовании у меня не было. Перед самой войной меня с заставы хотели отправить на какие-то офицерские курсы, нужен был аттестат. Мама мне его выслала, но тут началась война, и он пропал. В нашей 10-й школе никаких архивов не сохранилось. Двое из учителей помнили меня, и мне выдали справку, что в 1940-м году я окончил эту школу.

На Биофаке МГУ мне отказали в приёме документов: «Нужен подлинник аттестата, справка не годится». Пошёл я в Отдел Университетов министерства Высшего образования. Женщина, заместитель начальника Отдела (начальник отсутствовал), посочувствовала мне, но сказала, что помочь ничем не может, нужен подлинник аттестата. «Поезжайте в Киев, — сказала она, — может быть, там Вам помогут». Но мне совсем не хотелось учиться в Киеве!

На следующий день снова пошёл в министерство. Начальник Отдела был на месте. Выслушав меня, он сказал секретарше, чтобы она напечатала разрешение на приём у меня документов без аттестата, и тут же его подписал.

Документы у меня приняли и я, окрылённый успехом, вернулся в Полтаву, чтобы продолжать подготовку к вступительным экзаменам.

Знали бы вы, каких трудов и волнений стоили в то время поездки по железной дороге. Казалось, что всё население страны вдруг решило переезжать с места на место. Не хватало ни вагонов, ни паровозов, электровозов и электрической тяги ещё практически не было.

Когда я сдал документы в приёмную комиссию, уехать в Полтаву мне помог муж одной из тётушек, дядя Вася. Но билет был не через Харьков, а через Киев. Ехать приходилось значительно дольше, но я и этому был рад — всё-таки ехать! До Киева доехал хорошо, а вот от Киева до Полтавы пришлось добираться «на перекладных» — на пригородных поездках с последней пересадкой в Миргороде. Здесь вагоны были настолько переполнены, что до самой Полтавы (ночью) я ехал, стоя на буферах между вагонами. Доехал, не уснул.

Валя Горячёва, жена Васи Черпахи.

Василий Алексеевич Черпаха

Однополчанин – полтавчанин
Ваня Гусар

Борис Павлович Старков

Продолжая готовиться к экзаменам, я всё же ухитрился выбираться на экскурсии, побывал в Рудном, а также неоднократно навещал Николая Ивановича. Во время одной из встреч он сказал, что со мной хочет познакомиться его давний знакомый Николай Витальевич Поляков, инженер, заинтересовавшийся механикой полёта птиц, что он хочет присоединиться ко мне на экскурсиях, и дал адрес Полякова.

Оказалось, что жил Поляков совсем недалеко от дома, где жили мои родители, на улице Крупской, 5. Это был стройный, худощавый, чуть выше среднего роста человек. Очень симпатичное его лицо украшали седые усы и борода. Лет ему было, по-видимому, около 60-ти. Он работал инженером на ПТК, но заинтересовался механизмом полета птиц. Он собрал, не очень обильную по этому вопросу, литературу, сам препарировал птиц, изучал строение их костей, мышц, перьев, суставов. В вольере, в его саду, у него жили две хищные птицы – сарыч и коршун, а еще был совсем ручной сокол чеглок.

Для того, чтобы лучше, детальнее получить представление о работе птичьих крыльев в полёте, Николай Витальевич сконструировал и сделал киносъёмочный аппарат под нормальную (36 мм) пленку, чтобы фотографировать летящих птиц.

Как-то сразу мы нашли общий язык. Я предложил Николаю Витальевичу посетить вместе со мной большую колонию цапель в районе села Буланово, куда можно добраться на пригородном поезде. В один из его выходных дней мы туда и отправились. Выйдя из вагона на остановке Писаревка, мы сразу же увидели несколько серых цапель, летящих в сторону леса, который был километрах в полутора от нас. И несколько цапель летели им навстречу. Конечно, летевшие к лесу несли корм птенцам, а встречные, по-видимому, за кормом на Мало-Перещепинское болото.

Запись об этой экскурсии я нашел в своём дневнике и привожу её без сокращений.

"8 июля. Писаревка – Буланово. С Н.В.Поляковым.

Целью нашей экскурсии является киносъёмка в полёте живущих здесь большой колонией цапель, а по случаю — и других птиц. На осинах, где шесть лет тому назад было много гнёзд, сейчас пусто. Однако, летает много цапель и коршунов. Цапли летят куда-то в глубь леса. Очевидно, колония переселилась. Со стороны

Перещепины пролетела пара бакланов и скрылась в отдалённой группе высоких деревьев в глубине леса. Надо пойти туда, очевидно туда и переместилась колония.

В воздухе кружит много черных коршунов, одновременно можно насчитать 10-15 птиц. В поисках колонии цапель идём по лесу, пересекаем поляны. Наше внимание привлекает доносящийся из старого участка леса шум — карканье, хрипение, стрекотание. Безусловно, здесь и находится колония! Только большое скопление птиц способно создать такой шум. Ориентируясь на этот шум, без труда находим первые гнёзда.

Действительно, колония здесь большая. На старых дубах устроено по 4 -6 гнёзд, и почти в каждом сидят оперившиеся птенцы. Каждый из них считает долгом выразить свои чувства громким криком, особенно, когда прилетает с кормом взрослая птица. Здесь и без драки не обходится, поэтому нетрудно представить себе, какой шум стоит в колонии.

Население колонии довольно разнообразно. На одном дереве можно увидеть гнёзда и серых цапель, и квакв, здесь же сидят только что покинувшие гнездо коршунята. А вот рядом с гнездом цапель, два гнезда бакланов с уже совсем большими птенцами. Снизу хорошо видно, как они, широко раскрыв клювы, вибрируют кожей своего горла. Жарко!

За одним из гнёзд бакланов мы наблюдали, примерно, в течение часа. Оказывается, один из родителей всё время находится возле гнезда, когда другой улетает за добычей. Дежурят, чередуясь.

Вот на одном из деревьев мелькнула совершенно белая птица. Да, это белая цапля! В бинокль хорошо видны два длинных гибких пера в её голове — «косицы». А вот и вторая, на том же дереве. Они почти в два раза меньше серой цапли. Размах крыльев примерно такой же, как у кваквы. Конечно, это *Egretta garcetta* — малая белая цапля.

Каждое дерево с гнёздами представляет собой очень интересное зрелище. Вот на одном гнезде сидят три совсем уже оперившихся птенца серой цапли и любопытно и недоумённо (как мне кажется) посматривают на нас. А рядом на ветках расположились вылезшие из гнезда, буроватые, с тёмными полосами, молодые кваквы, ночные цапли. Здесь же сидят и старые кваквы и встревожено посматривают на нас своими большими тёмными глазами и время от

времени «квакают». Недаром им и название такое дали. Еще ниже сидит тёмный куцехвостый коршунёнок. Сидит неподвижно, ни на кого не обращая внимания. На средней высоте дерева, на толстом горизонтальном суку, устроено какое-то большое по площади, но совершенно прозрачное снизу, гнездо. В нём легко можно рассмотреть двух светлых птенцов. Наверное, это гнездо белой цапли. Как жаль, что нет времени и нельзя понаблюдать колонию подольше, скоро уже идти на станцию к обратному поезду.

Колония живёт шумной жизнью. Птичьи голоса не смолкают ни на минуту. То и дело прилетают и улетают старые цапли, парят над лесом коршуны, иногда стремительно проносятся над верхушками деревьев бакланы. Их здесь всего несколько пар. Я видел три гнезда. А белых цапель видел трёх одновременно. Здесь же в дуплах живёт много сизоворонок, которые своим трескучим криком еще более способствуют общему шуму. В гнездах цапель кое-где поселились полевые воробьи. Здесь же я видел нескольких поползней и среднего пёстрого дятла. Под одним деревом мы нашли, выпавшего из гнезда, вполне оперившегося, серого цаплёнка. Он пытался удрать, неуклюже шагая в высокой траве, но мы его поймали, несколько раз

сфотографировали и, поблагодарив за позирование, оставили в покое.

Под деревьями валяются несколько трупов цаплят. Очевидно, падая в более молодом возрасте, они разбивались. Спутник мой очень доволен экскурсией. Нафотографировался он вволю. Снимал птиц и в полёте, и сидящих, и на взлёте и при посадке. Объектов для съёмки – хоть отбавляй."

К началу вступительных экзаменов я

выехал заблаговременно, за несколько дней. Ехали вместе с мужем Зои, Игорем Морозовым. Они только что поженились, и теперь Игорь ехал в Калугу к своей матери. До Харькова добрались хорошо, а уж там нам досталось! И на вокзале, и в зале с билетными кассами было настоящее столпотворение. Толкучка, шум, крики, длиннющие очереди к кассам. Надежда когда-нибудь уехать из Харькова таяла с каждым днём. К вечеру третьего дня по местному радио объявили, что к такой то платформе подан поезд № 602, товарный состав. Все, у кого билеты до Москвы, могут без компостирования на нём уехать. Мы были рады и товарному. Много нас набилось в вагон, кто сидел прямо на полу, кто на своём чемодане, кто стоял, никаких скамеек не было. Кто-то из спутников назвал этот поезд «Шестьсот весёлый». Но летел он, как экспресс, почти без остановок, и на следующее утро мы уже были в Москве. На кого же мы были похожи, когда спрыгнули из вагона на платформу и посмотрели друг на друга! Оказалось, что вагон наш был из-под угля, и наши лица и руки были, как у шахтёров, только что вышедших из шахты.

Квартира моих московских тётушек была на улице Стромынке, в доме напротив университетского общежития. Здесь мы с Игорем помылись, и он отправился на вокзал, чтобы ехать в Калугу, а я — получать место в общежитии. Хочется сказать несколько слов об Игоре. С Зоей, моей старшей сестрой, они учились на одном курсе в МЭИ (Московский Энергетический институт), куда поступили в 1936-м году и окончили в 1941-м, когда уже началась война. Игорь был призван в армию, имея уже офицерское звание — в институте была военная кафедра. А что делала Зоя по окончании института и где жила — не знаю. Почему-то не говорили мы с ней об этом, да и мало общались после войны: я в Москве, а она в Полтаве или Калуге.

Демобилизовался Игорь летом 1946 года и приехал в Полтаву. Он очень помог мне в подготовке к экзамену по физике, как-никак — инженер-электрик. И надо сказать — Инженер с большой буквы, много знал и много чего умел. Его «военными трофеями» были два больших чемодана из очень толстой кожи и аккордеон, на котором Игорь очень хорошо играл. В одном из

чемоданов, в многочисленных карманах и отделениях, располагался богатейший набор самого разнообразного слесарного инструмента. В другом, — тоже с карманами для инструмента — портативный токарный станочек с электромотором.

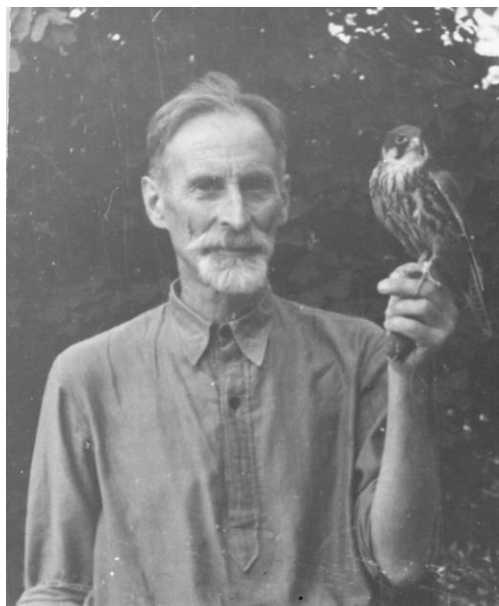
Я приехал тоже с «трофеями», привёз ружьё фирмы «Зауэр», 12-го калибра, купленное у одного из наших комбатов, и одеяло из верблюжьей шерсти, очень тёплое и красивое. Его подарил мне кто-то из моих солдат. Это одеяло я вручил Зое с Игорем в качестве свадебного подарка.

Я сказал, что Игорь много чего знал и умел. Однажды он сломал переднюю вилку велосипеда. В тот же день он её и починил, устроив во дворе кузнечный горн. Выкопал канавку, поставил моторчик с пропеллером и на раскалённом угле спаял (или сварил) эту вилку. На своём токарном станочке он выточил великолепную спиннинговую катушку, с очень удобным ручным подтормаживателем, и пообещал и мне сделать такую же. Сделал, но не такую, а гораздо лучше. И оставил её себе, а мне подарил первую. Она и до сей поры сохранилась.

Экзамены я сдал благополучно. По физике, химии и русскому (сочинение) я получил «четвёрки», а на экзамене по немецкому языку получилась «тройка». Текст перевода попался знакомый, из учебника, где я всё перевёл ещё в Полтаве. А грамматики я совсем не знал, в чём и признался принимавшей экзамен женщине. «А тройки Вам достаточно?», — спросила она и, услышав утвердительный ответ, поставила эту оценку. Участники войны проходили вне конкурса. Через два или три дня я нашёл свою фамилию в списках зачисленных на первый курс Биологического факультета МГУ, стал студентом. Пожалуй, и правда, что студенческие годы — самые счастливые и интересные.

В первые же дни учёбы я познакомился с будущей моей кафедрой Зоологии позвоночных. На первых двух курсах у нас были общие дисциплины, только после второго мы могли себе выбрать кафедру, то есть нас официально распределяли, на основе нашего выбора, по кафедрам. Мой выбор был сделан ещё до поступления на Биофак. Я хотел учиться на той кафедре, где работали профессора Сергей Иванович Огнёв, Александр Николаевич Формозов, Георгий Петрович Дементьев. Оказалось,

что Дементьев к преподаванию отношения не имеет, а работает в Зоологическом музее Биофака. Но я с ним всё же познакомился. По его просьбе я несколько раз привозил ему от Н.И. Гавриленко тушки соколов из коллекции Николая Ивановича. Георгий Петрович в это время работал над созданием шеститомника «Птицы Советского Союза». У Н.И. Гавриленко была, пожалуй, единственная в Союзе, частная коллекция птичьих тушек, насчитывавшая до шести тысяч экземпляров.

Н.В.Поляков с ручным чеглоком

и киносъемочным

аппаратом

Познакомился я и с бывшим соучеником Николая Ивановича по Харьковскому университету Евгением Семёновичем Птушенко, доцентом «моей» кафедры. Он посоветовал мне посещать работавший при кафедре студенческий кружок, которым руководила В.И. Осмоловская. Узнав, что я уже несколько лет занимался изучением птиц, Варвара Ивановна попросила меня выступить на одном из заседаний кружка с каким-нибудь сообщением. Я рассказал о совах неяснях, гнездившихся в дупле «Большого» дуба в Рудном, с которыми мы с Юрой были знакомы несколько лет подряд.

На одном из заседаний этого кружка я познакомился с Александром Николаевичем Формозовым. Он рассказал нам о географической изменчивости вида на примере белки, для наглядности используя несколько десятков шкурок этого зверька.

После зачисления в институт я получил постоянное место в общежитии МГУ на улице Стромынке, недалеко от метро Сокольники. Это был большой четырёхэтажный дом, построенный в виде квадрата, четыре стороны которого заключали большой внутренний двор. Не знаю, сколько было комнат, но было их много и жили здесь студенты всех факультетов.

В моей комнате оказались четыре моих однокурсника и три студента старших курсов. Юра Бочаров, Женя Кувшинов, Алёша Загуляев и Альфред (Альфарид) Илялетдинов поступили вместе со мной, два Юрия, Сорокин и Сазыкин учились на втором курсе и Володя Куваев на четвертом. На протяжении пяти лет нашей учебы население комнаты менялось. На освободившиеся места окончивших учебу поселяли других. Жили в нашей комнате и Игорь Ломов, и Вася Груздев и Арон Фарберов. Последний, вскоре после появления у нас, был арестован. Да, репрессии продолжались и в послевоенные годы, и после смерти Сталина. Пока я учился, "исчезли" ассистент нашей кафедры Наташа Лебёдкина, студент, тоже нашей кафедры, Борис Вепринцев, кафедры физиологии животных Андрей Трубецкой. Это только то, что мне известно...

Время было довольно голодное. Была еще карточная система, набор продуктов по которой был ограничен, а что не по карточкам, было по коммерческим ценам и нам не по карману. Хотя, мы с Юрой Бочаровым не раз лакомились очень дешёвой "коммерческой" картошкой, слегка подмороженной и потому, видимо, какой-то синеватой, когда очистишь. Варили, сдабривали рыбьим жиром, который нисколько не портил нам аппетит. Рыбий жир продавался в аптеке свободно и совсем дёшево. А Юра Сорокин предпочитал перловую кашу, которую кто то из нас называл ДВП, что означало ДолгоВременная Перловка. Употребив утром какое-то её количество, Юра, вернувшись с занятий, добавлял воды в оставшееся, тщательно размешивал и доваривал. Снова получалась полная кастрюля. И здесь тоже не обходилось без рыбьего жира.

В 1947 году на нашей кафедре появился Яша Гуревич, с которым вскоре мы стали друзьями. Родители его были арестованы в зловещем 1937 году. Отца, Давыда Савельевича, в том же году расстреляли, что Яше удалось выяснить в конце пятидесятых годов после многократных обращений в КГБ. Яшину маму, Любовь Владимировну, и отца после смерти Сталина реабилитировали. В одном из домов поблизости от нового Университета, где жили университетские преподаватели, Любви Владимировне с Яковым выделили квартиру. А пока Яша жил в районе Покровских Ворот, в Хохловском переулке. В этой его комнатке иногда собирались на "пиршество" несколько студентов — наших друзей. И мы с удовольствием расправлялись с голубями, отслужившими, как объекты изучения их анатомии, на малом практикуме. Яша в это время работал препаратором кафедры и имел право распоряжаться всеми "наглядными пособиями". Яша заочно учился на нашем Биофаке и окончил его на год позже меня по нашей же кафедре.

О Яше нужно рассказать подробнее. Как уже было сказано, после освобождения и реабилитации Любви Владимировне была предоставлена квартира в большом многоэтажном доме на углу проспектов Вернадского и Ломоносова, рядом с метро "Университет" и остановкой трамваев. И до университета всего 15 минут ходьбы. Квартира, по тем временам, особенно по сравнению с современными "хрущобами", была просто великолепна. Однокомнатная, но комната очень большая (29 кв. м.), высокий потолок, большие окна и балкон, выходящие на сквер боковой улицы. Обширная кухня, где, кроме стола и шкафа-буфета располагался диван-кровать для приезжих. Да еще и мусоропровод. Довольно большая прихожая, где рядом с большим зеркалом и вешалкой помещался холодильник. И "удобства" разделённые. Почему так подробно об этой квартире? Да потому, что сам многократно пользовался Яшиным гостеприимством, а в последние годы прошлого столетия жил там по несколько месяцев в году. Когда-то возник эпитет для Яшиной квартиры — "непроходимая". И, действительно, редко кто из его друзей, будучи поблизости, не заглядывал к Якову. А поскольку у Яши были знакомые во многих наших заповедниках, заповедные народы, наезжая в Москву, получали прибежище у Яши. И, хотя у меня в Москве живут три двоюродных сестры и два брата, мы с Матушкой

останавливались у Яши, а родственников изредка навещали, или они нас. А Яша, имея большой отпуск, после работы в заповедниках или Зональных экспедициях, приезжал в Полтаву или на одну из наших речек, присоединяясь к большой нашей компании. Яшина мама после освобождения прожила недолго, скончалась в конце 50-х годов.

Наша Юлька и в студенческие годы, и в аспирантуре, целых десять лет прожила у Яши. Свою квартиру он Юле завещал и, после его ухода, Юлина семья жила там до отъезда в Штаты, куда они с мужем были приглашены на работу в одну из лабораторий.

В общежитии мы жили дружно, вечерами что-то обсуждали, о чем-то спорили. Нередко приезжал в наше общежитие москвич Юра Викторov. С Загуляевым они собирались специализироваться по кафедре энтомологии, учились в одной академической группе. Алёша в войну был сильно контужен и ему очень трудно давались общеобразовательные предметы. А Юра учился легко и первые два года учебы много помогал Алёше. Алёша и сам занимался упорно. Утром, когда мы вставали, Алёши в комнате не было, он уже сидел в читальне, которая открывалась в шесть утра. И вечером он появлялся, когда все мы уже давно спали. А читальня в общежитии работала до 12-ти ночи. На третьем году учёбы дела у Алёши стали куда лучше, всё-таки пошли специальные, близкие сердцу и вполне понятные дисциплины, не то, что органическая химия или высшая математика. Мне тоже было трудно на первых двух курсах. То ли в войну голова отвыкла работать, то ли еще что... На первом курсе у меня возникла тройка по истории партии. Мне казалось, что я коротко и ясно ответил на все три вопроса, а Кравчинская (запомнил!), не задав мне ни одного дополнительного вопроса, только спросив: — "Всё?" и, получив утвердительный ответ, молча поставила тройку. То ли было уж слишком коротко, то ли не совсем ясно, то ли на что-то она была обижена. А я то причём? А вот по неорганической химии всем студентам, вернувшимся с войны, читавший этот курс доцент без всякого экзамена поставил пятёрки. Он сам воевал и на войне потерял ногу. Стыдно, но его фамилию я не помню. А на втором курсе у меня была, вполне справедливая, тройка по органической химии. Ассистент, принимавшая экзамен, оценила мой ответ на четвёрку, да я запутался в задаче, предложенной мне профессором Терентьевым, и

он своим четким почерком вписал в зачетку название предмета и "поср." подтвердил своей подписью. А как я сдал зачет (экзамена не было!) по высшей математике, я и сейчас не совсем понимаю. До сих пор не имею представления ни об интегралах, ни о дифференциалах. Однако на следующих трёх курсах я вылез в круглые отличники и получал повышенную стипендию.

Но речь была об Алеше. Учиться ему стало легче, но он продолжал часами просиживать в библиотеках, где штудировал уже специальную литературу. А предметом его интересов были разные виды молей. Наш "домашний" поэт Женя Кувшинов посвятил ему и молям такое стихотворение:

То не ветер воеет, не метёт пороша —
Мчится витязь храбрый, энтомолог Лёша.
Расставался с мамой он с душевной болью,
Так как шёл на битву с Супостатом Молью.

Долго ли, коротко ль, трудно тут ответить,
Только Свет- Алёша — в Университете.
Налетел, увидел, и откуда сила?!
Тут бы сдохнуть Моли, да не тут-то было!

Чахнет светик ясный, стал похож на мула,
Просидел в читальне уж четыре стула,
Недалёк был, бедный, от заветной цели,
Да конфуз случился — парня моли съели.

Источили, злые, от души — до тела.
О, рыдайте, девы, от такого дела!
Ныне вместо Лёши ходит оболочка...
Речи и конец тут, с миром ставим точку.

Алёша давно уже доктор биологических наук, профессор, опубликовал несколько книг по молям и огнёвкам. Дважды побывал у нас в Полтаве. Пару раз в год общаемся с ним по почте или по телефону.

На нашем курсе было 230 студентов, в том числе девчонок около двухсот, остальные — парни. Из них половина воевавших, половина — после школы. Я оказался в 1-й группе, где на 25 человек было только два мужика — я и Сева Бродский, дружеские отношения с которым сохранились и по сей день. Старостой нашей студенческой группы на первом и втором курсах была Тамара Чибисова, родом из Тулы. Жили мы в общежитии в комнатах "напротив", через коридор. Как-то быстро мы с ней подружились, и дружба эта совсем незаметно перешла в любовь и так и осталась на все годы учёбы и все последующие.

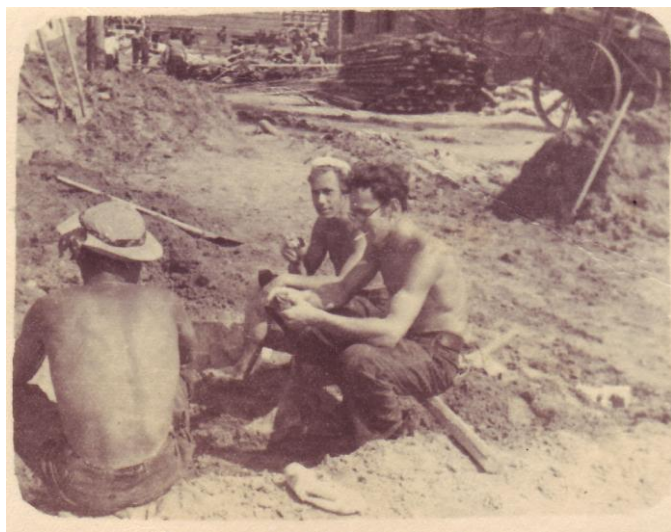
После зачетов и экзаменов первого курса, у нас была коротенькая практика по беспозвочным на Болшевской биостанции Биофака. Ничего интересного о ней я сказать не могу. Мы ездили туда каждый день на электричке, было еще очень голодно, да еще 3-го июня сильно похолодало и утром выпал снежок, а одеты мы были по-летнему. Правда, к середине дня выглянуло солнышко, и снег быстро растаял. Перед каникулами курс был направлен на строительство нового университета на Ленинских Горах. Меня назначили бригадиром одной из бригад. В её составе было 24 человека, в том числе три парня — Юра Викторов, Боря Кошелев и я, остальные — девчонки. Работали на участке, где строили бараки для рабочих — строителей. Выполняли самую грязную работу — зачищали вырытые под фундаменты канавы, глинистое дно которых было мокрым от прошедших недавно дождей, а также выравнивали какую-то дорогу. Отработали всего десять дней и разъехались по домам. Но перед этим дома у кого-то из девчонок (у Галки Успенской?) успели распить литр водки, проигранный девочками Борису Кошелеву. Он, на пари, сходил за мороженым за целый квартал от стройки в грязных шортах, еще более грязных кирзовых сапогах, в соломенной шляпе и до пояса голый. Девчонки были уверены, что его задержит милиция. Но обошлось.

На втором курсе лекции по зоологии позвоночных нам читал Сергей Иванович Огнёв, а позже он нам, четверым студентам, пожелавшим специализироваться по зоологии позвоночных, читал в своём кабинете лекции по экологии млекопитающих. Кроме меня, это были Наташа Ратнер (Баевская), Юра Баевский, Светлана Лазаревская (Блинова). На пятом курсе к нам «примкнула» Майя Меркова, отставшая от своего курса по болезни. На этом курсе нам, уже пятерым, читал лекции по

палеонтологии профессор Юрий Александрович Орлов, причем прямо в Палеонтологическом музее, которого он был директором.

Нельзя не сказать о том, что лекции по позвоночным на втором курсе читали два человека. Кроме лекций С.И.Огнёва мы имели возможность слушать такой же курс профессора Владимира Георгиевича Гептнера. Это готовилась смена Огнёву. Разрешено было посещать их лекции по своему выбору. Я ходил и на те, и на другие. Гептнер читал настлько подробно, начав с полухордовых, что времени хватило только на круглоротых. Но слушать его было очень интересно. Да, притом, какая речь!

После второго курса у нас была практика по ботанике и зоологии на Звенигородской биостанции нашего Биофака. Ботанической её частью руководили доцент Николай Николаевич Каден и ассистент Алексей Иванович Шретер, которому студенты дали прозвище "Борода", за его рыжую бороду. Иногда, в его присутствии, девчонки запевали песню "Борода моя, бородка, до чего ты доросла", слегка её переделав. Практикой по зоологии руководили доцент Е.С. Птушенко и ассистент Лидия Владимировна Ганешина.

Мужская часть бригады

Боря Кошелев

Девочки отдыхают

Часть комнаты, где жила Тома: Т.Чибисова, Г.Мерквищева, Ю.Дизер, И.Базилевич, Ф.Петухова

Е.С.Птушенко учит, как ловить мелких грызунов

Звенигород, 1948, половина курса.

Т.Чибисова, Звенигород, 1948

На крыльце финского домика стоят: Т.Чибисова, А.Трубецкой;
И.Носова, Ю.Дизер. Сидят: И.Смольянов, В.Мукасеев, Н.Воронина

Н.Н.Каден

Юра Викторов

Болшево. 3 июня 1947 г. М.Лаврова и Н.Перцов

Звенигород: А.Агре, Б.Голов, А.Лисицын, А.Сладков, В.Мукасеев, С.Кузнецов, Б.Кошелев, Л.Татаринов, А.Загуляев, Г.Викторов

По ботанике мы должны были собрать гербарий и сделать описание площадки луга, размером в один квадратный метр, определив все виды растений и количество экземпляров каждого вида, обнаруженных на этой площадке. Довольно нудная работа! Но было много продолжительных экскурсий, иногда далеко за пределы территории биостанции.

На практике по зоологии каждый из нас должен был выбрать тему и по ней отчитаться в конце практики, а также вести дневник. Я выбрал тему "Питание большого пёстрого дятла", дупло которого с птенцами обнаружил поблизости от финского домика, в котором располагалась мужская часть курса. Почти две недели, до вылета птенцов, я ежедневно по нескольку часов сидел с биноклем в кустах, невдалеке от дерева с дуплом, и считал число прилетов дятлов с кормом. Под деревом я положил, найденный где-то, большой кусок фанеры. На него падала часть корма. Это помогло мне определить, что приносят птенцам родители. В основном это были личинки листоедов и других насекомых и какие-то мелкие жучки, определить которых мне не удалось.

В последний день практики Евгений Семёнович вернул нам, с устными комментариями, собранные накануне дневники. Получив зачеты по зоологии и ботанике, в конце июня вернулись в Москву и разъехались на каникулы.

На третьем курсе я еще раз слышал выступление А.Н.Формозова на нашем кружке. На этот раз он очень интересно рассказал о заповеднике "Семь островов", о шумных птичьих базарах. Подробно рассказал о гаге, ради охраны которой и был создан этот заповедник. Во второй части своего сообщения он рассказал о том, как отыскивать и использовать необходимые литературные источники, назвав десятка полтора книг с обширными списками литературы и несколько библиографических справочников. После заседания кружка я попросил его быть руководителем моей будущей дипломной работы. Он знал, что я уже прилично знаю наших птиц, и предложил тему "Биология и хозяйственное значение некоторых птиц естественных и искусственных лесонасаждений степных районов". Мне посчастливилось

работать под руководством этого всемирно известного ученого и очень хорошего человека на протяжении нескольких лет. Очень сожалею, что не пришлось слушать его лекции. В 1948 году он ушел в Институт Географии Академии Наук, а на Биофаке остался на половине ставки, и ряд лет лекций здесь не читал.

Практика после третьего курса считалась уже преддипломной. Как раз в это время (1948-1949гг) начиналась эпоха "великого сталинского плана преобразования природы". Сущность его состояла в том, что в степной и лесостепной зонах Европейской части Союза требовалось создать, так называемые, "Государственные полезашитные лесные полосы». По достижении ими зрелого возраста, они должны были обеспечить небывалый подъём урожайности сельскохозяйственных культур. Конечно, наш Биофак не мог не принять участия в проведении в жизнь этого грандиозного плана. Была создана Комплексная экспедиция, в состав которой входили ботаники, зоологи, энтомологи, почвоведы и, даже, гидробиологи.

В задачу экспедиции входило всестороннее обследование трассы будущих лесных полос на участке между Камышином и Сталинградом. Главная база экспедиции была в Сталинграде, а наш небольшой отряд расположился в Камышинском лесопитомнике, недалеко от Камышина, небольшого районного центра на берегу Волги. Было и еще несколько отрядов на разных участках этой трассы.

В составе нашего отряда были профессор Николай Алексеевич Гладков, доцент Константин Николаевич Благодосклонов, ассистенты Наталия Викторовна Башенина, Варвара Ивановна Осмоловская и студенты нашей кафедры Нина Воронина, Наташа Ратнер и Борис Голов. Были в отряде и ботаники, числа и фамилий которых я не запомнил. Не знаю, от какой кафедры был здесь В.Мукасей и чем занимался. Жил он в Камышине и в питомнике появлялся редко. Начальником нашего отряда был Пётр Владимирович Матёкин, если не ошибаюсь, тогда еще ассистент, а теперь уже давно профессор.

Камышин, 1949 год. Н.Башенина, Н.Гладков, В.Осмоловская,
Б.Голов, К.Благосклонов, Н.Воронина, дочь Благосклонова,
Н.Баевская

Камышин 1949 год

"Антилопа Гну" с грузом зоологов и ботаников

Ю.Викторов на охоте. Урочище Сестренки

Варвара Ивановна в роли "раздающего"

Перед отъездом по домам

Во время одной из моих экскурсий по питомнику (как я мог ходить целыми днями по жаре в довольно плотной куртке и кирзовых сапогах — удивляюсь и сейчас) я услышал голос какой-то, не известной мне, птички, а потом и увидел её. Маленькая серая птичка что-то собирала со стеблей в посадке кустарника ирги и периодически раздавалась её коротенькая, не знакомая мне песенка. Вечером Варвара Ивановна сказала, что у неё есть с собой определитель птиц и птичку надо добыть. На следующий день мы с Варварой Ивановной определили, что это пеночка бормотушка, *Hippolais caligata*. А мне хорошо известна её ближайшая родственница, пеночка пересмешка, *Hippolais icterina*, обычная на Полтавщине, обладающая очень звонкой и приятной песенкой.

На несколько дней приезжали сюда профессора Сергей Павлович Наумов (брат Н.П.Наумова, ставшего вскоре заведующим нашей кафедрой после ухода Б.С.Матвеева), и Александр Николаевич Формозов, уже утверждённый моим научным руководителем. К сожалению, пообщаться с ним мне удалось очень мало. Он пробыл здесь чуть более трёх суток, из которых, на двое суток, была организована экскурсия в урочище "Сестрѐнки", в пятнадцати-двадцати километрах от Камышинского питомника. В этой экскурсии к нашему отряду присоединился энтомолог Юра Викторов, на несколько дней приехавший к нам из другого отряда экспедиции. Ездили мы туда на грузовой полуторке, взятой в аренду за 300 рублей в сутки.

В "Сестрѐнках" мне довелось впервые услышать голос маленькой совки сплюшки, а потом удалось найти её гнездо с пуховыми птенцами. Располагалось оно в сорочьем гнезде. Своим, еще довоенным, фотоаппаратом "Фотокор" я сделал несколько снимков гнезда и птенцов сплюшки. Не знаю, как не пришла мне в голову мысль взять на воспитание птенца этой симпатичной совки, хотя в Камышинском питомнике у меня "на воспитании" жили совершенно ручные сорочонок, птенцы кобчика, пустельги и ушастой совы.

И еще один, новый для меня вид узнал я во время этой экскурсии. Огромная птица спланировала и села на противоположном от меня склоне широкой балки. Сидела она совсем недолго, но в

бинокль я успел её хорошо рассмотреть и предположил, что это степной орёл. Александр Николаевич вскоре подтвердил моё предположение. Позже я понял, что А.Н. приезжал в Камышин не для участия в "лесополезательной экспедиции", а ради В.И. Осмоловской. Вскоре они поженились.

На той же полуторке мы несколько суток проехали по всей трассе будущих лесополос от Камышина до Сталинграда и обратно, с остановками в наиболее интересных для нас местах. Ездили с нами и Юра Викторов и некоторые ботаники камышинского отряда. Этой поездкой завершилась наша практика после третьего курса.

Хочется сказать, что, одновременно с эпохой "Плана преобразования природы", это была еще и эпоха "Облысения дарвинизма и обличивания студентов", когда во всех учебных заведениях насаждались бредовые идеи "академика" Лысенко и утверждалась, как единственно правильная, так называемая "мичуринская биология". Мы были уже на третьем курсе, а на втором профессор Яков Михайлович Кабак, в своих очень интересных лекциях курса "Общая биология", успел рассказать нам о работах Менделя, Вейсмана и Моргана, о последних успехах генетики, о носителях наследственности — хромосомах. Мы решали задачи, подтверждавшие законы, установленные Менделем, и видели под микроскопом хромосомы в ядрах клеток, процесс их деления. Большинство студентов нашего и старших курсов к "открытиям" лысенковским относились отрицательно. На стенах туалета на философском факультете, где нам читали лекции по "марксистской философии", шла острая полемика между студентами Биофака и "философами", у которых, по-видимому, представления о биологии были весьма смутными. Однажды Юра Бочаров, вернувшись с занятий в общежитие, рассказал нам, прочитанный им на одной из стен этого туалета, такой философический опус:

"Не ослабляя ж... спазм,
прочёл я ваши афоризмы
и констатировал маразм
апологетов дарвинизма".

За три дня, проведённых в муках творчества, Юра сочинил такую отповедь анонимному философу:

"Спутав ж... с головой,
спазмы не сдержал философ,
и душок добавил свой
в вонь лысенковских поносов"

Через два или три дня стены в этом туалете, который из любопытства стали посещать студенты и других факультетов, были заново покрашены, да и лекции по диамату вскоре закончились.

За несколько месяцев до злополучной сессии ВАСХНИЛ, в ноябре 1947 года, состоялось заседание Совета нашего факультета, на котором академик Иван Иванович Шмальгаузен и профессора А.Н.Формозов и Дмитрий Анатольевич Сабинин, на фактическом материале, убедительно опровергли утверждение Лысенко об отсутствии в природе внутривидовой борьбы, одного из видов борьбы за существование, которая обеспечивает, как утверждал Дарвин, естественный отбор. Заседание должно было состояться в нашей Большой Зоологической аудитории, но желающих услышать доклады оказалось так много, что оно, еще до начала, было перенесено в самую большую в университете аудиторию — Большую Коммунистическую. Как мы туда бежали! И там всем места не хватило, многим пришлось стоять. Нам удалось занять места для нескольких наших преподавателей.

Вскоре после сессии ВАСХНИЛ 1948 года были уволены некоторые из преподавателей факультета, в том числе всеми любимый декан Сергей Дмитриевич Юдинцев, профессор Д.А.Сабинин, академик И.И.Шмальгаузен. Деканом был назначен И.И.Презент, правая рука Лысенко, с которым пришла целая группа "настоящих" дарвинистов и генетиков. Запомнил только Ф.А.Дворянкина, он вёл у нас семинары по дарвинизму. На одном из семинаров, где мы должны были доказывать отсутствие в природе внутривидовой борьбы, Нинка Кибардина спросила: — "Фёдор Андрианович, а сами то Вы верите в то, что она отсутствует?"

Дважды на факультете с лекциями выступил сам Лысенко, видимо, по приглашению Презента. Слушать его было трудно:

говорил тихо, хриплым голосом. На первой его лекции мы услышали из его уст глупость о порождении пеночкой кукушки, пшеницей ржи и наоборот, овсом овсюга, сорного злака. И не стал отвечать ни на какие вопросы. После его лекций кто-то из студентов сочинил частушки:

В полосах растут дубы, в огороде овощи,
Между ними ни борьбы, ни взаимопомощи.
Всё колхозное крестьянство шибко удивляется:
У Лысенко из крапивы репа получается!

Лекции по дарвинизму читал сам Презент и обязал посещать их всех преподавателей факультета. И посещали... Только дарвинизма в них почти не было, зато было много "передовой мичуринской биологии". Вскоре были ликвидированы старые кафедры Дарвинизма и Генетики и организованы новые. Но из нашего курса в 230 человек нашлись только четверо, решивших специализироваться по дисциплинам этих кафедр.

Было бы неправильным не рассказать о том, что мы, как и бесчисленные поколения студентов всех времён и народов, отмечали в общежитии праздники, дни рождения, окончания экзаменационных сессий. Конечно же, с "возлияниями" Вот такое событие после четвёртого курса мне запомнилось лучше всех других. Присутствовали все жители нашей комнаты и, конечно, Юра Викторов. Посидели, поговорили, что-то спели. Даже и не заметили, что куда-то исчезли Юра Бочаров и Алёша Загуляев. Вскоре они появились и поставили на стол еще две бутылки. Одна из них с "Нежинской рябиновой", а вторую я не запомнил. Им показалось мало! Еще посидели, а около 11-ти вечера я пошел проводить Юру Викторова. Позже 11-ти гостям оставаться в общежитии не полагалось. В окошечке проходной взяли Юрин паспорт, я проводил его до трамвая и мы помахали друг другу. На следующее утро мы с Томой уехали в Тулу, а днём нам принесли телеграмму из Москвы с вопросом: "Где паспорт Викторова?" А паспорт у него в трамвае или метро вытащили. Хорошо, "честные " карманники попались —

подбросили паспорт в их почтовый ящик. "Пить надо меньше, меньше надо пить!"

Не считая моих однокурсников нашей кафедры Зоологии позвоночных, дружба с которыми продолжается и в настоящее время, к третьему—четвёртому курсам у нас сложились дружеские отношения с однокурсниками других кафедр. Это Юра Викторов, Наташа Воронина, Ира Носова, Феликс Зайдельман и Инна Куваева, Юля Дизер и Алёша Бызов, Сева Бродский и, конечно, Яша Гуревич. Этой компанией, не всегда в полном составе, мы собирались у кого-нибудь по поводу или без повода, устраивали лыжные прогулки, туристские походы. На лыжах чаще всего выбирались в окрестности Салтыковки, где была дача у Иры Носовой, где жили семьи Юли Дизер и Алёши Бызова.

В начале 50-х годов в нашу компанию "бурно влились" Вронские, и не только молодёжь, Лялька и Борис, но и их родители, геологи Борис Иванович и Варсеник Месроповна. Ещё вопрос, кто куда "влился"! Борис Вронский младший учился на нашем факультете, на кафедре ихтиологии, на два курса младше нас. Лялька, как все её звали, хотя родители дали ей очень редкое у нас имя Рогнеда, училась на Геологическом факультете МГУ. Вместе с очень еще молодой бабушкой Варсеник она воспитывала двух своих ребят, Наташу и Никиту.

Тома с родителями на Воробьевых горах

На большом практикуме: Н.Баевская, Б.Голов, С.Лазаревская, Ю.Баевский

Кафедра зоологии позвоночных , 1954 Сидят: ?; Н.М.Дукельская, В.Г.Гептнер, Н.П.Наумов, Б.С.Матвеев, А.Н.Дружинин, К.Д.Мартынова, Н.И.Крепкогорская, В.А.Раков., Стоят: В.Соколов, Н.Карташов, И.Шилов, Н.Шибанов, К.Благосклонов. Я.Гуревич, Л.Ганешина, ?, ?, М.Мартынова, ?, В.Груздев, ?, ?, В.Осмоловская

Наша комната: Е.Кувшинов, Б.Голов, А. Илялетдинов,
Ю.Бочаров, И.Смольянов, И.Ломов, 1951

Во дворе Стромьнки: Ю.Бочаров, И.Ломов, А.Илялетдинов,
Е.Кувшинов, И.Смольянов, Б.Голов. Учеба позади! 1951

Экзамен по палеонтологии: Б.Голов, М.Меркова, Н.Баевская, проф. Ю.А.Орлов, С.Лазаревская, Ю.Баевский. Зима 1951 г.

Тома на Воробьевых горах

Мы стали бывать у них дома "на Соколе" (недалеко от станции метро "Сокол"), или на даче в Голицино. "На Соколе" у них всегда былолюдно. Лялькины и Борькины друзья, многочисленные друзья — геологи старшего поколения. Всем хватало и места и внимания.

О Главе семьи Борисе Ивановиче Вронском следует сказать отдельно. Кроме того, что он был Геолог от Бога, многократно отмеченный за работу правительственными наградами, он еще был и писателем, и поэтом. Две его книги с дарственными автографами, "На золотой Колыме" и "Тропой Кулика", храню, как дорогую память о нём. О его поэтическом даре я впервые узнал, не удивляйтесь, по фотографиям за стёклами Яшиного книжного шкафа. Почти на каждой из них на обороте — четверостишие Деда-Сербигеда, как его называли любимые и любящие внуки. С тех пор помню почти все (беда с этой памятью!). На фото, где Баба Варсеник запечатлена в профиль, с гордо поднятой головой, такое:

Несмотря на малый рост и скромное обличие,
Из Бабуси так и прёт мания величия.
Перед нами – переход качества в количество,
Так давайте Бабу звать "Вы, Ваше Величество"!

Или:

Вот Баба с внуками маячат
На фоне нашей мрачной дачи,
Где всё, от крыши до ступенек,
Вопит: — "Дай денег, денег, денег!"

И еще про дачу:

На участке, на уроде, дом стоит, сарая вроде,
Возле дома мокрый луг расстилается вокруг.
На лугу то там, то тут, одуванчики цветут.
Каждый скажет: — "Не иначе,
Речь идёт о нашей даче,
Где без пользы, без отдачи,
Деньги вложенные плачут"

За стеклом книжного шкафа «на Соколе»:

Не шарь по полкам хищным взглядом,
Здесь книжки не даются на дом.
Лишь безнадёжный идиот
Знакомым книги раздаёт.

К моему 80-летию Лялька подарила мне подборку из 20-ти стихотворений Бориса Ивановича. Обещала подобрать еще, но прошло уже значительно больше трёх лет... Хочу рассказать еще об одном стихотворении Бориса Ивановича. Давно это было: угораздило его сломать ногу, и по этой причине он не смог заниматься любимым делом, т.е. ходить по тайге в поисках так нужных стране "кладов". Пришлось сидеть в конторе и заниматься какими-то очень скучными бумагами. И в Москву пришло письмо с таким стихотворением:

День начался, как всегда,
Хмурой, пасмурной заботой:
Если весел гимн труда,
То уныла песнь работы.
Люди оба слова чтут,
Я же разницу в них вижу:
Уважаю вольный труд,
А работу ненавижу.
Может быть, мой довод слаб,
Но в работе есть неволя,
В этом слове корень "раб"
Мне твердит о рабской доле.
Потому то каждый раз
Равнодушно, без охоты,
Я иду, в урочный час,
На посылаю работу.

В Лялькиной подборке этого стихотворения нет. А оттуда приведу только одно стихотворение, которое я запомнил почти с первого прочтения:

Две весны дано нам пережить:
Первая весна — весна рассвета,

А вторая, на закате дней, —

Жаркое, хмельное Бабье Лето.

Как весна отлична от весны,

Так и осень с осенью несхожи:

У одних она — зиме сродни,

У других — с весной поспорить может.

Как они прекрасны у тайги,

Эти дни, минуты увяданья!

Сколько красок, отблесков, огней,

Яркого, как сон, очарованья!

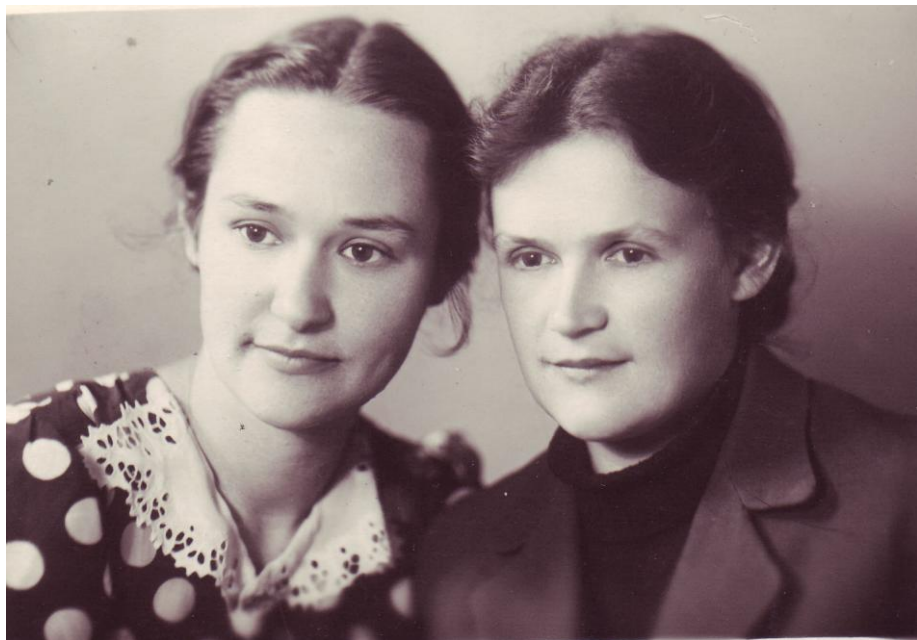
В этих красках, сколько ни ищи,

Не найдёшь намёка на усталость.

Если бы и нам такой закат,

Если бы и нам такую старость...

И уж никак нельзя обойти вниманием общую любимицу не только всех поколений Вронских, но и всех поколений их друзей, Бабу Варсеник. Если Борис Иванович был главой семьи, то она была её центром, объединяющим в одно целое, даже и врозь с ней живущих, детей, внуков, правнуков вместе с их семьями. На протяжении многих лет она вела хозяйство и на "Соколе", и на даче в Голицино, воспитывала и помогала учиться детям, внукам и правнукам. Да еще очень часто уделяла внимание гостям: друзьям-геологам, друзьям Бориса Ивановича по экспедиции к "Тунгусскому диву", друзьям детей и внуков, часто приходивших со своими друзьями. Вот так и мы с Томой попали в это сообщество и так в нём и остались. То ли Лялька нас привела, то ли Яков. В одном из писем Баба Варсеник вспомнила: когда впервые я пришел к ним с Томой, четырёх-или пятилетний её внук Никита сказал: — "А дядя Боря пришел с неожиданной девушкой". Так она надолго и осталась "нежданной девушкой".

Ляля и Тома

У Вронских. Сидят: А.Бернштейн, Баба Варсеник; стоят: Я.Гуревич,
Б.Голов, Б.Вронский, Л.Вронская, Н.Воронина

По дороге на дачу Вронских. Впереди Юра Виктор и Яша Гуревич

Голицино. Любовь Владимировна (Яшина мама), Б.Голов, Баба Варсеник, Тома, Ира с дочкой Олей

Те же без Бори, но с Яковом

В Полтаве: Никита и Наташа Вронские. Зоя и Юля Головы

Клан Вронских

Никита и Юля на "Соколе" или у Яши?

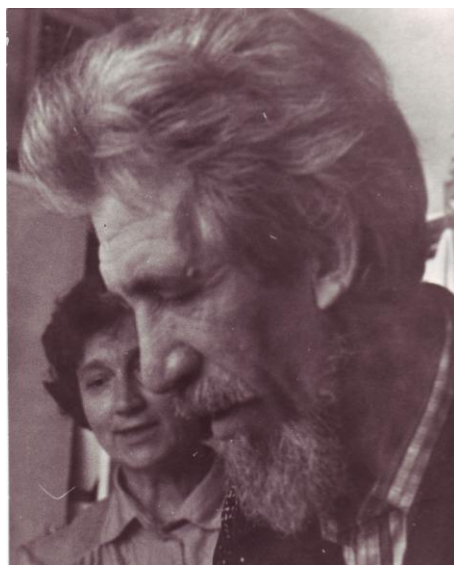
Б.И.Вронский

У Вронских: Б.Голов, Ю.Бызова, Б.И.Вронский, Т.Рахманова

Эля

Эля и Рюрик Бёме

Когда появилась вторая квартира на Беляево, на "Соколе" не стало таких многолюдных собраний. Один из гостей, как сообщила в одном из писем Баба Варсеник, Серёнька, с грустью сказал по этому поводу: — "Был такой дом хороший, когда ни придёшь, всегдалюдно, весело, сытно".

Чтобы восстановить прежний порядок, было решено назначить день недели, когда все, живущие в Москве, члены Вронского клана обязаны быть на "Соколе". Этим днём определили пятницу и, как мне известно, порядок этот соблюдается. И знают это их друзья.

И прожила Баба Варсеник 105 или 106 лет, и до последних дней себя обслуживала, хотя уже плохо видела и плохо слышала. А последнее письмо нам прислала, когда ей было уже за сто лет...

Кроме уже упоминавшихся сотрудников нашей кафедры, здесь работали доценты Н.В.Шибанов, Н.Н.Карташов, аспиранты И.Шилов, В.Груздев. Хозяйством кафедры и обслуживанием учебного процесса ведали старший лаборант Н.И.Крепкогорская и лаборанты М.Д. и К.Д. Мартыновы, родные сёстры. Все они на протяжении всех лет учёбы всячески нас опекали и всегда старались помочь. И Клавдия, и Мария Дмитриевны очень помогли мне в освоении микротехники при выполнении курсовой работы, за что я им искренне благодарен.

После 4-го курса Александр Николаевич посоветовал мне продолжить сбор материала к дипломной работе в Бузулукском Бору, где уже работала его аспирантка Светлана Крассова. Она сообщила о массовом размножении там майского жука и кольчатого шелкопряда, которые сильно повреждали лиственные деревья, а личинки майского жука вредили сосновым питомникам, подгрызая корни саженцев. А.Н. считал, что мы сможем помочь друг другу в сборе материала, хотя у Светланы была тема "Биология и питание барсука". У Томи Чибисовой тема дипломной была по плодам семейства Сложноцветных. Она могла бы найти эти растения в любой точке страны. И мы решили ехать в Бузулукский Бор вместе.

Бузулукский Бор – самый южный в степной зоне островной лесной массив на границе Самарской и Оренбургской областей (тогда – Куйбышевской и Чкаловской). Площадь его составляет 112000 гектаров. На карте он напоминает треугольник, вытянутый с запада на

восток, с вершиной на севере. Протяженность его с севера на юг — 34 км, а с запада на восток — 53 км. С севера на юг его пересекает река Боровка, недалеко от южной его границы впадающая в р. Самарку, левый приток Волги.

25 мая 1950 г. ранним утром мы с Томой высадились из поезда на станции Колтубанка, в самой южной части бора. Оказалось, что это не Колтубанка, где нам следовало высадиться, а предыдущая станция. Ошиблась проводница, но поезд уже ушел, останавливался он здесь только на одну минуту. Следующий же поезд в том направлении будет только к вечеру. Мы слегка приуныли – целый день пропадает! Но кто-то из железнодорожников посоветовал нам поговорить с машинистом стоявшего на пути паровоза, который должен был вскоре отправиться в нужном нам направлении. Машинист разрешил нам взгромоздиться с нашими чемоданами и рюкзаками на прицепленную к паровозу платформу, и через полчаса мы высадились уже на настоящей Колтубанке, изрядно прокопченные дымом из паровозной трубы.

У меня была бумага из министерства Лесного хозяйства, в которой предлагалось всем учреждениям, имеющим отношение к этому министерству, оказывать нам всяческое содействие в нашей работе. Этот документ удалось организовать Светлане для нас и, конечно, и для себя. Вот с этой бумагой я обратился в лесничество, домик рядом со станцией, и через два часа нам подали двухколёсную трёхместную тележку, запряженную симпатичной рыжей лошадкой и с не менее симпатичным, но очень молчаливым кучером. Он сидел впереди, к нам спиной, и мы могли целоваться, на минутку отрываясь от созерцания окружающей природы. Нам предстояло пересечь весь бор с юга на север, чтобы попасть в посёлок Комсомольский, где обосновалась и ждала нашего приезда Светлана. В южной части бора больше чернолесья, много болот, озёр. К северу преобладают сосняки, местность становится холмистой. Нельзя было не любоваться огромными, в полтора-два обхвата, соснами, попадавшимися то справа, то слева от дороги. Такие мне приходилось видеть только в Гетманских борах на Полтавщине. А встречавшиеся изредка дубы были черными, почти начисто объединенными гусеницами кольчатого шелкопряда и майскими жуками.

К месту назначения добрались мы только к семи часам вечера. Света напоила всех нас чаем и мы, попрощавшись с дядей Гришей, так звали нашего возницу, поблагодарив его, отправились подсчитывать интенсивность лёта майского жука. А жуков очень много! Целыми роями кружатся они вокруг крон дубов, где еще листва сохранилась. На северной опушке леса все дубы стоят черные, ветви их местами густо заплетены паутиной — это "поработал" кольчатый шелкопряд. Волосатых гусениц этой красивой бабочки такое множество, что, спустившись, в поисках пищи, с начисто объединенных деревьев, они почти сплошь покрывают тропинку, траву. Приходится давить их ногами, хотя это и не очень приятно, скорее — очень неприятно.

Комсомольское лесничество (их в Бору несколько) выделило нам для жилья половину маленького домика, на самом краю посёлка, на опушке леса. В нашем распоряжении оказались маленькие прихожая и комнатка, в которой едва поместились наши кровати, столик и три стула. Мебель эту выдал Светлане завхоз лесничества.

Вторую половину домика (домом его назвать не осмелюсь) занимала семья из бабушки и её дочери с двумя сыновьями, восьми и двенадцати лет. Был ли отец, мы не выяснили. Жили мы с ними мирно, чем-то друг другу помогали. Младший, Митя, перешел во второй класс, но в учебе был слабоват, очень плохо читал, так же было и с арифметикой. Старший, Паша, перешел в пятый и, по словам матери, учился хорошо. По просьбе матери, Тома и Света находили время для занятий с Митей. К нашему отъезду в его чтении обнаружился заметный прогресс.

Пищу готовили и мы, и соседи на маленькой печке, сложенной из кирпича в нескольких шагах от дома. Топили дровами, вернее — хворостом, который соседские ребята собирали в лесу. С питанием и у нас и у соседей было негусто. Какие-то продукты мы привезли с собой, что-то в посылках нам присылали из Тулы и Полтавы, а Свете из Москвы. У каких-то дальних соседей мы покупали молоко. В единственном магазине посёлка можно было купить только хлеб, водку и махорку. Хлеб привозили не каждый день, приходилось кому-то из нас караулить у магазина, чтобы не остаться без хлеба. И у меня, и у Светланы было разрешение на "Право охоты в научных целях". Я стрелял разных птиц для определения содержимого их желудков,

шкурки снимал и набивал тушки для учебной коллекции кафедры, а мясо мы использовали в пищу. Вполне съедобным было мясо ворон, сорок, овсянок. Иногда браконьерили. Три или четыре зайца были нами съедены, одного из них добыла Светлана.

У соседей была собака по кличке Букет. Что-то у него и в масти, и в экстерьере было от гончей, и зайцев он гонял упорно, но без голоса. А это уже не гончая собака! Нередко он сопровождал нас в наших, почти ежедневных, экскурсиях.

Боровка была речкой рыбной. Если мы оказывались на её берегу, я налаживал одну-две удочки. На живца удавалось поймать щуку, голавля, а однажды на личинку майского жука попался пятикилограммовый сом. Рыба была хорошим подспорьем в нашем рационе, да и соседям нашим перепадало. У них была полутораговая тёлочка, которую пасла или выгоняла в стадо бабушка. И вот, когда они с тёлочкой проходили мимо дома, мы каждый раз слышали, обращаемые к тёлке, ласковым тоном произносимые, слова, почему-то совершенно нецензурные.

У Паши были летние каникулы и, если кто-то из нас был дома, он частенько заходил посмотреть, чем мы занимаемся. Мог подолгу смотреть, как я снимаю с птиц шкурки или делаю тушки. Однажды он принёс двух, выпавших из гнезда, клинтушат, и мы вместе с ним их выкормили. Позже он же притащил двух бельчат-сосунков. Пришлось делать из какого-то пузырька соску и несколько дней мы все поили их коровьим молоком. Ничего, выкормили...

Работы было много, у меня под наблюдением было несколько гнёзд сорок и овсянок. Считал, сколько раз приносят корм, отмечал рост тела и оперения птенцов. Оказалось, что у сороки за первые сутки птенцы увеличиваются в весе в два раза, а за время от выклёвывания до вылета из гнезда — в десять раз, от 18 до 180 граммов. У овсянок, чьи гнёзда были на земле, и взрослые птицы меня почти не боялись, можно было рассмотреть, что они приносят птенцам. Чаще всего это были кузнечики.

Конечно, я не оставлял без внимания и всё, для меня интересное, не имеющее отношения к моей теме. А интересного было много. В полукилометре на запад от посёлка, почти на опушке леса, было гнездо крупного сокола балобана, а примерно на таком же расстоянии, но на восток, на вершине огромной сосны — гнездо орла могильника.

В обоих гнёздах были птенцы. Я периодически смотрел в бинокль, что происходит в гнёздах, видел, как родители кормят птенцов, удалось отметить и даты вылета птенцов и у той, и у другой пары. Оказалось, что эти птицы "установили" границу своих гнездовых участков. Это были молоденькая лесополоса и идущая вдоль неё дорога. Если кто-то из соседей залетал за пределы своего участка, сейчас же появлялся "хозяин" и начинался воздушный бой. Если нападал сокол, он сверху бросался на нарушителя, но тот успевал перевернуться кверху брюхом и выставить лапы с острыми когтями. Часто на помощь прилетала вторая птица, орлу приходилось ретироваться, бой прекращался. И орлы тоже не позволяли балобанам вторгаться на их территорию.

Неоднократно рано утром и под вечер я видел сидящим на вершине одинокой сосны, оставленной, на обширной вырубке, одного из могильников. Думаю, что они подкарауливали зайцев или другую добычу. Под их гнездом я находил и куски шкуры зайца, и заячьи лапы, а также и куриные перья и лапы, и погадки с заячьей шерстью и куриными перьями. А однажды видел, как на краю посёлка орёл пытался схватить курицу, но на этот раз охота не удалась.

Незадолго до нашего отъезда где-то в центральной части бора, где мы редко бывали, я обнаружил гнездо орлана-белохвоста. Я шел по просеке, и вдруг услышал из глубины лесного квартала тревожные крики ворон, и решил выяснить, что там происходит. Свернув с просеки и пройдя немного, ориентируясь по вороньим голосам, увидел на старой высокой сосне большое гнездо, а на вершине соседней, такой же вековой, сосны сидящего орлана, на которого нападали две серые вороны. Орлан только слегка поворачивал голову, а вороны близко подлететь опасались, но крику было много.

Птенцы овсянки

в
Светлана

Томы над Боровкой

Наш "дом"

"С приездом!". На берегу реки Боровки.
Четвертый - охотовед Баландин

Тома и Паша с голубями

Сом 5 кг

Голавль и щука

Когда я подошел поближе, с гнезда взлетел второй орлан и обе великолепные птицы взмыли в воздух и там отмахивались от ворон, как от назойливых мух. Вскоре вороны отстали, а оба орлана скрылись в сторону солнца, на юго-восток. Гнездо снизу казалось огромным. Видно, служило давно и каждый год достраивалось. По времени, там должны были быть птенцы. Как жаль, что нам уже пора уезжать и понаблюдать этих птиц мне не удастся...

Много хищных птиц удалось мне здесь повидать: и обычных в те годы у нас на Полтавщине черного коршуна и сарыча, и очень редких, занесённых в Красную Книгу, сапсана, беркута, змеяда. Неподалёку от нашего посёлка были гнёзда и сарыча, и перепелятника, птенцы которых вылетели незадолго до нашего отъезда. Несколько раз мне удалось видеть пролетавшего над лесом черного аиста. В наших краях я мог видеть его только на осеннем пролёте. Из куриных, кроме перепела и серой куропатки, во время экскурсий нам попадались выводки тетерева и глухаря.

Лисицу и барсука увидеть не пришлось. но их свежие следы попадались часто. Мы знали несколько жилых барсучьих нор, которые Света регулярно посещала и собирала содержимое барсучьих уборных, чтобы выяснить, чем эти звери сейчас питаются. У одного из лесных озёр нам два раза удалось видеть лосиху. Здесь же мы как-то увидели большую черную гадюку. Букет её облаивал и при этом как-то странно подпрыгивал, но приблизиться явно опасался.

Два с половиной месяца пролетели очень быстро, в начале второй декады августа мы уже были в Москве, а потом в Туле, где Томина мама помогла нам, без всякой задержки, получить Свидетельство о браке. Тут же состоялась и очень скромная свадьба. А потом мы побывали в Полтаве и к началу занятий вернулись в Москву.

На пятом курсе общих занятий было мало, в основном все занимались своими дипломными работами. У нас на кафедре был Большой практикум, где мы изучали все системы органов позвоночных животных, от миноги и до кролика. Вёл занятия Александр Николаевич Дружинин, доцент кафедры. На каждом занятии он рисовал на доске цветными мелками очень четкие схемы всех систем изучаемого объекта, и мы легко разбирались в элементах скелета, путанице нервных стволов и других системах. Мне эти занятия очень нравились. Профессор Борис Степанович Матвеев

параллельно с этими занятиями читал нам курс сравнительной анатомии позвоночных с основами эмбриологии, и однажды очень забавно, используя полу своего снежно-белого халата, пытался объяснить, как стадия бластулы преобразуется в стадию гастролы.

У А.Н.Дружинина была большая коллекция пластинок с записями песен и арий из опер в исполнении Шаляпина. Однажды он устроил настоящий концерт в нашем клубе в общежитии на Стромынке. Не знаю, сколько пластинок он привёз вместе со своим патефоном, но концерт продолжался более трёх часов. Зал был полон. А.Н., накручивая в очередной раз пружину патефона, очень интересно рассказывал и о Шаляпине, и о том, как с товарищами-студентами пробирался на его концерты. Билеты для них были очень дороги. С Формозовыми у А.Н.Дружинина была давняя дружба. Я храню два его стихотворения, подаренные мне Варварой Ивановной. Одно из них посвящено защите Варварой Ивановной кандидатской диссертации (1944 год!), а второе — 60-летию А.Н.Формозова.

Совсем неожиданно для меня, я был рекомендован кафедрой в аспирантуру. Мы с Томой рассчитывали, что будем распределены в Воронежский заповедник, где в это время работал бывший аспирант нашей кафедры Юра Куражсковский. По его словам, оттуда была выслана на нас заявка. Она не понадобилась. С 1-го октября 1951 года я был зачислен в аспирантуру, а Тома была оставлена на кафедре Высших растений лаборантом. Через год она стала аспирантом этой кафедры. Мои однокурсники и друзья Наташа и Юра Баевские были распределены в Баргузинский заповедник и проработали там три года, а Светлана Блинова поступила в один из институтов Академии Наук.

С осени 1951 года заведовать нашей кафедрой стал профессор Николай Павлович Наумов. Он сменил профессора Бориса Степановича Матвеева, ушедшего в один из институтов Академии Наук. Наумов сразу же предложил мне своё руководство и тему "Хищные птицы и грызуны". Я отказался, сославшись на то, что совсем не знаю грызунов и хочу быть аспирантом Формозова. "Формозов не может иметь аспирантов", — сказал Наумов. Я пошел в деканат и выяснил, что Формозову иметь аспирантов даже не мешало бы. И, хотя предложенная Наумовым тема мне была интересна, быть

его аспирантом мне не хотелось, и на то была причина. Не хочется, но придётся рассказать.

В одной комнате с Тamarой жила Нина Осадчая. По болезни, она на год отстала от нашего курса. Я частенько заходил в их комнату, что вполне понятно. Как-то я увидел там плачущую Нинку. С трудом удалось выяснить у неё, в чем дело. Оказалось, что Наумов, дипломницей которого была Нина, отказался быть её руководителем, добавив при этом, что её дипломная работа никуда не годится. Летом Наумов руководил группой студентов-практикантов её курса, никаких замечаний по её работе не было, даже в чём-то он ей помогал. А теперь вот такое... Пошел я на кафедру и рассказал эту историю Василию Александровичу Ракову, доценту кафедры и парторгу кафедральной партийной группы. Оказалось, что кафедра рекомендовала Нину на должность лаборанта, а у Наумова была своя кандидатура. Посоветовавшись с членами кафедры, В.А.Раков попросил Е.С.Птушенко взять на себя руководство этой дипломной работой. Евгений Семёнович дал очень хороший отзыв на Нинкину работу, и она её успешно защитила. Не знаю кем, она была рекомендована лаборантом на кафедру Биogeографии Географического факультета МГУ и, если не ошибаюсь, проработала там до самой пенсии. Пока были в Москве, мы с Томой не раз навещали Нину на её кафедре, на двадцатом этаже главного корпуса МГУ на Ленинских Горах.

Я отправился в Институт Географии АН СССР, где А.Н. Формозов заведовал отделом Биogeографии, и попросился к нему в аспиранты. Он предложил тему "Грызуны — вредители посевов кормовых трав, естественных пастбищ и сенокосов". Хотя и здесь грызуны, и без хищных птиц, я охотно согласился. Всё же у Формозова, а не у Наумова. Чтобы больше не упоминать Наумова, должен сказать, что он припомнил мне "моё поведение". Он был назначен одним из моих оппонентов и в самый последний момент, когда потребовались их подписи для публикации автореферата, отказался быть оппонентом, сославшись на занятость. Вместо него оппонентом стал Владимир Георгиевич Гептнер, профессор нашей кафедры, а вторым был профессор Анатолий Георгиевич Воронов, заведующий кафедрой Биogeографии, куда устроилась Нина Осадчая.

С октября и до конца апреля я сидел в библиотеках и знакомился с литературой по грызунам. Из библиотек, в которых я работал — Ленинская, Биофака МГУ, ЦНСХБ (Центральная научная сельскохозяйственная), мне лучше работалось в последней. И заказ там быстро исполняли, и всегда было место, да и почти всё, что меня интересовало, я там находил. К тому же, посередине читального зала там стоял огромный фикус корнями в большой бочке, а его вершина достигла высокого потолка и свисала, согнувшись, почти на метр. На нём хорошо отдыхали глаза после долгого чтения.

А. Н. Формозов

Вот где пригодились мне советы А.Н.Формозова по отысканию и использованию литературы, которые он дал нам на кружке! Но литературы по грызунам оказалось так много, что приходилось как-то ограничивать себя в поисках нужных данных. Я уже знал, что буду работать в Западном Казахстане и в соседних областях и, по совету А.Н., ограничил свои "литературные раскопки" несколькими видами наиболее обычных на этой территории грызунов. Это были малый суслик, обыкновенная полёвка, слепыш и слепушонка. Но и по ним литературы было очень много. А.Н. посмотрел мой план диссертации, что-то посоветовал исключить, что-то добавить, в общем одобрил.

Я был зачислен в состав зоологического отряда "Комплексной экспедиции Института Географии АН СССР", центральная база которой была в пяти километрах от железнодорожной станции и маленького поселка Джаныбек, в Западном Казахстане, но на самой границе со Сталинградской областью. Выбрано было это место не случайно: здесь к основной зарплате платили 105% "полевых", за безводность, тогда как в соседней области их платили значительно меньше.

Автобаза Академии выделила нашему отряду автомобиль "полуторку" ГАЗ-АА, крейсерская скорость у которой была 40 километров в час. На её кузове была оборудована брезентовая будка, что приравнивало её к легковым автомобилям. С ними наравне на ней можно было ездить по всей Москве. И на этой машине нам с шофёром, Николаем Ивановичем Силкиным, предстояло отбыть в Джаныбек, где нас ждали еще два сотрудника отряда — Кира Семёновна Ходашова (начальник отряда) и её муж Лев Георгиевич Динесман, оба грызунытники и бывшие аспиранты Формозова. Кира работала в отделе у А.Н., а Лёва в каком-то институте. Забегая вперёд, скажу, что у нас сразу же установились дружеские отношения.

В это время мы с Томой, в ожидании появления нашего первенца, жили не в общежитии, а снимали комнату на улице Митьковской, недалеко от метро Сокольники. 1-го марта, (хорошо, не 29-го февраля, год был високосный) рано утречком появилась на свет наша Зоя. На помощь Матушке Томе приехала её мама – теперь у же бабушка Саня.

На Митьковской

В Туле

Тома гуляет Зою

А мы с Николаем, заехавшим за мной на Митьковскую улицу, 11 мая отправились в дальний путь, а в Джаныбеке были 14-го, преодолев расстояние около 1300 километров. Ехали не без приключений. В первый день, проехав Рязань, остановились на ночёвку на опушке какого-то перелеска. Николай поставил машину задом к деревьям и мы поужинали. И тут обнаружили, что машина как-то не так стоит. Оказалось, что задние колёса почти по ось ушли в землю. Часа два пытались сдвинуть машину с места. Срубили берёзку, подкладывали её обрубки под колёса — всё без толку. Где-то недалеко слышался звук тракторного двигателя, кто-то пахал и ночью. Николаю удалось договориться с трактористом, и он вытащил машину на твёрдый грунт. Но при этом развязавшимся тросом пробило одну из трубок радиатора. Обнаружилось это через несколько километров пути — стал перегреваться двигатель. Нам не захотелось ночевать на злополучном месте, и спать не хотелось, решили ехать ночью. На ощупь Николай нашел место повреждения, замазал его глиной из придорожного кювета и из оказавшегося поблизости ручейка долил воды в радиатор. Еще немного проехав, мы остановились на обочине и немного поспали.

Еще одно происшествие случилось уже на левом берегу Волги, когда миновали Красный Кут. Асфальта уже не было, ехали по просёлочной дороге, накатанной вдоль телеграфных столбов. В темноте не заметили знака объезда и заехали в солонец. А он очень скользкий. Заночевали, забравшись в кузове в спальные мешки. Не копать же в грязи в темноте!

Утром недалеко я обнаружил два каких-то столбика, выкопал (или вырубил?) их, расколол и мы подсунули эти "дрова" под колёса машины.

Сдвинулись на полметра — и снова забуксовали. У нас был большой брезент, и кто-то из нас предложил его подложить под колёса. Выбрались!

В Джаныбек приехали 14-го около трёх часов дня. Разгрузились, поставили палатку — и день прошел. Успел, всё же, сходить в степь к югу от лагеря. Здесь уже много цветущих тюльпанов, а в сотне километрах к северу, где мы сегодня проезжали, они только-только появляются. Много жаворонков, со всех сторон раздаются их трели. Их здесь три вида: степной (журбай), черный и малый. Почему-то не

видел ни одного белокрылого, хотя и этот жаворонок здесь обычен. Сусликов мало. На маршруте, протяжнием около двух километров, обнаружил всего 5 жилых нор.

База экспедиции располагается в большом одноэтажном доме, где оборудованы лаборатории и есть несколько жилых комнат, но большая часть членов экспедиции живёт в палатках. Десятка полтора палаток поставлены по двум сторонам большой прямоугольной площадки, образуя угол, в вершине которого — большой навес над столами — столовая. А где была кухня — я так и не усвоил.

Следующий день прошел в хозяйственных делах. Получали бензин, собирали продукты, посуду. Николай "легулировал" двигатель. Собирались обследовать междуречье рек Хара и Ланцуг на предмет возможности там моих стационарных работ на сенокосных угодьях одного из колхозов.

Днём 16 мая с Кирой и Лёвой выехали на озеро Эльтон в междуречье впадающих в него двух этих речек. Обе речки солёные, в нижнем течении шириной 10-15 метров, с довольно глубокими долинами. Обе впадают в озеро с севера и последние 8 - 10 километров текут почти параллельно. Наименьшее между ними расстояние, всего 2 км — в пяти километрах от берега озера. Долины их почти безлесны. Только в долине Хары, недалеко от берега реки, растёт небольшая одинокая дикая яблонька, где пара сорок устроила гнездо. Совсем недалеко от этого места мы стали лагерем.

К вечеру стали наползать тучи, и прошел довольно сильный дождь, однако палатку успели поставить до дождя. Несколько дней мы провели здесь, обследовали участок междуречья, где мне предстояло работать, провели учет нор сусликов, которых здесь оказалось вполне достаточно для моих "исследований". Однажды съездили на озеро Эльтон. Впадающие в него речки намыли здесь, по-видимому, во время весеннего половодья, обширные косы. И сколько же на них держится птиц! На отмелях и у самого уреза воды плавают пеганки, кряквы, чирки и другие утки, много разных куликов. Здесь я впервые увидел шилоклювку, разукрашенных самцов турухтанов. Токовым полётом летают несколько чибисов. Похоже, что гнездятся здесь. А вот прилетела стайка поручейников. Забегали вдоль самого уреза воды, что-то всё время склевывая.

Здесь нам удалось запастись дровами — нашли на берегу несколько хорошо высохших брёвен. Видимо, во время весеннего половодья на речках были разрушены мосты, и бревна вынесло в озеро, а потом ветром прибило к берегу. Понизился уровень воды, и они оказались на суше и успели высохнуть. А нам они потом оченьгодились для растопки, а топили мы и здесь, и в других поездках, кизяком, то есть высохшим навозом коров, лошадей, верблюдов. Много его здесь.

Идёт весенний пролёт птичьей мелочи. В неглубокой балочке протяженностью всего в километр, что подходит справа к долине Ланцуга, много птиц. Видел здесь мухоловок, серую и пеструшку, славок, пеночек. Сюда их привлекли заросли тёрна, миндаля, спиреи, бересклета, среди которых несколько диких яблонь. Одна из них — настоящее дерево: высотой метров пять, густая и раскидистая. Конечно, здесь построили гнездо сороки, и в нём уже пять только-что появившихся на свет птенцов. А мы и не знали что здесь такой "оазис", наш лагерь километрах в трёх к югу. Вдоль долины Хары, на север, пролетели три иволги, потом кукушка. В боковом овражке я вспугнул филина. Этот- то не пролетный? Знаю, что филин — птица оседлая.

На водоразделе между Харой и Ланцугом на площади около 15-ти квадратных километров (3х5), я обнаружил четыре гнезда степных орлов, два гнезда стрепета и одно — степного луны. И неоднократно попадался мне на глаза, здесь же, канюк-курганник. Густое население!

А вот кусочек из дневника: "25 мая, воскресенье. Утро тихое, прохладное, обильная роса. В 5.00 вылезло из-за горизонта громадное желтое солнце. Жаворонки уже поют во-всю. По-соседству, где-то на речке, "надрывается" дроздовидная камышевка. На водоразделе, километрах в трёх один от другого, греются на солнышке два стрепета. Около восьми часов роса уже высохла, суслики выходят пасться. Нашел гнездо белокрылого жаворонка. Самка взлетела прямо из-под ног и "поползла от меня на четвереньках" — отводила. Гнездо в глубокой ямке, едва прикрытой кустиком прутняка и еще меньше ромашником. В гнезде 5 светлооливковых яиц с бурыми пятнышками, густота которых увеличивается к тупому концу".

В этот же день недалеко от лагеря я обнаружил нору степного хоря, с выбросами свежего грунта и чёткими на нём следами. Готовится к появлению потомства?

26-го мая мы вернулись в Джаныбек, а 28-го отправились в дальнюю поездку — на речку Горькую (Аще-Узек) и прилегающие к ней угодья. Это, примерно, сто километров в один конец. В этой поездке к нам присоединилась подруга Киры, аспирантка А.Н.Формозова, Ира Зильберминц. По пути частенько останавливались и проводили учеты численности сусликов на участках с разным типом растительности. Степь очень пёстрая, всё время сменяются полынные и злаковые участки, да пестроту усиливают, местами многочисленные, нарытые сусликами, желтые холмики лёсса. Многие из них окаймлены по краям кустиками черной полыни, образующей темно-зеленое кольцо.

Н.И.Силкин готовит обед

Затаившийся журавленок

"Нападение – лучшая защита!"

На НП

Между Харой и Ланцугом

"Каскыр бар?" – спрашивает Кира. Рядом Лева и Николай

Пеганка, на обед

След волка

След сайгака на высохшем иле

Чаку освободили из капкана, поставленного на сусликов

Гнездо степного орла

Птенцы степного луны

Птенцы степного орла

Не буду говорить обо всех наших остановках. Нет смысла называть небольшие посёлки, которые мы проезжали, они могут быть только на картах крупного масштаба. Расскажу о том, что, мне кажется, будет интересным тому, кто прочтёт. А мне всё интересно, я и сейчас очень ясно себе представляю и наши учёты численности сусликов с подсчетом пар шагов, умноженных на четыре, и вечера у костра, и запах дыма, которого было много. Приходилось бросать в костер пучки зелёной травы, чтобы хоть немного отдохнуть от комаров, допекавших нас даже в степи, вдали от водоёмов. Я каждый раз отмечал в дневнике попадавшихся в поле зрения птиц, сайгаков, часто встречавшиеся гнёзда степных орлов. У них начался сезон размножения, и почти в каждом гнезде оказывалось одно или два яйца. Как-то, проводя очередной учёт, мы наткнулись на двух сайгачих с сайгачатами, совсем маленькими. Матери бросились бежать, но не вдалеке остановились, а с трудом вставшие на ноги сайгачата снова легли. Мы прервали учёт и вернулись к машине, а матери вернулись к сайгачатам.

Однажды, неизвестно по чьей вине, мы остались без ужина. Варили макароны. В лагере были все, кроме меня, я куда-то уходил, может быть, на охоту. Как раз к моему возвращению макароны были готовы, но есть их было нельзя — настолько они были пересолены. И удивительно то, что никто их не солил! Вне подозрения могли быть только я и Николай. Думаю, что понемножку посолили все, исключая шофёра, Николая Ивановича. Он в поездках наших сам вызвался быть поваром и готовил вполне прилично, тем более, что постоянно в нашем меню присутствовали утки, а иногда и стрепет. Охотников было двое, у Лёвы тоже было ружьё. Но в этот раз Николай копался в моторе и к костру не подходил. Из-за позднего времени ужин заменили чаем с какими-то сухариками, привезёнными Ирой из Москвы.

Поздно вечером 28-го остановились возле посёлка Куйген-Куль и одноимённого озера. Утром выяснилось, что посёлок брошен, вокруг много падали. Из-за суровой и многоснежной зимы был большой падёж скота — овец, коров и лошадей. Озеро мелкое, по краям заросло пыреем и мятликом, в центре рогаз. Можно пройти от берега сто метров, не замочив колен. В воде мириады каких-то мелких ракообразных, а потому много уток: кряквы, чирки, шилохвость,

серые. Все они кормятся здесь этими рачками. Переехали к Горькой речке. У сора на её разливе убил пеганку на обед. Там же мы видели четырёх журавлей красавок.

Речка сильно меандрирует, т.е. образует много извилин. И очень много уток. Как и на Куйген-Куле, в воде, после паводков слегка солоноватой, кишмя кишат мелкие рачки. Купался и вышел на берег весь облепленный бокоплавами и какими-то другими рачками. Уткам тут
раздолье!

Так, переезжая с места на место и проводя учеты сусликов, к вечеру 31-го мая остановились на ночлег у озера Сор-Куль. Озеро большое по площади, но мелкое. На юго-восточной его стороне, где мы и остановились, возвышается остров высокого и густого тростника. Видимо, здесь есть родники: островок этот, диаметром до 150 метров, окружен кольцом воды: то довольно широкий проток, то совсем узенький.

На мокром солонце между этим островком и берегом озера очень хорошо отпечатаны следы и птиц, и зверей. На илистом грунте глубоко пропечатались следы кабана, волков, лисицы, барсука. Едва различимы отпечатки лап каких-то уток. Даже тушканчик оставил здесь следы своих длинных задних "прыгательных" ног.

А комаров здесь — тучи! Днём, при дымовом костре, мы пили чай "вприпрыжку", чтобы таким образом избежать их укусов. Такого количества этого гнуса мне видеть ни разу не приходилось, ни раньше, ни позже. Комары заставили нас покинуть это место.

Не буду описывать все наши поездки. Дважды меня с двумя бидонами пресной воды и запасом продуктов на две и три недели оставляли на моём "стационаре", где я занимался своими сусликами и контрольными площадками, огороженными провололочной сеткой. Но и своих соседей, орлов и других, я не оставлял без внимания. У орлов уже были птенцы. Своим неизменным "Фотокором" сделал несколько снимков. Удалось подсмотреть, как орёл охотится на сусликов. Видно, при охоте "с воздуха" орёл не всегда успевает схватить зверька, и тот исчезает в норе. В таком случае орёл ложится в траве, распластавшись в двух-трёх шагах от норы, и ждёт выхода суслика. Отпустив его на несколько метров от норы, вскакивает и хватает своей мощной, когтистой лапой. Вскоре я убедился, что так же охотится на сусликов и филин. Его "уханье" я слышал неоднократно и в вечерние сумерки,

и на рассвете. Видно, и у него где-то здесь недалеко гнездо. Этой ночной птице приходится охотиться днём. Мышей и полёвок, после неблагоприятной зимы, практически нет, тушканчики очень малочисленны, нужда заставила ловить сусликов. В одной из экскурсий по водоразделу между речками я чуть не "наткнулся" на охотящегося филина. Вдруг, в нескольких шагах от меня, из травы "возникла" фигура этой большой птицы. Филин сразу же взлетел, и я полюбовался, как легко несут его крылья над самой землей. Через несколько секунд он скрылся в долине Хары. А лежал он почти рядом со свежей норой суслика, явно, караулил. Второй раз мы спугнули охотящегося филина в одной из наших поездок. Птица вдруг взлетела в нескольких шагах от нас, когда мы проводили учет. И этот филин караулил суслика возле жилой норы, в чем мы и убедились.

В долине Хары, примерно в километре от моей палатки, было гнездо степного луня. Не раз я видел, как летящая к гнезду эта красивая птица бросает суслика, а взлетевшая ей навстречу вторая схватывает его в воздухе и возвращается к гнезду. Как это ловко у них получается!

В последней своей поездке мы обследовали Чижинские разливы — обширные понижения, где разливаются весной и вскоре исчезают две маленьких речки, 1-я Чижа и 2-я Чижа. Было начало июля, речек мы не увидели, но таких необъятных по площади сенокосных угодий мне видеть не приходилось. Из соседних областей сюда на сенозаготовки приезжает много колхозных бригад. Из разговоров с косарями мы узнали, что очень большая площадь остаётся нескошенной. Грызунов здесь почти не было. Лишь на гривках -- повышениях между морем злаков, попадались небольшие поселения сусликов. По краям этих гривок встречается много брошенных поселений каких-то полёвок. Мы предположили, что небывало мощный паводок после многоснежной зимы был причиной гибели этих грызунов.

А сколько здесь было птиц! Не буду их перечислять, кто захочет — пусть посмотрит мой дневник. Разве что, следует упомянуть, что несколько раз видели здесь дроф, да однажды встретились с семьёй серых журавлей.

Где-то на маршруте между Сергей-Аулом и Жумала я увидел выводок журавлей, два взрослых и два молодых, которые были раза в два меньше родителей. Я попросил остановить машину и с

фотоаппаратом побежал к залёгшим журавлям. Взрослые кругами летали невдалеке. Редкая растительность нисколько не скрывала журавлят. Пока я фотографировал, подошли мои спутники, и тут один из журавлят встал и пытался бежать, но мы успели его окружить. Поняв, что убежать не удастся, он сам бросился в атаку, размахивая крыльями и пытаясь кого-нибудь из нас клюнуть. Очень агрессивная птица! Сделал еще пару снимков, запечатлевших храбрость этого журавлёнка. А второй, видно, решил, что лежать спокойнее. Мы уехали, а старые журавли вернулись к малышам.

Последние 40-45 километров до базы у Джаныбека ехали при свете фар и от скуки считали попавших в полосу света тушканчиков. Оказалось, что их здесь не так уж и мало — насчитали 52 зверька. Перед самым Джаныбеком в полосе света мелькнула какая-то птица с тушканчиком в лапах. Судя по размерам, это могла быть или болотная, или ушастая сова.

До 10 июля я заканчивал свои дела между Харой и Ланцугом, а в начале второй декады этого месяца все мы уехали в Москву. Машину, вместе с водителем, передали отряду географов этой же экспедиции во временное пользование, до сентября, когда я вместе с А.Н.Формозовым должен буду отправиться в очередную поездку в Волжско-Уральское междуречье.

Александр Николаевич еще в прошлые годы собирал материалы о значении волка на этой территории, как вредителя животноводства, о его численности, размножении, питании в летний сезон, о влиянии на численность сайгаков. На какую-то неделю сентября был заказан самолёт, чтобы провести учёты волков и сайгаков. К величайшему моему и, конечно, его сожалению, поездка А.Н. не состоялась. Выкорчевывая на даче какое-то дерево, он оступился и сломал ногу. Заказ на самолёт был отозван, а в составе экспедиции оказалось всего два человека — я и всё тот же шофёр Н.И. Силкин.

5 сентября я приехал из Москвы на станцию Кайсацкая, в семи километрах от которой стоял отряд географов. У них мне предстояло взять полуторку вместе с шофёром. Пришлось на несколько дней здесь задержаться в ожидании денежного перевода для нашей с Николаем "экспедиции". Лагерь географов расположился на краю лимана, который почти высох и был наполовину выкошен, возле

старой одинокой ивы. Дерево привлекает много птиц. Идёт пролёт, и эта ива служит многим птицам пристанищем для отдыха. 5-го и 6-го сентября здесь держались несколько серых мухоловок, молодой жулан, присаживались сизоворонка, две пустельги, угод. Недалеко от лагеря на вдающейся в лиман гривке было большое и очень плотное поселение сусликов. Они уже залегли в спячку, но значительное количество нор было раскопано степным хором, следы которого попадались на свежих выбросах грунта у раскопанных нор.

Только 9-го сентября удалось получить деньги в Джаныбекском банке, а 10-го, как и летом, мы съездили на озеро Эльтон за дровами. Кизяк хорошо, но на растопку лучше дрова. Как и летом, на берегу озера, на воде и в воздухе много птиц. Чайки, крачки, утки, кулики...Пролет идёт!

Не буду писать обо всех наших поездках и маршрутах. Мне надо было побывать в поселке Котельный на берегу р. Урал у знакомого А.Н.Формозову охотника-волчатника Сосипатра Анисимовича Старцева, передать посылку — гильзы и боеприпасы для охотничьего ружья, а также возможно подробнее расспросить о волках. По пути нам предстояло заехать в Чапаево на нефтебазу. В населённых пунктах, где были конторы "Заготживсырьё", я получал сведения о заготовках волчьих шкур, узнавал о нападении волков на домашний скот. Расспрашивал и о сусликах. Оказалось, что в спячку они залегли далеко не везде. Конечно я не оставлял без внимания попадавшихся на глаза птиц, записи в дневнике есть о дрофах, стрепетах, самых разных утках, куликах, не говоря уже о хищных птицах. А какие стаи гусей, журавлей попадались нам на глаза! А сколько летело всякой птичьей "мелочи"! Осенний пролёт!

14 сентября, не доезжая Фурманово около 10-ти километров, свернули к озеру Рыбный Сакрыл (что такое "Сакрыл", узнать не удалось, может быть, "мешок"?). Озеро длиной километров шесть, шириной до четырёх, по берегам заросло тростником. Небольшие купы тростника разбросаны по всей его площади, что говорит о небольшой глубине озера.

Как много уток! То и дело взлетают одни, а на посадку идут другие стаи. Здесь и кряквы, и чирки, и свиязь, и широконоски, всех и не перечислишь! А сколько в воздухе чаек, крачек, куликов! То и дело пролетают серые цапли, несколько цапель ходят по берегу. На берегу

небольшого, впадающего в озеро, протока сидел сапсан и чем-то "обедал". Спугнули. Улетел с добычей в лапах. Похоже, какой-то небольшой куличок, свисали длинные лапки. И пролетают, и садятся на озеро большие стаи гусей.

15-го утром к нам подошел проводник ленинградских гидрологов, стоявших, тоже на берегу озера, в полутора-двух километрах от нас. У их автомобиля, такой же полуторки, сел аккумулятор и он попросил Николая подъехать и помочь им завести машину. Вернулся Николай с проводником и полным ведром крупных карасей, очищенных, без голов и хвостов. Действительно, это озеро можно назвать "Рыбный мешок". Вчера вечером, пока они ставили сеть, в неё попались 8 крупных карасей, а сегодня утром сеть с трудом отыскали — она была сбита в клубок, так много было рыбы.

19 сентября мы добрались до Чапаево, где запаслись бензином и я в конторе "Заготживсырьё" получил сведения о заготовке волчьих шкур и узнал, что уже были случаи нападения волков на домашний скот. Только часам к шести вечера выехали из Чапаево, в направлении к посёлку Котельный, на юг, вниз по течению р. Урал. Проехав 85 км, остановились на ночлег на берегу Урала, километрах в пяти южнее посёлка Калёный. На этом маршруте я насчитал, сидящих на телеграфных столбах, 11 балобанов, десятка три пустельг, 8 степных орлов. Суслики здесь не залегали в спячку дольше обычного, чему благоприятствовало очень влажное лето и обилие, по этой причине, корма. Мы и сами несколько раз видели этих зверьков, перебежавших дорогу.

Недалеко от поляны, где мы расположились,— две большие старицы. На воде сидят кряквы, чирки, лысухи. По берегу прохаживаются три серых цапли. На иле, недалеко от берега, обнаружил свежие следы кабана и волка. На старых тополях и ивах ночуют большие стаи грачей и галок. Они долго шумели, о чем-то переговаривались до самых сумерек. В глубокие сумерки, где-то заухал филин. В десятом часу вечера, только мы улеглись в палатке, совсем неподалёку от нас завыл волк. Провыл три раза, с перерывами в 5-7 минут. Ну, и мощная же глотка! Мне бы хотелось слышать этот вой ещё и ещё, для меня он звучал как музыка, а Николай сказал, что ему стало жутко. Я успокоил его, сказав, что нормальные волки на людей не нападают.

Утром я убедился, что и здесь суслики еще не спят. В их поселении много свежих выбросов из нор. свежие следы, помёт. Еще готовят норы к зимней спячке. По опушке рощи растёт много солодки, где оказалось несколько больших поселений слепушонки, одного из объектов моих "исследований".

Хороша Урал-река! Наш берег крутой, обрывистый, противоположный — отлогий, там большая песчаная коса. И очень сильное здесь течение, бросал в воду палочки. Долина вся в зелени. Пойма местами очень широка — до семи километров.

Попробовал порыбачить со спиннингом (катушку сделал Игорь Морозов) и вытащил судака весом около килограмма. И забрасывал то всего раз десять. Потом еще была сильная поклёвка, почти сразу же, как упала в воду блесна, но рыба сорвалась. Жерех? В нише обрывистого берега, скрытой нависшими корнями деревьев, сидел филин. Я спугнул его, проходя по берегу со спиннингом. Собрал там полтора десятка погадок, одна из которых была совсем свежей, мокрой, из перьев какой-то птицы.

К вечеру 21-го сентября приехали в Котельный и остановились у очень гостеприимной семьи Старцевых. Я вручил Сосипатру Анисимовичу письмо и посылку от Александра Николаевича, а он обещал мне показать волчье логово и рассказать о своих находках волчьих выводков и всё, что ему известно, о находках других охотников. В дневнике всё записано, а здесь едва ли стоит это пересказывать. Тем более, что в Бюллетене МОИП по этим материалам опубликована наша общая с А.Н. статья.

Несколько дней прожили мы у Старцевых. Ездили с С.А. в степь, где нашли несколько волчьих черепов, побывали у волчьего логова в излучине Урала, съездили за дровами для Старцевых и 27-го отправились в обратный путь. На ночёвку остановились на той же поляне на берегу Урала, где я впервые услышал волчий вой.

Запись в дневнике: "28.IX. Утром разбудил клекот орлов. Это над рекой взрослый орлан-белохвост гнал молодого, вниз по реке, затем вернулся и скрылся за деревьями, а вслед ему над рекой пролетела скопа.

После завтрака пошел фотографировать волчьи следы. На старице, в полукилометре от стоянки, убил крякву, на пропитание. Внимание моё привлекли три крупных орла, один за другим спустившихся за

деревья в 300-400-х метрах от меня. Пошел туда и обнаружил почти пересохшую старицу, где вода осталась на площади около 70 квадратных метров при глубине 10-15 сантиметров. И полно рыбы — "кипит" вода. Судак, до 20 см, сомята 30-35 см, совсем мелкие лещик и сазан. Ну, и стоит "пир горой!" Десятки ворон и сорок то и дело хватают и уносят рыбку, орланы налетают и с разлёту лапами схватывают судачков и с ними взмывают вверх. Иногда же садятся прямо в жидкий ил, высматривают рыбёшку и, схватив лапой, уносят. Всего три орлана здесь держатся, один взрослый, белохвостый, и два молодых. И черный коршун лакомится здесь рыбой.

Много волчьих следов, они пересекают илистое дно в разных направлениях, много их и у самой воды. Тоже любители рыбки, волки то! Встречаются здесь следы лисицы и барсука. Мы с Николаем пришли сюда с ведром и тоже набрали рыбки. Сначала я брал судачков, что покрупнее, а, обнаружив ямку с более крупными сомятами, судачков выпустил и набрал сомят. Их и чистить не надо!

Вечером решил пойти на эту старицу, покараулить волков "на приваде". Вышел из лагеря после 18 часов, к заходу солнца был на месте. Осторожно выглянул из-за кустов в дальнем (сухом) конце старицы, метрах в ста от участка с остатками воды. Оказалось, что вместе с воронами, цаплями и утками рыбной ловлей занимается волк. Небольшой, по-видимому, молодой. Он, правда, не ловил, а ходил у края воды. В одном месте что-то копал лапой. Я попытался потихоньку подойти, за кустами, окружающими старицу, под шум ветра и крики грачей и галок, слетевшихся на ночлег. Однако, когда я пробрался сквозь кусты и смог видеть лужу, волка там уже не было. Остались только вороны, цапли и пара крякв. Прождал там дотемна, в ожидании появления волка, но напрасно. А плеск стоит на луже непрерывный. Больше всех шумят утки, гоняясь за мелкой рыбёшкой. Цапли же бьют клювом, как копьём, наверняка и проглатывают рыбу или бросают (велика?). Утки, на моих глазах, заглатывали колючих судачков длиной 10-12 сантиметров. Еще засветло я подходил к тому месту, где что-то копал волк. Под кучкой полувысохшего ила там оказался сомёнок длиной 25-30 сантиметров. Видно, волк его зарыл "про запас".

29-IX. С утра на берегу старицы строил шалаш, фотографировал птиц-рыболовов. Орланов заснять не удалось, хотя они там всё время

"рыбачили". С 4-х часов дня сидел над старицей на старой иве, как на помосте, в ожидании появления волка. Ствол ивы толстый, но невысокий. Местное население ежегодно обрубает молодые ветви, так что ива растёт только в толщину. Птицы всё время пиروвали, а волк не пришел. Цапли и утки прилетели на заходе солнца. Цапли, серые, их было 4, с полчаса сидели на вершинах тополей, прежде чем спуститься к воде. Совсем в сумерки налетел орлан, схватил рыбёшку и снова исчез, а всю стаю пировавших, как ветром сдуло. Минут через десять стали снова слетаться. Одна серая ворона сидела по брюхо в воде, совсем дотемна. Убил, перед уходом, крикву, на пропитание. Стрелял, почти в темноте, по силуэту на отражающей еще светлое небо воде".

На следующий день, через Чапаево, Фурманово, Казталовку отправились в обратный путь. В Чапаево встретился с зоологом-противочумником, получил интересные для меня сведения и о волках, и о сусликах. От Фурманова снова заезжали к озеру Рыбный Сакрыл и там ночевали. На рассвете с озера поднялись три большие стаи гусей, не меньше сотни птиц каждая. А стаи уток и взлетают и садятся одна за другой! Такое их множество я видел только в Ленинграде на Угольной Гавани.

Между Фурманово и Казталовкой неоднократно встречались стрепеты, дрофы. Белокрылые жаворонки летят стаями, а малые — поодиночке или парами.

4 октября в середине дня подъехали к озеру Сор-Куль. Чтобы попасть к тростниковому островку с родниками, пришлось объехать озеро с северной стороны. При этом спугнули пару, а потом еще трёх дроф. Воды в озере сильно поубавилось, между водой и бывшим берегом образовалась широкая полоса подсыхающего ила. Тростник на островке всё еще зелёный и родники сохранились, но кольцо воды вокруг заметно меньше, кое-где остались узенькие ручейки. Но вода течет, и не очень солёная. Можно варить пищу и не солить. Что мы и делали, в целях экономии воды в наших бидонах.

На иле вокруг островка и у озера много следов. Особенно много следов волков, притом совсем свежих. Есть и сайгачьи, но давние, подсохшие. И кабан здесь ходил, и барсук, и лисица. На широкой полосе ила, ближе к воде, я обнаружил следы журавлей и авдотки.

Утром 5-го обследовал тростники в поисках волчьего помёта — просил собирать А.Н. К востоку от островка обнаружил, совсем свежие, следы восьми сайгаков. Пробежали или поздно вечером или рано утром, вчера этих следов не было.

А вот запись из дневника: "Бежит по сору хорёк, а навстречу ему — тушканчик. Хорь прилёт. Тушканчик почти наткнулся на него, но вовремя затормозил. Хорь говорит:—" Я тебя съем!" — "Попробуй, поймай сначала" — отвечает тушканчик. Хорь прыгнул, а тушканчик круть своим длинным хвостом, и в сторону. Хорь снова прыгнул, тушканчик снова увильнул и огромными прыжками на своих длинных задних ногах усекал от хорька. Хорошо отпечатываются следы на дне сора!"

К вечеру переехали на северо-восточную сторону озера. Там, у небольшого залива, удобный подход к воде, а Николай собирается навести порядок в машине и помыть её.

Перед заходом солнца со стороны Горькой речки повалили, стая за стаей, утки. Кажется, летели все, мне известные виды. Лёт их продолжался и после захода солнца. Всё время слышался свист крыльев, так низко они летели. Уже совсем стемнело, когда над нашими головами стали раздаваться крики журавлей. Стая за стаей, очень низко, летели на ночёвку на озеро, всё время переключаясь.

"6 октября. Уже совсем рассвело, когда журавли "протрубили зорю" и полетели с озера в степь. С ними же улетела и большая стая гусей. В половине десятого, когда мы мыли машину, метрах в трёхстах от нас (стояли на самом берегу) из зарослей лебеды вышли три волка и гуськом направились в нашу сторону. Пробежав трусцой метров сто, остановились и, немного постояв, повернули в степь. Немного пробежав, снова остановились, смотрели в нашу сторону и, видимо, принюхивались. Я, было, пополз с ружьём, да, где там! Припустили рысью и скрылись за зарослями высокой лебеды на берегу залива. По следам я установил, что волки вброд перешли этот узкий и совсем мелкий залив, и чуть было не наткнулись на нас. По лебеде перелетают пеночки, славки, зяблики. Пролёт продолжается!

Через два или три дня (в дневнике об этом записи нет) мы были в Джаныбеке, откуда я отправился поездом в Москву, а Николай своим ходом, то есть на старушке-полуторке — вслед за мной. Мы с ним еще раз увиделись. Приехав в Москву, он сразу же заехал на

Митьковскую и вручил нам с Томой большущий арбуз, вёз его от Саратова.

С середины апреля до 6-го июля 1953 года я продолжал работать в Комплексной экспедиции Биофака МГУ. Центральная база была всё там же, в Сталинграде, а несколько её отрядов работали на разных участках трассы будущих лесополос. Часть нашего отряда базировалась на территории Опытной станции по животноводству, где мы занимались сусликами и слепушонкой. Несколько дней я провёл на территории Тингутинского лесхоза, где работал один из наших отрядов, и собрал здесь сведения по слепышу, несколько поселений которого обнаружил в неглубокой балке. В этом отряде работал Юра Виктор, который, несколькими днями позже, посетил наш отряд. Не буду писать о нашей работе. Едва ли кому-нибудь, кроме зоологов, это будет интересно. Немножко об этих местах есть в моём рассказе "Сплюшка".

Отпуск мы с Томой провели в Полтаве и Туле, а к концу августа были в Москве, оставив Зою в Полтаве на попечение бабушек, дедушек и тётушек, чтобы им не было скучно. В конце сентября нам предстояло снова присоединиться к Комплексной экспедиции института Географии. Снова нам была выделена машина. Начальником отряда был назначен я, а в состав его вошли шофёр Миша, аспирант Биофака Т.П.Голова и, в должности препаратора, студент Географического факультета МГУ Лёня. За несколько дней до отъезда у нас с Александром Николаевичем почему-то возник разговор о так называемом "Деле врачей", и я рассказал, что у моего друга, бывшего однокурсника, арестовали отца — врача, и он не может нигде найти работу — не берут! "Бери его лаборантом в экспедицию", — ни минуты не раздумывая сказал А.Н. Так Сева Бродский стал пятым членом нашего отряда.

В последних числах сентября, на такой же, как и в прошлом году, полуторке, отправился наш небольшой отряд по маршруту Москва — Джаныбек. Ехали почти без приключений, если не считать того, что где-то перед Пензой сломалась полуось. У Миши была запасная и, пока он занимался ремонтом, мы приготовили обед, и запили его молочком, купленным в деревне, на околице которой произошла "авария".

И чуть не произошла авария в Саратове, на довольно крутом спуске к парому, на котором предстояло переправиться через Волгу. Тормозить пришлось двигателем, так как тормоза работали совсем плохо. Чуть было не "въехали" в стоявшую в очереди на паром такую же полуторку. Остановились в одном метре от неё. Переправлялись совсем поздно. Отъехав с десятков километров от городка Энгельс, что на противоположном берегу Волги, заночевали. Дальше по пути степь была ровная, без подъёмов и спусков, тормозить не приходилось, и 30-го сентября мы уже были на берегу озера Эльтон, на водоразделе хорошо знакомых мне рек Хары и Ланцуга. Конечно, в первую очередь запаслись дровами, загрузив несколько брёвен между кузовом и рамой машины, а Миша занялся очисткой замасленных тормозных колодок. Совсем забыл сказать, что в прошлом году я научился водить машину, спасибо Николаю Силкину. Думаю, что километров 500 я наездил. Миша нам тоже давал "покрутить баранку", но, поскольку у меня уже был "стаж", я это удовольствие уступал Севе.

Как и в прошлом году, мы проехали маршрутом Джаныбек — Горькая, Сор-Куль — долина Урала — Котельный — Чапаево — Джаныбек. И снова распросные сведения о грызунах и волках, записи о массовом и широком фронтом пролёте и воробыиной "мелочи", и хищников, и всяких водоплавающих, и куликов, и журавлей... Остановлюсь только на некоторых эпизодах нашего путешествия.

Конечно, как и в прошлом году, в нашем рационе присутствовали утки. Охотились и я, и Сева, у которого было одноствольное ружьё. Уток было не так много, как прошлым летом, но шел пролёт и на пропитание нам всегда удавалось что-то добыть. Однажды даже Тома (я уже давно стал звать её Матушкой) из Севиного ружья подстрелила малую поганку. Севе удалось убить лисицу, а я снял шкуру. Этот трофей Сева увёз в Москву.

Ночи уже были длинные, холодные, оставленная в палатке в полулитровой банке вода к утру замерзала до дна. Вечером мы сгребали жар костра в ведро, ставили его в палатке и, сняв верхнюю одежду, играли при свечке в карты и о чем-то говорили. А потом забирались в спальные мешки до самого рассвета.

4-го октября около 16-ти часов подъехали от р. Горькой к озеру Сор-Куль. Еще не успели остановиться, как из небольшой купы

тростника выбежал волк и скрылся в тростниках, что метрах в трёхстах от тростникового "острова", недалеко от которого мы остановились. Ночью где-то совсем близко были волки. Слышен был мощный голос одного старого и нескольких молодых — с повизгиванием и влзлаиванием. Утром я предложил Севе проверить, остались ли волки поблизости или ушли. Из охотничьей литературы я знал, что волки отвечают, если человек воспроизводит звуки, подобные волчьему вою. Попробовали. Я постарался изобразить голос старого волка, а Сева подвывал мне голосом молодого. И что вы думаете? Волки ответили! Они были от нас недалеко, голоса их были очень хорошо слышны. Но ответили нам только молодые.

До 9 октября стояли возле тростникового островка, собирали волчий помёт, подробно обследовали весь этот тростниковый остров. Здесь всё так же действуют родники солоноватой воды и вокруг кольцо воды, где шире, где уже, а на высохших и почти высохших солонцах очень много следов, свежих и старых. Старые следы кабана, сайгаков, барсука и лисицы, а больше всего волчьих следов, причем совсем свежих. Среди тростников "островка" много волчьих троп, а на восточной его стороне всё истоптано, есть площадки с совершенно вытоптанной волками травой. Безусловно, здесь долгое время держался волчий выводок. А на иле сора мы обнаружили совершенно свежие следы шести волков, прошедших цепью в полутора—двух метрах один от другого.

9 октября вернулись в Джаныбек за деньгами, которые пришли в банк Джаныбека только 15-го. В промежутке снова побывали на Эльтоне, где я обследовал знакомые поселения слепушонки и где мы еще запаслись дровами. Во второй половине дня 15-го выехали в направлении к долине Урала по маршруту р. Горькая—Казталовка—Фурмново—Калмыково—Котельный. 19-го к вечеру были в Котельном и остановились у Старцевых.

Снова расспрашивал Сосипатра Анисимовича о волках. Сам он в этом году выводков не находил, рассказал о находках знакомых охотников, о недавних нападениях волков на домашний скот. Пришлось задержаться здесь на несколько дней — прошли дожди, ждали, когда подсохнет дорога. Сосипатр Анисимович с братом и соседями в одной из стариц Урала неводом поймали изрядно рыбы, в том числе несколько крупных карпов. Угостили нас и жареной

рыбкой, и свежепосоленной карповой икрой, которой набралась целая большая миска. Мы же поделились со Старцевыми продуктами из наших московских запасов.

В Котельном нам пришлось расстаться с препаратором Лёней. Таких, как он, лодырей мне встречать не приходилось. А сколько он знал пословиц и поговорок на эту тему! "Ты, работушка, не бойся, мы тебя не тронем"; "Дураков работа любит"; "Где бы ни работать, кем бы ни работать, лишь бы не работать"; "Работа не волк, в лес не убежит" и еще десятка полтора подобных... На этой почве произошла стычка у них с Мишей. Во избежание повторения подобного, я выдал Лёне зарплату за проработанное им время и на автобусе он отправился в Уральск, а оттуда поездом в Москву.

К 24-му немного подсохло, похолодало и выпал снежок. Во второй половине дня выехали от Старцевых и еще засветло остановились на берегу Урала. Я хотел найти место, где мы в прошлом году стояли с Николаем. Оставив машину со спутниками на луговой дорожке на опушке рощи, пошел разведать, то ли это место. И только подошел к краю открывшейся поляны, как с другой стороны на поляне появился волк. Да какой крупный, просто красавец! Посмотрели друг на друга и разошлись. Я к машине, где осталось ружьё, а волк куда-то по своим делам. Думаю, услышав шум двигателя, он решил выяснить, кто это вторгся в его владения.

Нашел я место прошлогодней стоянки, где мы и расположились с машиной и палаткой. Простояли здесь два дня. Я обследовал многочисленные поселения слепушонки и поймал несколько зверьков. Луга здесь обширные, вейниково-солодковые с пыреем, костром, кермеком и щавелем. Слепушонки усердно грызли корни солодки и в своих кладовых делали запасы из кусочков её корней, что мне удалось установить путём раскопок нор этих зверьков.

Мы с Севой попробовали забрасывать спиннинг, но ничего не поймали. Зато удалось подстрелить двух больших крохалей, на пропитание.

В самом конце октября, поздно вечером, мы оказались на базе экспедиции за Джаныбеком, где нас очень радушно встретили, находившиеся там в это время, Кира и Лёва. На следующий день Тома и Сева отправились в Москву поездом, а мы с Мишей — на

"родной" полуторке, своим ходом. Ремонтировали в пути полуось, тягу сцепления. Вели машину по очереди, Миша имел возможность какое-то время отдохнуть. От Рязани "жали на всю катушку", с "бешеной" скоростью 60 км/час, чтобы успеть, до праздников, сдать имущество и машину. Успели! Приехали 5-го ноября в середине дня.

В очереди на паром

Ботаник

Ботаник за работой

Крохали

Охотник (он же шофер) Миша

В палатке

Утренний туалет

Где-то под Саратовом

С добычей

Охотница Тома

Подарок С.А.Старцева

Наш лагерь на одном из маршрутов

Утки летят

Бывали и "возлияния"

Еще один лагерь

Волчье оно

"Ремонт на ходу" – зуб скололся и колет

Сын С.А. – Шурик с их верблюжонком

Тома отдыхает

В.Я.Бродский на фоне лагеря

С.А.Старцев с супругой

Сева

А это – мы

Остаётся рассказать, что защита кандидатской диссертации состоялась, день в день, точно через три года после зачисления меня в аспирантуру, 1-го октября 1954 года. Через месяц я прошел по конкурсу в ЦНИДИ, что значит Центральный научно-исследовательский дезинфекционный институт (раньше был ГНИДИ — Государственный, но из-за неблагозвучия переделали в Центральный). Работал здесь в должности старшего научного сотрудника в отделе Дератизации, (что означает — борьба с грызунами). Проработал 9 месяцев, из которых пять — в командировке, в очаге лептоспироза, в Шаховском районе Московской области, который граничит со Смоленской и Тверской областями. Вот уж глушь и бездорожье! Работали мы в селе Середа, в 18-ти километрах от станции и районного центра Шаховская. Снимали там две комнаты в доме местных жителей, Кроме меня, в группе были Марина Яковлевна Лаврова, руководитель группы, (бывшая студентка Биофака и аспирантка А.Н.Формозова, а потом сотрудница какого-то медицинского института), её лаборант и три студента Биофака. Ловили грызунов и в жилых, и в служебных помещениях, и в окрестностях села, а в местной больнице располагалась наша лаборатория. Вскрывали, искали лептоспир. Находили. До моего отъезда поймано и вскрыто было более трёх тысяч мышей и полёвок. Как мне позже стало известно, сама Марина, несмотря на соблюдение всех мер предосторожности, лептоспирозом заразилась, но лечение прошло благополучно.

После защиты я должен был уйти из общежития, что я и сделал. Выписался из общежития и прописался у тёти Саши, вдовы маминого старшего брата, Семёна Семёновича Попова. Но жить я продолжал всё в том же общежитии, в новом здании университета на Ленинских Горах. У меня забыли отобрать пропуск в университет, а я как-то постеснялся сам от него отказаться. До самого отъезда в Полтаву мы с Томой жили в её комнатке, и тесно нам не было. В новых общежитиях, а их здесь было несколько, каждому студенту или аспиранту выделялась отдельная комната в блоке из двух таких комнат, с "удобствами" на двоих. В другой комнате блока жила аспирантка нашего факультета Лиля Маджирова, болгарка, с которой мы жили очень дружно.

Пока я был в командировке, умерла тётя Саша. Тома с соседями т. Саши её похоронили, а Томина телеграмма с сообщением о её смерти добралась ко мне только через несколько дней после её похорон.

Наш отъезд из Москвы был определён тремя причинами: 1) меня совершенно не привлекала работа в ЦНИДИ; 2) не было перспективы получить в Москве квартиру; 3) мои родители упорно звали нас в Полтаву, где была возможность получить и работу в одном из ВУЗов, и квартиру.

В начале августа я уволился из ЦНИДИ по собственному желанию, передав все мои материалы по грызунам и числящееся за мной имущество новому сотруднику нашего отдела. Заказали контейнер, погрузили в него своё "имущество": "Рудзак, два ящика и лыжи" — так было написано в пропуске, выданном комендантом общежития. В ящиках были книги и ничего, кроме книг. А сами налегке отправились в Полтаву. Я — в поисках работы, а Тома — в отпуск. У неё оставалось еще время до защиты диссертации.

С 1 сентября 1955 года я был зачислен ассистентом кафедры Зоогигиены с основами ветеринарии Полтавского сельскохозяйственного института. На этой кафедре читался курс зоологии. Сразу же, со студентами 5-го курса, отправился на уборку небывало обильного в том году урожая. Хорошо поработали, на прощанье студенты выступили в колхозном клубе с концертом художественной самодеятельности. Перед его началом председатель колхоза поблагодарил за помощь и хорошую работу, а на следующий день, день отъезда, организовал прощальный обед, с возлияниями. Конечно, из неизменного самогона.

В октябре этого года, защитив диссертацию, в Полтаву приехала Тома и была зачислена ассистентом кафедры Ботаники. В этом учебном году я вёл только лабораторные занятия по зоологии и по анатомии сельскохозяйственных животных. Лекции по зоологии читала, пришедшая в институт в одно время со мной, доцент Лукина, Антонина Петровна. Но с 1957 года был организован заочный факультет, учебная нагрузка сильно возросла и лекции по зоологии на Агрономическом факультете были поручены мне. В 1961 году мне, а в 1963 году Томе были присвоены звания доцента. С этого же времени и до 1973 года мы заведовали кафедрами, я — Зоологии и защиты

растений, Тома — Ботаники. Я преподавал зоологию, Тома ботанику. Позже, кроме зоологии, мне довелось читать лекции по дарвинизму и охране природы.

23 июня 1957 года у нас родилась вторая дочь, Юля, а в августе нас навестили наши друзья Бызовы, Юля и Алёша. Годом или двумя раньше они отдыхали в селе Михайловке, недалеко от Полтавы. С начала 60-х и до 1985 года, наши друзья-москвичи, однокурсники Бызовы, Зайдельманы-Куваевы (Феликсы), и не однокурсники, просто друзья, Вронские, чаще семьями, а кто и поодиночке, ежегодно приезжали к нам отдыхать, нагруженные продуктами, палатками, спальными принадлежностями.

В 1962 году мы, с нашими институтскими друзьями и заядлыми рыбаками, Клавой и Костей Райлло и Вадимом Кохно, стояли на правом берегу Псла, немного ниже Сухорабовки. Здесь мы ждали приезда Ляли Вронской с её детьми, Наташей и Никитой. 8 июля мы с Вадимом уехали в Полтаву, а 9-го я вернулся, уже с Лялькой и её ребятами.

На следующий день, скрепив две наши байдарки, как катамаран, и присоединив к ним сзади маленькую плоскодонку, как "багажник", погрузили на этот "флот" всё наше имущество. Выкупавшись и перекусив, и сами погрузились и отчалили. А было нас много: трое Вронских, трое Райлло (третий— их девятилетний сын Валерка), трое Головых (с нами десятилетняя Зоя). Получилось 9. Ну, прямо "Ноев ковчег"! А ещё десятым пассажиром был Костин пёс Дик, жерсткошерстая легавая собака. Крупный, лохматый пёс неопределённой масти. Красавцем не назовёшь, но морда симпатичная и "добрый внутри". Когда мы проплывали мимо купающихся деревенских мальчишек, Дик вставал передними лапами на борт лодки и принимался купальщиков облаивать. Его лай и лохматая морда почему-то каждый раз вызывали весёлый смех ребяташек. А когда проплывали мимо сидящих на берегу рыбаков, Лялька не забывала спросить: — "А чи короп бере?"

Плыли, с остановками на купание, на перекус и на ночлег, несколько дней. Конечным пунктом была определена небольшая песчаная коса возле деревни Федоренки, где мы уже не раз останавливались в прошлые годы. А плавать мы начали с 1956-го года. В какой-то день решили доплыть до места, и мы с Костей

усиленно гребли целый день. Всё равно, к цели подплывали уже поздно вечером при ярко светящей полной луне и хором пели украинскую песню "Місяць на небі, зіроньки сяють". Разгрузились, поставили палатки. Ребятня наша сразу же и уснула, а мы решили поужинать. И была у нас полулитровая бутылка водки. Ну, что это на пятерых!? Однако, когда уже выпили и закусили, я обнаружил, что на меня сверху смотрят две (!!!) луны, примерно на метр одна от другой. Мне еще показалось, что обе ехидно ухмыляются. Как я ни тёр глаза, наваждение это не проходило. Ни раньше, ни позже со мной такого не случалось, хотя выпивал иногда значительно больше.

Здесь несколько дней загорали, купались, рыбачили. Нам с Костей удалось поймать по одному карпу, а мелочи: плотвы, густеры, ельца и окуней хватало и на уху, и пожарить, да еще и вялили изрядно. Все обратили внимание на то, что Зойка наша "прилипла" к Никите, ходила за ним тенью. И только один он этого не замечал.

В последующие годы мы уже не плавали. Народу стало приезжать значительно больше, а лодок не прибавилось. И палаток в лагере насчитывалось уже не две-три, а пять-шесть-семь. Но никто никогда не скучал.

Бывали с нами на речке и Бызовы всей семьёй, и Яша Гуревич, и Наташа Баевская с сыном Димой, и Наташа Воронина с дочкой Катюшей, и Светлана Блинова, и Юля Куваева, дочь Куваева Володи. Приезжала как-то с Яшей Ира Бёме. А вот родители её, Рюрик и Эля, так ни разу и не появились. Да и познакомился я с ними уже по окончании учебы, когда мы жили в Полтаве, а в Москве бывали не так уж часто. Рюрик и Эля учились на Биофаке, Рюрик на моей кафедре, но на два курса младше. Поэтому не было у нас ни общих занятий, ни практики. С Борисом Вронским они учились на одном курсе, дружили. Рюрик бывал у Вронских, но и там нам не довелось встретиться. "Вплотную" познакомились мы только в один из моих приездов в Москву. Привёл меня к ним Яша. Сколько же у них было самых разных птиц, и наших, и "заморских", каких мне и видеть то не приходилось! И как они успевали обслужить всю эту ораву!? А было их около сотни. Жила у них клушица Глафира, которую невзлюбили живущие за стеной соседи: Глаша обладала очень громким, и, скажем так, очень неприятным голосом. А соседи были нервные. Зная, что я равнодушен к врановым птицам и у меня всегда живут и галки, и

грачи, и вороны, Эля и Рюрик попросили меня взять Глашку, что я и сделал с удовольствием. Позже я исполнил просьбу Эли и, с помощью внука Андрюши, достал им птенца сизоворонки. Эта птица живёт у Эли и по сей день. Позже Рюрик прислал мне совсем ручную молоденькую клушицу, а еще позже — двух великолепных альпийских галок. И к Рюрику, и к Эле я питаю чувство глубокого уважения. Рюрика уже нет, а с Элей мы общаемся по телефону и изредка — по почте.

Неоднократно с нами проводил отпуск старший брат моего довоенного друга Юры Володя Товкач. Были и Упоровы со старшим сыном Игорем, а младший, Женя, был еще мал и оставался в Полтаве с бабушкой. Игорь позже бывал на речке и без родителей. Да и дедушек наших, Батю и тестя, Павла Дмитриевича, я привозил порыбачить и отдохнуть от городской суеты. Мы располагались лагерем на берегу какой-нибудь из наших прекрасных рек, Ворсклы или Псла.

Настоящие рыбаки вставали на рассвете и отправлялись рыбачить, кто на лодке, а кто с берега. А лодки у нас были всегда, наши самодельные, когда две, а когда и три. "Настоящие рыбаки" ловили только на удочку. Больше всего любили ловить "в проводку" с лодки, с прикормом.

Феликс с семьёй предпочитали ловить на перемёты (их у нас было два). Для наживки они кошёлкой налавливали на мелководье несколько десятков маленькой рыбки щиповки, наживляли к вечеру перемёты и ставили их на ночь, а утром снимали улов. Попадались окуни, голавли, судаки, сомята. Фелины уловы значительно дополняли наш рыбный рацион. Даже при отсутствии клёва, рыба у нас всегда была, что-то всегда было в моих, сплетённых из лозы, садках. В последние наши "речные" годы и Феликс полюбил ловлю "в проводку". Лодка тогда была одна и мы её "делили": я ловил утром, а он — вечером.

Было и купание, и загорание, даже "прыжки в воду". Маленьких ребят, купавшихся на мелководье, "пас" кто-нибудь из взрослых. В один из приездов Миша, Лялькин муж, научил плавать трёх малышей, за что получил от их родителей, сплетённый Алёшей из лозы, кубок с благодарственной надписью, выправированной на серебряной пластинке. Было и катание на лодках, и игра в волейбол, когда дети подросли и

возникли две команды, молодёжь и старики. Были и прощальные костры. Когда все разъезжались, мы с Павлом Дмитриевичем еще недельку—другую "прихватывали", предаваясь любимой ловле в проводку с лодки. А лодка ездил с нами на багажнике автомобиля, сначала "Запорожца", потом "Жигулей".

Выезды на речку большими компаниями закончились, когда дети наши, окончив школу, поступили в ВУЗы.

Наше общение с Н.И.Гавриленко продолжалось и во время моей учебы, и после возвращения в Полтаву, где он работал в Педагогическом институте. На работу и домой он ходил мимо нашего института и нередко заходил к нам на кафедру. Нам было о чем поговорить.

В сентябре 1983 года, проработав в институте 29 лет, я вышел на пенсию (за год до этого будучи переизбранным на новый пятилетний срок). Уж очень тошно стало работать из-за составления никому не нужных планов и отчетов, дежурства в студенческом общежитии, ночных дежурств на проходной института (и дежурили!) и других подобных "мероприятий". Тома ушла с работы в 1978 году в связи с ухудшением здоровья.

И хочется в конце сказать, что четыре бывших моих студента, уже доценты, преподают сейчас зоологию и другие биологические дисциплины в двух полтавских ВУЗах. И изредка меня навещают.

21.05.07

«РЕЧКА», 1962-1985

С Вронскими от Сухорабовки, 1962

С Вронскими, Псёл, Федоренки, 1962

Лялька и водяной уж, 1962

Псёл, Федоренки, 1962, Никитина "тень"

Псел, Крамаренки, 1966. Отдых в тенёчке

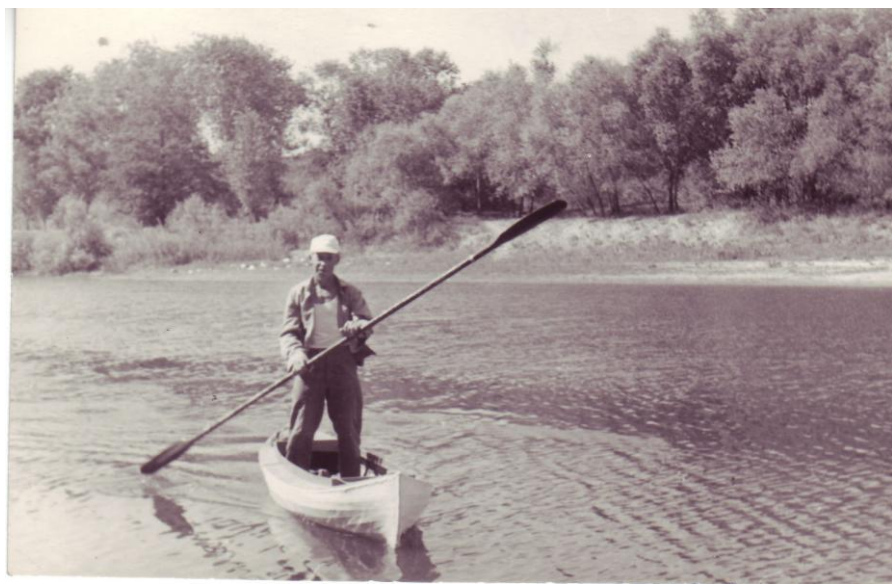
Таня Рахманова, 1966

20.08.1972. День рождения Фели. Молодой и красивый.

Наташа Воронина, 1966

А мне нравится грести стоя. Ворскла, Сосновка, 1968

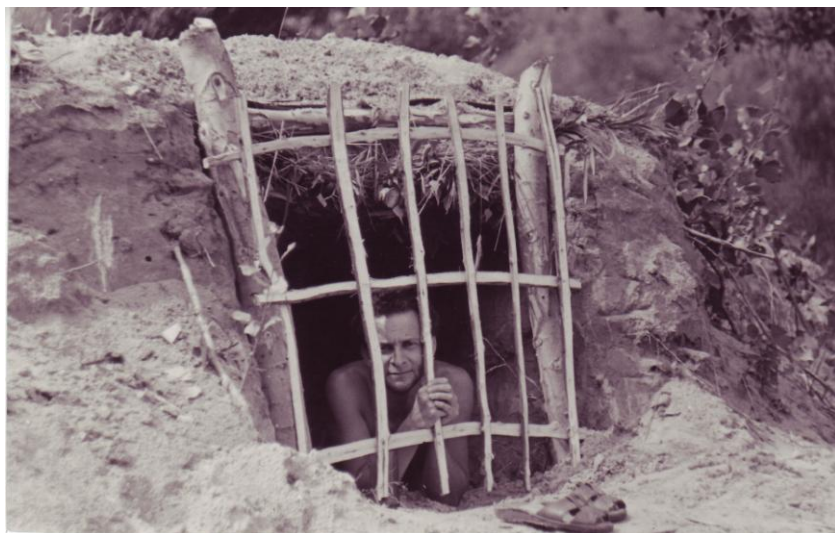
Один из Фелиных судаков

Миша с учениками и кубком

Ворскла, Сосновка, 1968

Миша. "Сижу за решеткой"...

Купание и наша «флотилия»

Псел, Крамаренки. Под Грушей, 1970

Псел, Поповка, 1985

Боря – охотник (молодой и красивый)

«Дредноуд» на «Запорожце»

Когда мы были молодыми, Полтава, 1957
Вадим Кохно Борис Голов Константин Райлло

Полтава, конец 40-х

Август 1957

Бызовы в гостях у новорождённой Юли, 1957

Тетя Шура, бабушки Лена и Саня, и Юлёна, 1957

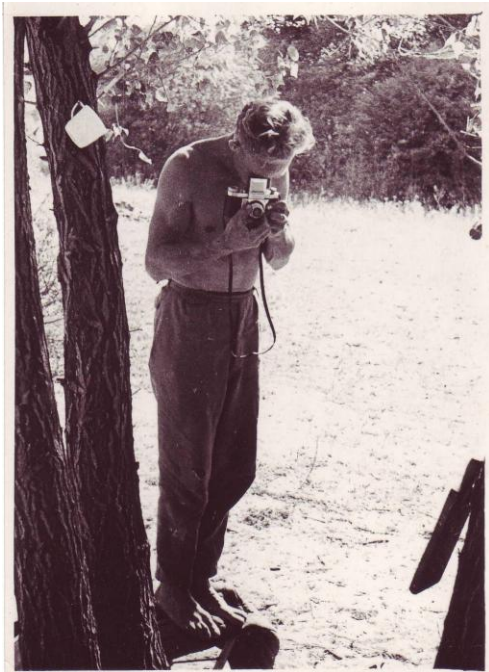

Матушка в гостях у Гавриленко, Полтава, конец 50-х

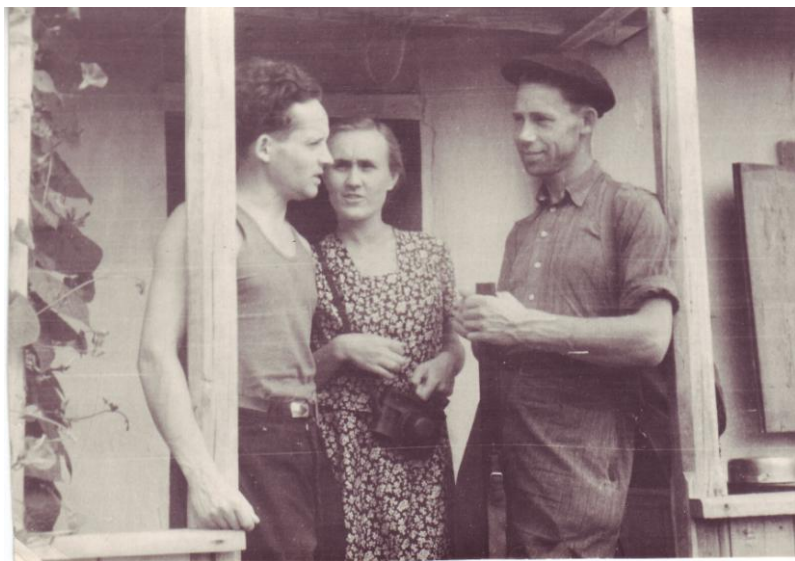

На

Митьковской, Москва, 1952

1957. Мы с Алешей фотографируем 2-х месячную Юлю

Михайловка, в гостях у Юли и Алеши, август 1955

Бызовы провожают меня из Михайловки

В Салтыковке летом

В

Салтыковке зимой. Два Бориса и Яша

На озере Сенеж, 1954 г.

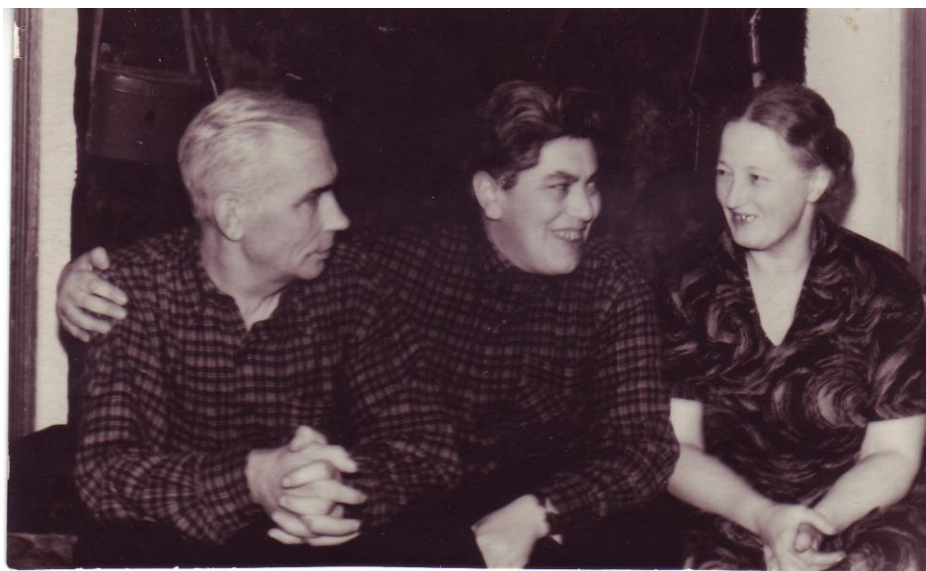
Поход на р. Нару, 1954 г.

Яша с родителями, 30-е годы

Яша в одном из заповедников

В гостях у Тепловых...

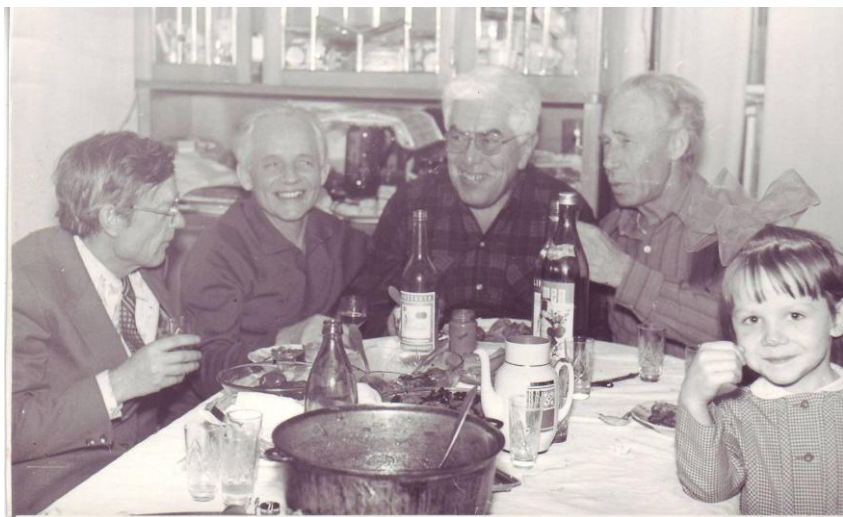
и дома, но значительно позже

С Вадимом на Ворскле, 1968 г.

1980-е годы

Начало 80-х

1980-е годы

Клушица Галя любит окуривание дымом сигареты

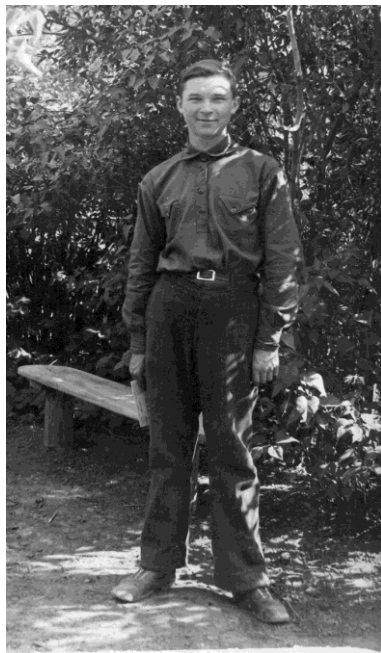
Мои однокурсницы – однокафедренницы Света и Наташа в Полтаве

1991 год, Полтава

1993 год

Татьяна и Константин Бочаровы, август 1940 г.

После окончания университета, август 1951 г. , Полтава

Перед армией, август 1940 г.

Коротенькие воспоминания Юли Бызовой
о наших «Речках»

Дорогой Боря! Спасибо тебе огромное, безграничное за наши «Речки», за незабываемое полтавско-головское гостеприимство!

На Речку нас, Бызовых, стали всяко заманивать Томочка и Боря вскоре после их переезда на постоянно из Москвы в Полтаву. Мы вместе учились, жили в общежитии. Это было прекрасное время нашей дружбы, которая до сих пор хранится теми, кто дожил. Хочется передать внукам и правнукам умение дружить, вкус дружбы.

Впервые мы с Алешей были на Ворскле одни в 1955 г. Это было наше запоздалое свадебное путешествие, после краткого посещения Вольска, моих родителей. Жили в Михайловке. Боря как-то навестил нас, настрелял нам голубей на подкормку, счел, что мы голодаем. А мы жили вполне привольно, налаживались взаимные отношения, определялась манера проводить свободное время. Я хозяйничала или вязала что-нибудь. Алёша восстановил своё плетение из ивы корзин (научился этому и зарабатывал во время эвакуации в Мартынове-Аксакове), много играл с малышняй в шахматы. Куда-то ходили вдаль. Но меня тянуло в сторону, к цветам и всякой живности, а Алёша любил всё в чистом виде – либо поход, километры, либо грибы. Есть много хороших фотографий.

Заманивание на Речку в осеннее-зимнее время продолжалось. Мы с Томочкой переписывались более или менее регулярно, иногда была приписка от Бори: описание новых лодок, фото уловов и т.д. Летом их семья рыбачила стационарно или сплывала по рекам без постоянных стоянок. Зайку вывозили на речку и купали в тазу речной водой ещё до годика. На речку выбирались всем семейством с дедами Александром Григорьевичем и Павлом Дмитриевичем. Сплавливались с Райллами и Кохнами – сослуживцами по сельскохозяйственному институту.

О Боре, Старшем по «Речкам».

Два поколения Бызовых: родители и дети, постоянно бывали на Речках с друзьями обоих поколений. Это Событие сыграло большую роль в их жизни (имею в виду детей). Очень чёткая и экологически грамотная организация большого стационарного лагеря*, либо временного, при сплаве, была воспринята с самого начала детьми, как Закон. Очень спокойным негромким голосом Боря говорил: «Так делать нельзя». И, как правило, было понятно, почему нельзя.

Вспоминается такой курьёз. Боря, сидевший на «сидьбе» (мы эти сооружения называли «гатка», БГ), захотел пить. Мелким шагом бежит к кухне, приговаривая: «девочки, девочки, дети, так делать нельзя», берёт чайник с заваркой... и втягивает вместе с чаем осу, жалом в сторону языка! Ну, а потом онемел язык, долго нельзя было глотать ничего, кроме жидкости. Наглядный урок, ничего не скажешь! Правда, потом Боря сначала сливал чай.

Наши дети получили уроки и восприняли. Старшеклассниками Боря наш, Саша Саввичев и Серёжа Гаврилов, бывавшие с нами на Речке, и Лёша Кицеловский, их школьный друг-одноклассник, путешествовали на плоту в весеннее половодье где-то в Подмоскowie. Затем Саша и Боря в складчину купили байдарку. Мне очень хотелось сохранить её обшивку, на которой краской были отмечены их путешествия. Она была вся в надписях. Но ребята не ценили «историю», как и сейчас – свалка фотографий, не датированных даже. Нас выручала Оля, которая иногда брала кучу фото, присланных из Полтавы, и подписывала.

Боря с Сашей однажды доплыли по речкам до Полтавы (и лагеря полтавчан Головых в низовьях Ворсклы, БГ), что было неожиданно для хозяев. Не помню, как они возвращались, каким путём. Туда ведь большей частью по течению. (А я помню – до Полтавы автобусом, до Москвы поездом, БГ). Они плавали и где-то на Кавказе, сейчас не помнят.

* Яма–погреб, яма–свалка, «лопаточный проспект»: саперная лопатка, вóткнутая в его начале, означала – «свободно», или же – наоборот.

Постепенно их компания росла, образовалось устойчивое сообщество водных туристов. Когда-то оно получило название «Винегрет». Были самостоятельные путешествия на байдарках, затем на катамаранах. Маршруты официально оформлялись. Инициатором и капитаном стал Саша. С появлением семейных пар, детей – походы разделили на «детские» и «взрослые». В детских походах участвовало до 10 семей с ребятами разного возраста (третье поколение!) – в летнее время. В другое время взрослые папы и мамы и их друзья устраивали себе серьёзные походы (напр. Таймыр). Костяк группы обростал, фотография по поводу двадцатилетия «Винегрета» собрала 46 человек, и это не полный состав клуба. На фото нет Нади, Яши и Марины, только их дети. На 2009 год возраст Клуба 25 лет, он базируется в гимназии на Донской улице. Заведует Леонтович, экологию и ещё что-то преподаёт Саша (Александр Сергеевич), астрономию и физику – Вера Саввичева. В походах с раннего детства участвовали наши внуки Боря, Алёша и Паша (с родителями), дети Саввичевых Коля, Тоня и Павлик – это третье поколение. Коля Саввичев – студент, сам сейчас становится грамотным помощником отца Саши и организатором лагеря, а внук Алёша (сын Бори Бызова) студент-медик соответствует своей специальности. Школьники в походах выполняют небольшие работы и на прощальной стоянке делают сообщения. Они были в Баргузинском заповеднике, на Алтае в 2008 г. во время солнечного затмения. Здесь с ними вместе был наш давний знакомый англичанин Джон Андерсон, профессор биологии. Предложил ребятам тему «Биоразнообразие». Вера с группой ребят, интересующихся астрономией, стояла своим лагерем. С 2000 года Гимназия стала проводить Всероссийские научные школьные чтения имени Вернадского с докладами устными, рецензированием и публикациями. Теперь уже и третье поколение приобщилось к охране природы и уважению её права на существование.

Дорогой Боря Голов! Спасибо тебе не только за наши чудесные «Речки», но ещё большая благодарность и низкий поклон за это ненавязчивое, но глубокое и серьёзное воспитание наших детей!

Хочу хоть несколько слов посвятить так рано ушедшей от нас *Томочке, маме-Томе, Матушке*. Мы учились в 1-й (Тома) и в 3-й (я) группах на 1-2 курсах, до разделения по кафедрам. А с середины декабря 1946 г. и жили вместе в общежитии на Стромынке, комнате 254. Я появилась в комнате в день рождения Тома или Бори, т.е. 16 или 23 декабря. Однако, в это время Боря уже был «приписан» к нашей комнате, а его многонаселённая комната была нашим «побратимом» на всё время учёбы. Об этой легендарной комнате хорошо написал в своей книге Боря.

Томочка была ботаником от Бога. Она очень рано определилась. Я сначала тянулась за ней. Отчасти этому способствовало то, что в школе я любила ходить в ботанический кабинет к Лютику (так звали ученики учительницу), а также, в ещё большей мере – работа в Краеведческом музее. Я помогала Павлу Сергеевичу Козлову (директору и учителю) оформлять гербарий растений окрестностей г. Вольска.

После 1-го курса у нас была замечательная ботаническая практика, ездили в Ромашково, потом – камералка. А после 2-го курса в Звенигороде вёл практику по ботанике Николай Николаевич Каден (Коля Каден).

Был исторический случай. Мы с Томочкой, как и вся группа – парами, делали описание площадки 1 кв. м. на разнотравном лугу. Требовалось: список видов (цветущих особей и нет), их количество и общее и соотношение видов, мхи, м.б., лишайники. Мы выщипали поштучно растения, разложили по видам, сосчитали вдоль и поперёк... Разложили по видам (на глаз) мхи. Н.Н. Каден, говорили, увидев наш труд» в процессе, прибежал в преподавательский домик и закричал (говорили – заорал): «Я видел всяких дур! Но эти... посмотрите!». Кто-то пошёл посмотреть... Над нами посмеялись, но ласково. А мы такими и остались, упёртыми.

Томочка постоянно тихонько напевала какую-нибудь классику. Абсолютный слух и приятный, очень тихий, голос.

Томочка знала растения блестяще, и не только по цветам, но и по листьям, прикорневым и окончательным. Казалось, что для неё нет загадок. Однажды на Речке Юлишка начала чихать и задыхаться, не понятно почему. Но Томочка бродила вокруг день-другой и нашла растение, вызывающее аллергию. Это оказалась амброзия, заморское,

карантинное у нас, растение, жуткий аллерген, да ещё в цвету. Это растение – из Америки. Не помню, как вышли из положения. Может быть, собрали все цветы в окрестностях? (Юлю пришлось увезти в Полтаву, там она перестала чихать и задыхаться. БГ)

Дипломную работу Томочка писала по повиликам – растениям, паразитирующим на растениях же. Она прекрасно рисовала свои растения. А затем долго собирала, тщательно рисовала и писала определитель и атлас семян Сложноцветных. Это была её кандидатская работа. Но издать книгу, после её ухода, в Москве никто не взялся, к сожалению.

В Полтаве заведующий кафедрой Ботаники Иван Петрович Широких, которого, ушедшего на пенсию, сменила Томочка, передал ей многие свои знания и подарил роскошный старинный «Атлас растений» Монтеверде. Я купила себе у букинистов такой же, переизданный.

В Полтаве, преподавая ботанику, Томочка очень быстро изучила местную флору, географию растений, экологию, набор лекарственных растений. В те ранние годы она была неутомима в ходьбе и проводила отменные экскурсии со студентами и с теми на Речке, кто хотел. Её каждый раз вела надежда узнать что-то новое.

Томочка была на редкость музыкальна, узнавала любую мелодию с нескольких тактов, могла напеть любую классику, постоянно что-то мурлыкала. Как-то сливались её отношение к растениям (м.б. трепетное, задушевное, дружеское, «мы одной крови, ты и я», например) и постоянная мелодия в душе, тихое мурлыканье.

Удивительнее человека я не встречала в жизни. И когда мне попались (от Катюши Бызовой-Ершовой) стихи Вадима Тихомирова, я поняла, что это сродни Томочке, что это её мелодия...

Я не знаю, случилось ли Вам
С зеленеющих тонких травинок
Собирать иногда по утрам
Бриллианты блестящих росинок.
Я успел их немало собрать,
А теперь хоть увидеть мечтаю...

Я Вам счастья хочу пожелать –
Бриллиантовых рос Вам желаю. (Май 1980)

Пусть здесь будут разные Томочкины фотографии. Она была Главной Матушкой на речке.

*Юля и Тома после экскурсии в овраг возле Поповки.
Пселл, 1985 г.*

Послесловие

Зачем послесловие? О чём? Подумалось, что кому-то из внуков-правнуков будет интересно узнать о Бочаровых и о наших друзьях-однокурсниках, много лет проводивших свой отпуск вместе с нами на речке. Где они, что у них?

Начну с Бочаровых. После ареста родителей, Котьку и Яну (Татьяну) из их квартиры сразу же выгнали, и моим родителям пришлось снять для них комнату в отдалённом от нас районе города. Но вскоре они поселились у нас. Котька поступил в Автодорожный техникум, а Яна, по окончании десятилетки, где-то работала. В начале войны, вместе с моими родителями, они эвакуировались куда-то на Северный Кавказ, где Константина взяли в армию, а моим родителям, вместе с Яной, пришлось снова эвакуироваться — и туда подходили немцы. Целый месяц, в ожидании переправы, они просидели на берегу Каспия возле Махачкала, а после переправы попали на Урал, в г. Орёл, где отец устроился на работу по специальности. Не знаю, где Тане удалось окончить медицинский институт и она была распределена в одну из поликлиник Белгорода. Котька после демобилизации поступил где-то в Автодорожный институт, по окончании которого работал в Калининграде (Кенигсберг). Оба они, и Котька и Яна, часто приезжали в Полтаву к моим родителям. Константин в Калининграде женился. В 1959 году он с семьёй, женой Галей и семилетней дочкой Олей, приезжали в Полтаву и с нами отдыхали на Псле, о чем есть "документальный фильм", снятый Константином. Их мать, Олимпиаду Петровну, вскоре после смерти Сталина, реабилитировали, и она получила квартиру в Белгороде. В конце 50-х годов Константин узнал в КГБ, что их отца, Владимира Илларионовича, расстреляли в 1941 году, когда уже началась война. Немцы наступали, куда было девать этих многочисленных "врагов народа", не выпускать же! И эвакуировать не просто, самим бы ноги унести! Куда как проще — расстрелять.

Таня вырастила и воспитала двух сыновей, с которыми не раз приезжала в Полтаву. Пока жива была моя мама, с Таней и Галей Бочаровыми они часто переписывались. Нет уже ни Тани, ни

Константина... Хочется закончить выдержкой из поздравительной открытки Татьяны к одному из маминых дней рождения:

"Всегда с благодарностью думаю о Вас и Вашей семье, которые были поддержкой и примером во всей моей сознательной жизни и, в особенности, в самые тяжелые мои дни. Вы остаётесь для меня единственными, самыми верными и благородными друзьями. Яна. 11.04.73 г."

А теперь о друзьях-однокурсниках. Почти со всеми из нашей компании мы встречались и общались во время наших, не так уж и редких, приездов в Москву. С начала 60-х годов некоторые из них, вместе с детьми, проводили свой отпуск с нами в палаточном городке на берегу Псла или Ворсклы. Алёша и Феликс усиленно трудились над докторскими диссертациями и уговаривали меня последовать их примеру. А я упорно сопротивлялся, и драгоценное время отпуска посвящал охоте и рыбной ловле, да иногда еще добавлял, к и так солидному отпуску, положенные мне две недели отпуска без оплаты. И никаких сожалений по этому поводу не было и нет.

Сева Бродский (Всеволод Яковлевич) на речке у нас не побывал. После отъезда из Москвы встречаться с ним удавалось очень редко. Вскоре после смерти Сталина выяснилось, что так называемое "дело врачей" было сфабриковано, всех арестованных врачей выпустили и реабилитировали. Отец Севы был сослан в Северный Казахстан и там заболел. Сева за ним поехал, но, пока он был в пути, отец его умер.

В 1954 году Сева поступил в Институт биологии развития АН СССР и по сей день там работает. Вот очень краткая выдержка из его институтской характеристики: "Цитолог и гистолог В.Я.Бродский, доктор биологических наук (1965), профессор (1967), лауреат премии Мечникова АН СССР (1972) и медали Пуркинье Чешской Академии наук (1988), заслуженный деятель науки РФ (2000), зав. Лаб. цитологии (1963 – 2007), главный научный сотрудник Института биологии развития РАН (с 2007)." Кроме того, член редколлегий нескольких журналов по цитологии (наука о клетке) и гистологии (наука о тканях), редактор-консультант последнего издания БСЭ и

новой Российской энциклопедии по цитологии и гистологии, автор четырёх книг, из которых одна опубликована в Кембридже. Много его статей и обзоров в специальных отечественных и иностранных изданиях.

Ещё на полутора страницах этой характеристики изложены основные научные открытия Сева, что может быть интересно и понятно только специалисту. Сева читал лекции в МГУ и ЛГУ, в университетах Софии и Праги. Ряд лет он сотрудничал с учёными Чехословакии, Венгрии, США. Из его лаборатории вышли 11 докторов и 30 кандидатов наук.

На досуге Сева занимается фотографией живой природы. Не так давно прислал мне великолепные снимки гнезда аистов с птенцами, бельчонка, бабочки — махаона. Чтобы сфотографировать аистят, ему пришлось залезть на соседнее дерево. И это в 65 лет!

Скромность украшает, но обидно, что в книге "Мозаика судеб биофаковцев МГУ", (Москва, 2007), Сева, в отличие от многих других, уложился на одной страничке.

Светка Блинова (Светлана Львовна) с детства увлекалась психологией животных. Еще в студенческие годы мы бывали у неё дома, где познакомились с двумя милыми, совершенно ручными, птичками: чижиком и крапивником. Я прятал между губами зёрнышко конопли, а Чижик, сидя на моём пальце, своим маленьким клювом ловко раздвигал губы и зёрнышко извлекал. Можно ли это забыть?

После защиты отличной дипломной работы по зоопсихологии бобров Света работала в Уголке Дурова, но вскоре перешла на работу в Гельминтологическую лабораторию Академии Наук, где защитила кандидатскую диссертацию по гельминтам жуков-короедов и работала старшим научным сотрудником. Подготовила 16 аспирантов. Зная несколько языков, свободно владея английским и французским, помогала в переводе сотрудникам лаборатории. В 60 лет ушла на пенсию. А сейчас пишет воспоминания. Дочь Ольга — восточный искусствовед, специалист по Китаю.

Наташа и Юра Баевские (Наталия Моисеевна и Юрий Борисович), с которыми мы все 5 лет учёбы провели в одной группе и на одной кафедре, были направлены в Баргузинский заповедник, где проработали три года. Юра — старшим научным сотрудником, а Наташа — заведующей соболиной фермой. Там, Наташа выкармливала и воспитывала медвежонка Фёклу. Мать Фёклы убили браконьеры, а сосунка-медвежонка Наташке было очень жалко. По возвращении в Москву Наташа родила сына Диму, а потом 19 лет работала в библиотеке Иностранной литературы, где, зная иностранные языки, большую часть этих лет была главным библиографом, а сейчас с большим интересом и удовольствием работает в Библиотеке Академии Наук. Юра закончил аспирантуру и в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию и, работая в Институте эволюционной морфологии, в 1968 году защитил докторскую диссертацию. Их сын Дима (Владимир) — кандидат каких-то очень высокотехнических наук, работает в фирме по беспроводной связи.

С Юлей (Юлией Борисовной) Бызовой мы кандидатские защищали в один день, но в разных местах, и дальше не пошли. Недавно опубликована большая Юлина книга "Дыхание почвенных беспозвоночных". Работала Юля в Институте эволюционной морфологии АН СССР. А её муж Алёша (Алексей Леонтьевич) Бызов, одним из первых, из числа бывших студентов нашего курса, был избран членом-корреспондентом АН СССР и является всемирно известным специалистом по строению и функциям сетчатки позвоночных животных. К нему приезжали учёные из многих стран, и его приглашали и в Штаты, и в Японию и куда только он не ездил! Алёша опубликовал более двухсот работ о строении и функциях сетчатки позвоночных. Награждён премией имени Сеченова. Заведовал лабораторией Органов чувств в Институте проблем передачи информации АН СССР. В отпуске, будучи с нами на речке, кроме рыбной ловли, увлекался плетением из лозы и успешно увлекал этим многих других отдыхающих. В Москве, в выходные дни, совершал дальние поездки на велосипеде, иногда совмещая их с заготовкой материала для изготовления плетёной мебели. И мне посчастливилось сидеть в его самодельном кресле-качалке и на

табуретке. Надюша (Надежда Алексеевна), их дочь, воспитала двух сыновей, работает в Институте биохимии АН научным сотрудником. Борька (Борис Алексеевич) их сын — доктор биологических наук, работает на Почвенном факультете МГУ, на кафедре Биологии почв. Награждён премией имени Вернадского за книгу «Зоомикробные взаимодействия в почве».

Юра Виктор (Георгий Александрович), энтомолог от рождения, на Биофаке МГУ дипломную работу отлично защитил, конечно, по кафедре Энтомологии. Там же был оставлен аспирантом и в 1954 году блестяще защитил кандидатскую диссертацию. После непродолжительного периода работы в Зоомузее Биофака, возглавлял Лабораторию по изучению вредной черепашки, широко распространённого вредителя зерновых культур. В 1967 году была опубликована его монография "Проблема динамики численности насекомых на примере вредной черепашки". Годом раньше по этой монографии он защитил докторскую диссертацию. В 1972 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. Будучи профессором кафедры Энтомологии Биофака МГУ, читал настолько интересно лекции по сельскохозяйственной энтомологии и экологии насекомых, что слушать их ходили не только студенты, но и многие сотрудники кафедры и аспиранты. Был заместителем председателя Высшей Аттестационной комиссии, членом нескольких обществ и редакций, главным редактором "Зоологического журнала". Является признанным авторитетом у экологов, изучающих динамику популяций, и у работников в области биологического метода защиты растений.

Наташа (Наталья Михайловна) Воронина, окончившая кафедру Зоологии беспозвоночных Биофака МГУ, практически всё время работала в Институте океанологии им. Ширшова АН СССР, где и сейчас продолжает трудиться ведущим научным сотрудником. Плавала по всем морям и океанам мира. Побывала в более чем двадцати продолжительных и серьёзных экспедициях, в том числе на легендарном "Витязе", "Дм. Менделееве", "Академике Курчатове", "Академике Иоффе" и "Академике Вавилове". Автор монографии

"Экосистемы пелагиали Южного океана". Доктор биологических наук.

Катюша (Екатерина Георгиевна Викторова), их дочь, окончила кафедру Вирусологии Биофака МГУ, кандидат биологических наук. Работает всё время в области молекулярной вирусологии (вирусы полиомиелита, энцефаломиелита мышей Тейлора. В настоящее время по этой тематике работает в США, в Чикагском университете. Выростила и воспитала двух дочерей. Соня – талантливая художница, Катя – студентка Биофака МГУ, будущий эколог. Их мама Катя – родственная душа, в детстве тоже играла в индейцев. Мне довелось видеть, на их даче, великолепный индейский головной убор из индюшиных перьев, лук и стрелы.

Феля (Феликс Рувимович) Зайдельман окончил с отличием Биологическое отделение нашего, тогда уже Биолого-почвенного факультета по кафедре Биохимия животных, а затем, работая почвоведом, заочно закончил с отличием кафедру Физики и мелиорации почв. В 1957 г. защитил кандидатскую, а в 1967 — докторскую диссертации. После 1970 г. — старший научный сотрудник факультета Почвоведения МГУ, с 1977 г. и до сего времени — профессор кафедры Физики и мелиорации почв того же факультета. Автор 19 монографий, 350 научных публикаций, двух учебников. Подготовил 24-х кандидатов и 3-х докторов наук. "Заслуженный деятель науки РФ", "Заслуженный профессор Московского университета", лауреат премии имени академика В.Р.Вильямса, награждён медалью "Автору научного открытия", золотой медалью ВДНХ.

Инна (Инна Борисовна Куваева), Фелина супруга, окончившая кафедру Биохимии растений Биофака МГУ, в научной и практической деятельности от мужа не отставала. И доктор, и профессор, разве что поменьше монографий и научных публикаций, и кандидатов и докторов наук подготовила поменьше. Так ведь семья, двое детей, пятеро внуков. Награждена знаком "Отличнику здравоохранения", медалью "Ветеран труда", присвоено звание "Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации". С 1998 года и по настоящее

время — Главный эксперт специализированного Совета Института питания РАМН, член Учёного совета этого института и Межведомственного совета по проблемам гигиены питания.

Подробнее о Феликсе и Инне смотрите в 1 томе "Мозаика судеб биофаковцев МГУ..."

А это Никита написал обо всех Вронских — Соколятах.

1. Мама наша Лялька, она же Рогнеда Борисовна Вронская

Год рождения – 1928. Натура добрая, очень отзывчивая и эмоциональная. Училась в МГУ на кафедре палеонтологии Геологического факультета. Завершив учебу, работала до 55 лет в Институте нефти и газа. Почти каждый сезон выезжала в поле в Среднюю Азию, а объектом изучения Матушки была меловая фауна остракод. (Это какие-то ракообразные, Б.Г.)

Однако, не столько палеонтологической деятельностью славна и сильна наша Матушка, сколько Семейной. Дом, родные, друзья, еще раз дом и опять, родные и друзья – вот Матушкина стихия, Матушкино призвание, и следует Матушка своему призванию с неутомимой самоотдачей.

2. Наш Михей – Миша, а если официально, то Моисей Герцевич Лувишис.

По профессии – геолог, кандидат геологоминералогических наук, работал в том же институте, где и Матушка, и там всем сердцем Матушку полюбил и в конце концов Матушкиной любви добился. С 1964 года – в нашей семье, которая вся Михея полюбила как родного. Он и есть – наш родной – надёжный, преданный, любящий – и всех нас, и свою работу, на которой вполне преуспевает в свои 75, будучи востребован в нефтяной науке и в практических делах нефтеразведки.

3. Сестра моя Наташка – Наталья Викторовна Вронская.

Высшее образование и профессию географа получила в Московском педагогическом институте. Но, как и Матушка, Наташка славна не географическими достижениями, а семейными. Родила двух детей – дочь Наташу и сына Даню (Даниила) Много и плодотворно занимается делами своего большого дома, а в последнее время успешно освоила специфический и непростой труд риэлтера – иными словами, помогает согражданам решать их квартирные сложности. Это дело сестра моя даже полюбила – отсюда и явные на этом поприще успехи. Две внучки зовут Наташку Татой и души в ней не чают.

4. Наташа-младшая, дочь сестры Наташки, официально – Наталья Евгеньевна Зарецкая, но для всех – просто Заяц. Эта девочка – образец целеустремленности и организованности. Закончила Географический факультет МГУ, работает в Геологическом институте Российской АН. Защитила кандидатскую диссертацию, очень много ездит – прежде в поле, нынче больше на научные собрания, а также с мужем и двумя их дочками – для познания окружающего мира и расширения кругозора.

5. Муж Наташи–Зайца – славный наш Вован, Володя Тумской, полярный геоморфолог, сотрудник Геологического факультета МГУ, кандидат геолого-минералогических наук. Большой -- под 2 метра, добрый, во всех отношениях очень славный и обладающий редчайшим качеством – абсолютно "непьющий", не знающий совершенно вкуса и действия алкоголя (не шучу!), даже пивного. Лето проводит, как правило, в настоящей Арктике, в том числе – на арктических островах (Новосибирских), работает и на Аляске. Сочетает в своей натуре навыки хорошего практика с романтическим воображением.

6-7. Две дочери Наташи (Зайца) и Володи – Василиса – родилась в день рождения Чарльза Дарвина (12 февраля), в 2003 году – и София (идет второй год).

8. Даниил Валерьевич Рудницкий -- сын моей сестры Наташки.

После окончания Пищевого института, неожиданно для многих из нас проявил и целеустремленность, и вообще цельность характера. Самостоятельно искал и находил вполне достойные места работы и, в конце концов, был принят в международную корпорацию Proctor & Gambel, где за два года, что называется, успешно продвинулся и продолжает в том же духе. В школьные годы закончил еще и музыкальную школу и сейчас, несмотря на изрядную занятость, музыку не оставил и, бывает, выступает даже как ди-джей (особая форма "музыкальной деятельности"). Дане 25 лет.

9. Ваш Никитон.

После окончания в 1972 году кафедры зоологии позвоночных Биолого-почвенного факультета МГУ, перепробовал разные романтические рода деятельности. Не будучи, к сожалению, увлеченным биологом, а будучи, по-видимому, увлеченным путешественником, искал возможности ездить в интересные экспедиции, в чем, в общем преуспел. Уходил из биологии в геологию, но вернулся к зоологии и защитил кандидатскую диссертацию. Был соруководителем крупных арктических экспедиций. Сотрудничал с журналом "Вокруг света" и был увлечен идеей создания морского приложения к этому журналу. Идея воплотилась в создание особого журнала о парусах и яхтах, который и возглавлял как главный редактор. В 2002 году ушел в общественную организацию коренных малочисленных народов, где пребываю до сих пор. Былая широкая романтическая увлеченность полностью переродилась теперь в любовь к единственной пока родной внучке.

10-11-12. Дочь моя Настя, муж Насти – Игорь и Маленькая Настя. Насте 28 лет. Закончила 4 курса института как специалист английского языка. Но не работала, а влюбилась в хорошего мальчика Игоря, с которым родила нам внучку – тоже Настю. Славный Игорь трудится на благо семьи, что позволяет Большой Насти не работать, а заниматься домом и Маленькой Настей, что Большая Настя и делает безупречно. С Маленькой Настей (пошел 6-й год) мы очень большие друзья, ходим часто в Зоопарк, в Дарвиновский и Палеонтологический музеи, литература и игрушки у нас, кроме

кукольных и сказочных, разнообразные зоологические, и первое, самостоятельно написанное, недавно слово Маленькой Насти было "плезиозавр".

Вот, дорогой дядя Боря, немного о наших.

Давайте напишем и о нашем Дядюшке с тетей Аришей.

Дядюшка наш, Борис Борисович Вронский, вырос в таежных условиях Восточной Сибири, что сказалось на его отношении к большим городам – Дядюшка их не любит. Высшее образование пришлось, однако, получить в Москве – на Биологическом факультете МГУ. Здесь Дядюшка стал дипломированным ихтиологом и встретил свою Аришу – Ирину Александровну Носову. Дядюшка с Аришей стали мужем и женой и, закончив учебу, уехали в Хабаровский край, где 10 лет были сотрудниками научной станции ТИНРО (Тихоокеанский НИИ рыбного хозяйства и океанографии) на озере Болонь. В 1963 г. получили приглашение от Камчатского отделения ТИНРО, переехали в Петропавловск-Камчатский и остались там на десятилетия. Камчатка стала для Дядюшки с Аришей, если и не второй родиной, то уж точно любимым краем. И Дядюшка, и Ариша защитили кандидатские диссертации. Когда пришло время возвращаться "на материк", выбирали ближнее Подмосковье и, в конце концов, поселились в Пущино-на-Оке. Ариша оставила Камчатку много раньше Дядюшки, а Дядюшка продолжал камчатскую жизнь до своего 77-летия. В их пущинской квартире много камчатских памятных предметов, истории которых Дядюшка с Аришей рассказывают своей внучке Анюте.

Так, вот, дорогой дядя Боря, вкратце.

А что про наших девочек написать?

Зоя, (Зоя Борисовна) наш первенец, родилась в Москве, чуть-чуть не 29 февраля, но немного потерпела, и получилось 1 марта в 6

утра. А то бы пришлось день рождения отмечать раз в четыре года. Снимали мы тогда комнатку в маленьком деревянном доме, на ул. Митьковской, рядом со станцией метро Сокольники. Частенько навещали нас друзья – однокурсники, но Зайка долго всех дичилась и при появлении гостей поднимала рёв. Потом привыкла, даже шла на руки незнакомым тётям и дядям, что подтверждается фотодокументами.

Мы ещё учились, бывали в экспедициях, а Зоя росла в Полтаве на попечении бабушек и тётушки. А вскоре и сами мы оказались в Полтаве, где, с пятилетним отрывом от Зои, появилась Юля. Обе дочери росли, учились в школе, а в летнее время в саду и во дворе у нас было полно соседских ребят. Зоя, обладающая организаторскими способностями, устраивала спектакли, представления, смотреть которые приходили не только все соседские дети, но и их родители.

Окончив школу, Зоя поступила в Полтавский педагогический институт, по окончании которого была направлена в сельскую школу в селе Малая Перещепина. Проработав там два года, вышла замуж за тракториста Ивана Андреевича Гарца. Вскоре, вместе с Ваней, они переехали в Полтаву, где Зоя до самой пенсии вела младшие классы, а Ваня, поступив на завод, стал слесарем-токарем-фрезеровщиком высокого класса и уже мечтает о пенсии.

Зоя на пенсии уже несколько лет, но бывшие ученики её помнят и то одни, то другие звонят и спрашивают, можно ли прийти. И каждый год приглашают на выпускной вечер.

Как когда-то и мы, в отпуск они с друзьями (а раньше и с детьми) выезжают на речку, живут в палатках и ловят рыбу. А теперь и их дети, наши внуки, тоже поддерживают нашу традицию, только внучек Андрюша предпочитает не сидеть на берегу, а сплавляться на плоту с друзьями, детьми и со всеми удобствами. Посоветовал ему, для повышения уровня удобств, брать с собой лодочку.

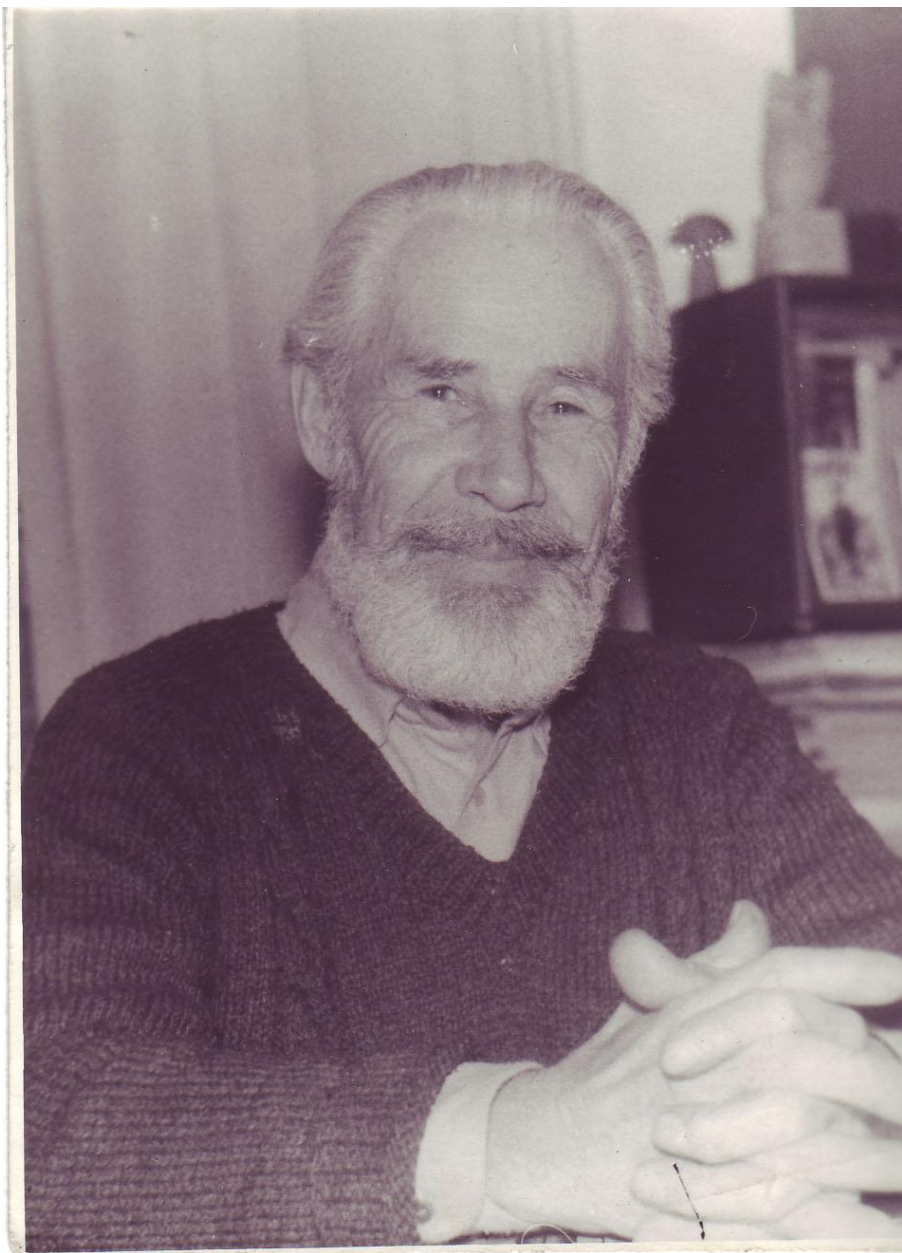
Хочется к этому добавить, что и некоторые дети наших московских друзей «заразились» отдыхом на речках и сплавляются по разным рекам. Возвратясь из плаваний, собирают «Винегрет», где слушают доклады путешественников. Недавно отметили 25-летие «Винегрета», начало которому положили Боря Бызов и Саня Савичев, Борин давний друг, неоднократно бывавший на наших речках.

У внука Андрюши с Ирой – женой (считаю её внучкой) две дочери, Катя и Даша. У Маши, Зоиной дочки и моей внучки, два парня – Дима и Миша. Сама она, окончив, как и Андрюша, Педагогический институт, работает в Институте усовершенствования учителей. Её муж Олег – военный.

Юля после школы, вняв нашим с Томой уговорам, пыталась, вместе с Катей Викторовой, поступить на Биофак МГУ. Обе на первом экзамене (математика) получили двойки. Конкурс в том году был 20 человек на место и девушек старались принимать поменьше. Юлька, будучи золотой медалисткой, подала документы в Институт тонкой химической технологии, куда и мечтала поступить. Первый экзамен сдала на «отлично» и была зачислена. А Катя поступила на наш родной Биофак на следующий год.

По окончании института Юля какое-то время работала в одном из институтов в Подмоскowie, а затем поступила в аспирантуру в Институте молекулярной биологии (ИМБ АН СССР). После защиты кандидатской диссертации осталась работать в том же институте, в лаборатории, которой руководил Б.К.Чернов, один из её официальных руководителей (первым был академик А.А.Баев). У Юли с Б.Черновым как-то случайно возникла любовь и они вскоре стали мужем и женой. Родились у них две девочки, Ксюша и Нася (Анастасия), а в конце прошлого века все они оказались в американском штате Иллинойс, где Борис с Юлей продолжили заниматься своей любимой работой в Государственной лаборатории Аргонн. Как они туда попали – длинная история, пусть рассказывают сами. Желания вернуться в Москву ни у кого из них не возникало, только в первый год Ксюша очень скучала по школе, по подругам. Сейчас Ксения учится на 1 курсе одного из чикагских Университетов и собирается стать медиком, а Анастасия – в 8 классе средней школы. Образование там 12-летнее. Их родители, как и в Москве, по горло загружены работой, но время для отдыха и спорта иногда находят.

Декабрь 2008.

ГЛВД